В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

1 • 1978

Красочным театрализованным действом провожают зиму, встречают весну в древнем, ныне заповедном, русском городе Суздале.

Фото Ю. Холопова.

В исполнении ансамбля «Уэлен» обрели новую жизнь древние танцы народов Чукотки.

Фото А. Герасимова.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

1 · 78

Завоевания Октября, потенции социализма — это в наше время самый надежный залог дальнейшего прогресса человечества. Октябрь — это знамя великих перемен, вознесенное над двадцатым столетием волей и руками трудящихся масс.

Из доклада товарища Л. И. Брежнева «Великий Октябрь и прогресс человечества» на торжественном заседании, посвященном 60-летию Октябрьской революции.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания девятнадцатый

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. С. ИВАНОВ
(главный редактор),

А. В. БЕЛОВ,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ
(ответственный секретарь),
И. М. КИЧАНОВА,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Р. Р. МАВЛЮТОВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
М. Н. МАСЛИНА,
В. П. МАСЛИН,
М. П. НОВИКОВ,
А. Ф. ОКУЛОВ,
И. Д. ПАНЦХАВА,
И. К. ПАНТИН,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартемьянова.
Технический редактор
С. В. Сегаль.
Корректор
Р. Ю. Грошева.
Макет
С. А. Виноградовой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4
Телефоны
297-02-51, 297-10-89

Рукописи и фото не возвращаются
© Журнал «Наука и религия», 1978.

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

Яркой гранью социалистического образа жизни стала утвердившаяся в нашем быту красочная обрядность. Новые, советские праздники и обряды несут в себе неоценимое духовное богатство, в них органически сочетаются жизненный опыт многих поколений людей, народные традиции с коммунистическими идеалами, духовными ценностями строителей коммунизма.
Становлению новых обрядов и праздников, воспитанию молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях старших поколений постоянное внимание уделяет наш журнал. В этом номере читатель найдет статьи о празднике улиц в Ереване, о трудовом закарпатском празднике «Проводы на полонину», о возрожденных к новой жизни древних танцах народов Чукотки, о «Проводах русской зимы» в заповедном городе Суздале...

Этой теме посвящены и наши обложки.

В. КУРОЕДОВ,
председатель Совета
по делам религий
при Совете
Министров СССР

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Концентрированным итогом славного 60-летнего пути, пройденного нашей страной, назвал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев новую Конституцию СССР. Этот выдающийся документ нашей эпохи — яркое свидетельство торжества идей, провозглашенных Октябрем, успешного претворения в жизнь заветов великого Ленина. Наряду с экономическими и политическими достижениями зрелого социализма, его огромными успехами в области социального и духовного развития, его внешней политики, новая Советская Конституция отражает величайшие завоевания социалистической демократии, широкие права и свободы граждан.

В системе политических прав и свобод, воплощенных в Основном Законе Союза ССР, нашла свое место и свобода совести. Статья 52 Конституции СССР гласит:

«Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается.

Церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви».

Свобода совести всегда была конституционным принципом в СССР. Конституция развитого социалистического общества, созданная на основе преемственности и всесторонне учитывающая требования современной эпохи, в полной мере сохраняя соответствующий сущности нашего строя и характеру нашего развития принцип свободы совести, в то же время развивает и углубляет его.

Там, прежде всего в новой Конституции дается более широкая расшифровка понятия «свободы совести». В соответствии с марксистско-ленинским пониманием этого вопроса вводится указание на право каждого гражданина «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Термин «антирелигиозная пропаганда» заменен термином «атеистическая пропаганда», и в этом заложен глубокий смысл. Кроме критики религии здесь имеется также позитивный аспект — формирование научного, материалистического мировоззрения. Особенно следует отметить, что если в Конституции 1936 года было зафиксировано, что свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды **признается** за всеми гражданами, то статья 52 новой Конституции говорит о том, что право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой религии, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду **гарантируется** всем гражданам СССР.

Главной гарантией обеспечения свободы совести является отделение церкви от государства и школы от церкви. Государственные органы не вмешиваются во внутренние (богослужебные, канонические) дела церкви, в свою очередь последняя не вмешивается в дела государства. Церкви предоставляются все необходимые материальные предпосылки для ее нормального функционирования, удовлетворения потребностей верующих.

Важным положением в статье о свободе совести новой Конституции является указание на то, что «возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается». Какое конкретное содержание вкладывается в это положение? В нем следует иметь в виду три аспекта:

Во-первых, это положение направлено на защиту прав личности независимо от отношения к религии. У нас в стране верующие и неверующие равны перед законом, те и другие являются строителями нового общества. В статье 34 новой Конституции сказано, что «граждане СССР равны перед Законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, **отношения к религии...** (подчеркнуто нами. — **В. К.**). Равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни». Из этого вытекает недопустимость ущемления прав верующих, третирования и оскорбления их религиозных чувств[1]. В наших законах говорится, что дискриминация верующих, выражающаяся в существенном ограничении их прав, наказывается в уголовном порядке[2]. С другой стороны, указанное выше новое положение в статье 52 направлено также и на ограждение атеистов от враждебного отношения к ним со стороны носителей религиозной идеологии.

Во-вторых, положение о запрещении вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями направлено против каких бы то ни было антиобщественных проявлений под прикрытием религии, разжигания враждебных настроений к порядкам и законам социалистического общества.

Новая Конституция подчеркивает, что важнейшей обязанностью всех граждан СССР, в том числе и верующих, является соблюдение советских законов, исполнение действующих в государстве, в нашем обществе правовых норм. Попытки нарушить советское законодательство о религиозных культах, например использовать собрания верующих для политических выступлений против Советского государства, подстрекать верующих к уклонению от исполнения гражданских обязанностей, от участия в общественно-политической жизни, к совершению религиозных обрядов, наносящих вред здоровью граждан и т. п., — недопустимы. Все эти положения прямо перекликаются и с требованиями статьи 39 новой Конституции, которая подчеркивает, что использование гражданами прав и свобод (в том числе, конечно, и права на свободу совести) не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан.

В-третьих, из указанного выше положения вытекает также требование не допускать разжигания вражды между отдельными религиозными направлениями. Советская власть с первых дней своего существования решительно покончила с привилегией одних религий и ущемлением других. В отличие от многих буржуазных стран — Англии, Ливана и других, — где империалистическая реакция в союзе с клерикалами всячески подогревают и разжигают межрелигиозные распри, пытаясь отвлечь трудящихся от классовой борьбы, от борьбы за свою свободу, тезис нашей Конституции о запрещении возбуждения вражды и ненависти на религиозной основе ярко демонстрирует гуманистические принципы социалистического образа жизни.

Таким образом, это дополнение статьи о свободе совести, отражая глубоко демократический характер нашего государства, равенство всех религий и равноправие всех советских граждан вне зависимости от их отношения к религии, является одним из факторов монолитного единства развитого социалистического общества, где как верующие, так и неверующие граждане совместно, рука об руку, трудятся на благо Родины.

Конституционный принцип свободы совести опирается на глубоко научные основы взаимоотношения между церковью и государством, которые были разработаны В. И. Лениным, Коммунистической партией в России задолго до победы Октября.

Российская социал-демократическая рабочая партия, говорилось в Программе, принятой II съездом (1903 г.)[3], — «ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической рес-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 118.
[2] «О религии и церкви». М., 1977, стр. 121.
[3] Там же, стр. 51—52.

публикой, конституция которой обеспечивала бы... неограниченную свободу совести... полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности... Отделение церкви от государства и школы от церкви...»

В брошюре «К деревенской бедноте» (1903 г.) Ленин подчеркивал, что российские марксисты требуют полной свободы вероисповедания: «...Чтобы каждый имел полное право исповедовать какую угодно веру совершенно свободно... не должно быть никакой **«господствующей»** веры или церкви. Все веры, все церкви должны быть равны перед законом»[4].

Программные требования партии и государства по отношению к религии и церкви были обоснованы В. И. Лениным в статье «Социализм и религия»: «Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом... Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно недопустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены»[5].

Эти требования нашли законодательное воплощение в Декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», 60-летие которого мы сейчас отмечаем.

Декрет устанавливал, что «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются» (статья 3). Религия стала делом совести самих граждан, верующим была обеспечена полная возможность отправления религиозных обрядов, «поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики» (статья 5).

Среди подписей народных комиссаров первой под этим историческим документом стоит подпись Председателя Совнаркома В. И. Ленина. В проект, разработанный специальной комиссией, Владимир Ильич внес ряд принципиальных поправок[6]. Это наглядное свидетельство того, какое большое значение он придавал решению проблемы свободы совести. Так, статью первую проекта декрета, гласившую: «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики», — В. И. Ленин заменил положением: «Церковь отделяется от государства». Церковь лишилась материальной поддержки государства и юридически гарантированных льгот, возможности применять к людям религиозное насилие; каждому гражданину было предоставлено право выбрать свою позицию по отношению к религии, не боясь последствий.

Утверждая принцип добровольности в определении гражданами своего отношения к религии, декрет запретил религиозным объединениям применять к их членам меры принуждения или наказания (статья 11). К статье третьей В. И. Ленин добавил примечание: «Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность или непринадлежность граждан устраняется». Эта фраза впервые в истории законодательно выразила отношение государства к религиозным воззрениям как к личному делу каждого гражданина. В шестую статью Ленин внес поправку, которая пресекала возможность неисполнения гражданских обязанностей, ссылаясь на религиозные воззрения.

В. И. Ленин заново сформулировал заключительную часть статьи 13. В проекте декрета говорилось: «Порядок учета, хранения и хозяйственного распоряжения зданиями или предметами, предназначенными специально для богослужебных целей, определяется постановлениями местной и центральной государственной власти». Ленин написал вместо этого: «Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ». Таким образом, В. И. Ленин сделал акцент на гарантии свободы совести. Декрет в целом не только провозглашает, но и всесторонне гарантирует эту свободу.

Ленинский декрет устранил все прежние формы союза между церковью и государством. Была отменена религиозная клятва и присяга (статья 7), установлено, что действия государственных или иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями (статья 4). Ведение актов гражданского состояния полностью передавалось гражданской

власти (статья 8). При этом исполнение религиозного обряда не влекло за собой юридических последствий. Так, например, церковный брак не имеет юридической силы, то есть не обеспечивает законами государства супружеские, имущественные права и интересы детей.

Все церковные и религиозные общества отныне обязаны были подчиняться общим положениям о частных обществах и союзах. Все они перестали пользоваться какими бы то ни было государственными привилегиями и не стали получать от государства никакой финансовой помощи (статья 10).

Гарантированное законом равенство религий было глубоко гуманным актом и отвечало прежде всего чаяниям народов национальных окраин России. Ведь ясно, что ограничение при царизме всех религий, кроме государственной православной, являлось ущемлением прав и оскорблением чувств многих национальных меньшинств. Провозглашенное **декретом равенство религий было с большим** удовлетворением встречено всеми национальностями Советской России. Уравнение всех религий в правах — важнейший вклад в осуществление ленинской национальной политики. При разработке декрета, а также в своих указаниях по антирелигиозной пропаганде В. И. Ленин неоднократно советовал осмотрительно и вдумчиво подходить к решению религиозных проблем в национальных окраинах.

Одна из важнейших статей декрета — девятая, согласно которой школа полностью отделялась от церкви. Декрет положил конец стремлению церкви, овладев сознанием подрастающего поколения, утвердить свое господство над умами людей. Тем самым были воплощены в жизнь слова К. Маркса о том, что очистка народного просвещения от религиозных и клерикальных элементов кладет начало «умственному раскрепощению народа»[7].

Во исполнение декрета были опубликованы постановление Наркомпроса об упразднении должности законоучителей в школе и постановление Государственной комиссии по просвещению «О светской школе» от 18 февраля 1918 года[8]. Последнее постановление имело особенно большое практическое значение. Оно предписывало прекратить преподавание религии во всех государственных, общественных, а также частных учебных заведениях, находящихся в ведении Наркомпроса, и исключить исполнение в этих школах всех религиозных обрядов.

Все мероприятия по отделению школы от церкви целиком относились и к школам национальных меньшинств. В принятом в октябре 1918 года постановлении «О школах национальных меньшинств» отмечалось, что эти школы являются государственными и на них безусловно распространяются положения о единой трудовой школе. Находившиеся в прошлом в руках клерикальных элементов школы национальных меньшинств становились светскими.

Таким образом, Декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» были определены принципы взаимоотношений между Советским государством и церковью. Этот декрет имеет всемирно-историческое значение. Он подытожил и закрепил завоевания Октября в области свободы совести, покончил со всеми средневековыми привилегиями церкви, устранил насилие над совестью граждан.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» — главный основополагающий документ, определивший политику КПСС и Советского государства по отношению к религии и церкви. Этот документ был воплощен во всех конституциях Страны Советов.

На основе декрета Советским правительством было разработано и принято в 1929 году постановление «О религиозных объединениях», конкретизировавшее принципиальные положения декрета. Совершенствуя советское законодательство, гарантирующее свободу совести, Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 23 июня 1975 года внес в постановление 1929 года изменения и дополнения, приводящие его в соответствие с законодательными актами, принятыми в период с 1929 по 1974 год, и устранявшие устаревшие нормы, понятия и термины[9].

Какие же конкретные изменения и дополнения внесены в законодательный акт 1929 года?

Религиозным центрам, епархиальным управлениям предоставлены возможности изготовления церковной утвари, предметов культа и продажи их обществам верующих. Всем религиозным объединениям (и центральным, и местным)

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 173.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 143.
[6] См.: «О религии и церкви», стр. 94—96.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 534.
[8] См.: «О религии и церкви», стр. 101—102.
[9] См.: там же, стр. 105—117.

дано право приобретать транспортные средства, арендовать, строить и покупать строения для своих нужд.

В обновленном законодательстве подчеркнут принцип централизации в осуществлении контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах, в связи с чем Совету по делам религий при Совете Министров СССР даны большие полномочия. Он проверяет правильность применения законодательства о культах центральными и местными организациями, должностными лицами; дает министерствам, ведомствам и другим организациям разъяснения по вопросам, касающимся религии и церкви, имеет также ряд других прав.

Согласно законодательству как религиозное общество, так и группа верующих могут приступить к своей деятельности только после регистрации в органах государственной власти. Это — важнейшее требование советского законодательства о религиозных культах. В чем смысл регистрации? В том, что религиозное объединение берет на себя обязательства по соблюдению законодательства и одновременно становится под защиту советских законов. Таким образом, регистрация религиозных объединений одинаково соответствует интересам как верующих, так и государства. Очень важна поэтому статья о том, что вопросы регистрации и снятия с регистрации религиозных объединений, открытия и закрытия храмов окончательно решают не местные органы власти, как это предусматривалось в законе от 1929 года, а союзный орган — Совет по делам религий при Совете Министров СССР по представлению исполкомов краевых, областных Советов народных депутатов, Советов Министров автономных республик, а в союзных республиках без областного деления — Советов Министров этих республик.

Принцип централизации в этих вопросах имеет особенно важное значение. Так, например, снятие с регистрации религиозных объединений, закрытие молитвенных зданий и домов требует большого такта, осторожности, учета всех обстоятельств. Такой подход к закрытию церквей, костелов, мечетей и т. д., при котором вопрос всесторонне и неоднократно рассматривается в разных инстанциях и окончательно решается союзным органом, позволяет избежать ошибок. Централизация в осуществлении контроля за соблюдением законов, касающихся религии и церкви, гарантирует от ущемлений свободы совести, обеспечивает правильное соблюдение законодательства о религиозных культах.

Как известно, буржуазные фальсификаторы прилагают огромные усилия, пытаясь доказать, будто последовательное проведение принципа свободы совести в СССР является якобы не чем иным, как «ограничением прав верующих», «преследованием церкви», «насильственным искоренением религии» и т. п. Всякого рода «советологи», профессиональные «эксперты-теоретики», подвизающиеся в различных псевдонаучных центрах, созданных в капиталистических странах, заведомо искажают истину с целью замаскировать пороки буржуазного строя, где, как свидетельствует жизнь, действительно нет и не может быть полной свободы совести. Правящие классы антагонистического общества кровно заинтересованы в сохранении религии как орудия укрепления своего господства над массами.

Во многих странах в настоящее время существует система официальной государственной церкви. В Испании и Ирландии государственная церковь — католическая, в Швеции, Норвегии и Дании — евангелическо-лютеранская, в Англии — англиканская и т. д. Уже сам факт наличия господствующей церкви является дискриминацией по отношению к людям других вероисповеданий и неверующим. Достаточно сказать, что в тех странах, где закреплено господствующее положение одной из церквей (например, в Англии, Греции, Дании, Испании, Италии, Норвегии, Швеции и др.), высшие государственные посты могут занимать только лица, исповедующие господствующую религию. Господствующая церковь, получая от государства всевозможные привилегии, проникает во все области жизни, исполняет различные общественные и государственные функции, вмешивается в личную жизнь граждан. На почве социально-религиозного неравенства в ряде стран возникали серьезнейшие конфликты. Печальный пример тому — Ольстер.

В буржуазных конституциях можно встретить слова «свобода вероисповедания», «свобода религии», «свобода и неприкосновенность религиозных верований» и т. п. Но нет ни одной буржуазной конституции, в которой хотя бы на словах признавалось право граждан быть атеистами и вести антирелигиозную пропаганду. Интересы многих миллионов людей, которые не верят в бога, полностью игнорируются.

В конституциях некоторых буржуазных стран торжественно провозглашается наряду со свободой совести и отделение церкви от государства. Однако эта декларация служит буржуазии лишь одним из тактических приемов для обмана общественного мнения. Убедительный пример этому — США, где принцип отделения церкви от государства был торжественно провозглашен еще в 1791 году, но по сей день он остается пустым звуком. И сегодня деятельность государственных органов США освящается религией, связана с исполнением определенных религиозных ритуалов. Молебном открываются сессии обеих палат Конгресса США, широко распространены религиозные клятвы и присяги. Правительство США содержит священников в конгрессе, капелланов в армии и на флоте. Президент, вступая на свой пост, приносит присягу на Библии. Характерно, что в 1956 году Конгресс установил национальным девизом США фразу «Мы надеемся на бога». В преамбулах конституций 42 штатов содержатся обращения к богу. На монетах девиз — «В бога наша вера» и т. д.

Согласно законам, действующим, например, в штатах Арканзас, Нью-Джерси, Мэриленд, не признаются показания свидетелей-неверующих. В штатах Теннесси, Миссисипи, Техас и других отказ людей от религиозной присяги лишает их возможности занимать должности в государственных учреждениях, является препятствием к свидетельствованию в суде. По конституциям ряда штатов от граждан в обязательном порядке требуется отправление религиозных культов. Так, все граждане в Делавэре «обязаны часто собираться на публичные богослужения», в Вермонте от всех требуется «празднование воскресного дня». В 16 штатах США выступление против религии карается штрафом от 30 до 1 000 долларов либо тюремным заключением сроком до 3 лет. Какая же это свобода совести?

Не случайно подкомиссия по борьбе с дискриминацией и защите прав национальных меньшинств комиссии ООН по правам человека в своем докладе Генеральному секретарю ООН указывала на дискриминационный характер требований законодательства ряда капиталистических стран, касающихся, в частности, религиозной присяги при вступлении на государственную должность, свидетельствования в суде и т. д. Свобода совести должна включать в себя право человека на атеистическое миропонимание, на полное равноправие верующих и неверующих.

Одним из обязательных условий осуществления свободы совести является действительное отделение школы от церкви. Между тем обучение религии предусмотрено школьными программами в подавляющем большинстве буржуазных стран. Так, в Австрии и Швеции преподавание религии обязательно во всех начальных, средних и специальных школах и учебных заведениях по подготовке учителей и воспитателей детских садов, в Англии — в начальных и средних школах, содержащихся государством или им субсидируемых, в Израиле в обязательном порядке преподается иудаизм, причем на изучение Библии в школах отводится больше часов, чем на все математические дисциплины. Правда, в некоторых капиталистических странах допускаются отдельные исключения из общего правила обязательного обучения детей религии в государственных школах, но даже буржуазные исследователи этих проблем признают, что, «хотя закон разрешает родителям требовать освобождения их детей от религиозного обучения в школах, влияние церкви делает эту привилегию более теоретической, нежели реальной». В некоторых странах (например, в Ирландии, Норвегии) законы обязывают родителей, даже если они неверующие, воспитывать детей в религиозном духе, предусматривают меры принудительного религиозного воспитания детей.

Глубоко прав был В. И. Ленин, который указывал, что ни в одной из самых передовых капиталистических стран мира вопрос о религии в буржуазно-демократическом направлении не решен до конца[10]. Буржуазные конституции, провозглашающие свободу совести, полны оговорок и ограничений, которые урезывают ее на практике. В нашей стране, провозгласившей подлинную свободу совести, все делается для действительного осуществления этого демократического принципа. Обратимся к фактам.

В Советском Союзе беспрепятственно действуют более 20 тысяч православных церквей, костелов, синагог, лютеранских кирх, старообрядческих храмов, мечетей, буддистских дацанов, молитвенных домов евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня и т. д., около 20 мужских и женских монастырей.

[10] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., 44. стр. 146—147.

Религиозные объединения пользуются правом подготовки кадров священнослужителей в специальных средних и высших духовных учебных заведениях. Их у нас в стране насчитывается 18, в том числе 6 православных академий и семинарий, 2 католические семинарии, мусульманская академия и медресе, иудейский иешибот и курсы евангельских христиан-баптистов, духовная семинария и академия армянской церкви, семинария грузинской церкви, богословский институт и академические теологические курсы лютеран и т. д.

Религиозные центры издают необходимую им религиозную литературу: Библию, Коран, богословские труды, молитвенники, журналы, церковные календари и т. п. Так, русская православная церковь имеет шесть периодических изданий, регулярно выпускает богослужебные книги; дважды за последние годы массовым тиражом издавалась Библия. Вышло в свет новое издание Нового завета; издан четырехтомник трудов покойного патриарха Алексия, готовятся к печати труды патриарха Пимена и т. д. Мусульмане неоднократно издавали Коран, совсем недавно он вышел новым изданием. Регулярно выходят мусульманский календарь, журнал «Мусульмане Советского Востока» на 4 языках. Свои издания имеют евангельские христиане-баптисты и католики, армяно-григорианская церковь и старообрядцы, адвентисты седьмого дня и последователи других религий.

Для изготовления предметов религиозного культа, утвари, мацы, свечей и т. д. церкви имеют 39 специальных учреждений, полностью удовлетворяющих потребности верующих; все необходимые материалы и сырье для этого отпускаются в плановом порядке из фондов государства.

«Свобода вероисповедания, — говорил в интервью корреспонденту Агентства печати «Новости» глава русской православной церкви патриарх Пимен, — гарантирована Основным Законом — Конституцией СССР... В СССР нет учета и статистики населения по вероисповедному признаку. О религиозной принадлежности не спрашивают при найме на работу, при переписи населения, при выдаче паспортов и т. д. Советское законодательство предусматривает строгую ответственность за какое бы то ни было ущемление гражданских прав верующей части населения, в том числе и духовенства. Верующие люди всех религий, как и священнослужители,— полноправные граждане Советского государства, и они активно участвуют в политической, экономической и общественной жизни страны» [11].

Ярким свидетельством свободы совести в СССР явилась проведенная в Москве в июне прошлого года по инициативе патриарха московского и всея Руси Пимена Всемирная межрелигиозная конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами». Эту конференцию по ее характеру, целенаправленности и широкому представительству можно считать выдающимся событием в мире. В столицу нашей Родины съехались около 660 влиятельных деятелей международных и национальных религиозных и общественно-политических кругов из 107 стран, представлявших почти все религии планеты.

В конференции приняли участие лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Нобелевской премии мира Шон Макбрайд, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Раймон Гоор, главы христианских, мусульманских и буддистских церквей, руководители ведущих национальных и международных религиозных организаций, представители высшего духовенства, члены правительств в ранге министров и их заместителей, члены парламентов, видные теологи, владельцы и издатели крупных религиозных газет и журналов.

В ходе пленарных заседаний и в рабочих группах конференции состоялся широкий и свободный, деловой и конструктивный обмен мнениями. Были выработаны и с полным единодушием приняты итоговые документы конференции: «Обращение к религиозным деятелям и верующим всех религий во всем мире», «Обращение к правительствам всех стран мира», которые призывают усилить борьбу против угрозы новой мировой войны, за разрядку международной напряженности, всеобщее и полное разоружение, запрещение производства оружия массового уничтожения, активнее выступать за свободу и независимость народов, за социальный прогресс.

Всемирный форум религиозных деятелей еще раз показал несостоятельность измышлений «об ущемлении прав верующих» в социалистических странах. Как известно, реакционная буржуазная пропаганда, прибегая к грубым измышлениям и фальсификации, распространяет ложь, будто в социалистических странах верующие «несправедливо страдают» за веру.

Цель такой злонамеренной пропаганды очевидна: вызвать у неосведомленного населения Запада и стран «третьего мира» недоверие к социализму, скомпрометировать его в глазах мирового общественного мнения, особенно в кругах верующих, и таким образом помешать развитию процесса разрядки, ослабить притягательную силу социализма. На конференции раздавались голоса о том, что в грязную кампанию «защиты прав человека в СССР» включились и некоторые высокопоставленные деятели Запада, в том числе и США.

«Мы в Африке, — заявил каноник Бурджес Карр, — когда слышим, как определенные круги на Западе клевещут на Советский Союз за якобы нарушение прав человека, обращаемся к нашим проблемам и видим, что те же самые люди, которые учат Советский Союз морали, вмешиваются во внутренние дела африканских стран, помогают творить в Африке жестокости. Оружие, которым убивают африканцев, поставляется расистским режимам теми странами, откуда раздаются громкие голоса о правах человека».

Пастор Клаус Хеблер (ФРГ) сказал: «У нас настойчиво распространяется утверждение, что СССР якобы угрожает нашей стране. Кроме того, распространяется еще и вторая ложь, будто социалистические страны нарушают права человека. Эти утверждения необходимы, чтобы оправдать все увеличивающиеся расходы на вооружение в нашей стране... Поэтому я очень рад, что эта мировая встреча представителей различных религий проходит в столице Советского Союза. В этой стране живут нации и народности, которые исповедуют самые различные религиозные воззрения. Но все эти люди — христиане, иудеи, мусульмане и другие — вместе сотрудничают в пользу мира, уважая друг друга».

В многочисленных высказываниях участников конференции отмечалось, что они воочию убедились в существовании полной свободы совести в СССР.

Епископ Фраменто (Филиппины), в частности, отметил: «Западная, в том числе и религиозная, информация лживо изображает свободу в СССР; печатаются фотографии закрытых церквей, говорится, что верующие люди преследуются. Все это — ложь! Я впервые в Советском Союзе, один свободно ходил по прекрасной Москве, посещал церкви, они открыты и нет даже намека на преследования».

Депутат индийского парламента Мухаммед Юнус Салим в беседе с Председателем Президиума Верховного Совета Татарской АССР С. Г. Батыевым сказал: «Разрешите принести вам и вашему правительству слова искренней благодарности за огромную заботу о вашем народе и в том числе о верующих. Этот вывод для нас важен потому, что на Западе распускаются слухи об ущемлении у вас прав верующих. Мы убедились, что эти слухи не соответствуют действительности... Позвольте заверить, что ваше гуманное отношение к чувствам верующих будет известно нашим народам, а это укрепит дружбу между нашими странами».

В интервью корреспонденту АПН Генеральный секретарь Народного Совета по делам ислама Малайзии Дато Хаджи Исмаил Бин Панджаг Ариса отметил: «Мы убедились в том, что у вас существует свобода вероисповедания. Верующие исполняют свои обряды с полной свободой... Мы встречались с верующими, беседовали с ними. Они выражают свое мнение свободно... Пропаганда нам говорила неправду... Мы поняли, что слышать одно, а видеть—другое».

Свидетельства участников Всемирной конференции, как и других многочисленных гостей из-за рубежа, ежегодно посещающих нашу страну, не оставляют камня на камне от лживых измышлений враждебной пропаганды и неопровержимо свидетельствуют перед всем миром о том, что свобода совести в СССР — не формальная декларация, а живая реальность. Ее осуществление наряду с другими правами и свободами гарантируется советским гражданам Конституцией СССР.

Как сказал в докладе на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, товарищ Л. И. Брежнев, недавно принятая новая Конституция «вновь убедительно показала, что понятия свободы, прав человека, демократии и социальной справедливости наполняются действительным содержанием только в условиях социализма».

[11] «Журнал Московской патриархии», 1976, № 2, стр. 3.

Александр ШАМАРО

На переломе

КАЖДЫЙ, кому доводилось просматривать подшивки первых советских газет, испытвл, наверное, это волнующее чувство... Сидишь в тихом читальном зале, осторожно переворачиваешь хрупкие листы, с трудом разбирая выцветшие строчки на ветхой, серо-желтой от старости бумаге, и кажется, словно на широком библиотечном столе не газетная подшивка, а фантастическое окно времени, широко распахнутое в прошлое. И в это окно врываются грозовые ветры, и ты дышишь воздухом неповторимой эпохи, насыщенным тревогой и борьбой. Вот «Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», номер 16-й, вышедший в воскресенье, 21 января 1918 года (по старому, дореволюционному календарю, который доживал последние дни). Под постоянной рубрикой «Декреты и распоряжения правительства» среди иных официальных публикаций помещен «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах»[1]. Под ним — подпись: Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин.

И хотя впоследствии этот программный документ воспроизводился в печати бессчетное множество раз, но эта первая публикация на старой газетной странице воспринимается совсем по-иному. В атмосфере тех лет вдруг начинаешь понимать необходимость и историческую значимость этого законодательного акта и обстановку, в которой он был принят.

...На первой странице того номера, в котором был опубликован ленинский декрет, под броским заголовком «В Бресте» дается очередное сообщение о переговорах советской делегации с представителями кайзеровской Германии в Брест-Литовске — переговорах о мирном договоре, зашедших в тупик по воле германской военщины. Не пройдет и трех недель, как войска Германии и Австро-Венгрии начнут наступление по всему тысячеверстному фронту. А в это время пламя гражданской войны уже полыхало во многих краях страны. Революция, защищая себя, уже сражалась на нескольких фронтах. И ко всем этим фронтам добавилась контрреволюционная позиция, занятая основной массой православного духовенства и монашества. Ощутить всю остроту этой проблемы можно на примере того же номера «Известий».

Корреспонденция «Спасают сокровища». Поняв наконец, что новая власть утвердилась крепко и неуклонно и шаг за шагом начала практическое осуществление деклараций революции, церковь с лихорадочной поспешностью принялась спасать свои богатства, укрывать или — на худой конец — поскорее сбывать с рук. Газета рассказывает о двух таких случаях. Первый произошел в одном из южных городов...

«Прошел слух о предстоящей повсеместной переписи и реквизиции хлебных продуктов и товаров. Монастырский совет женской обители, расположенной в этом городе... осведомленный о намерении местных властей произвести перепись и в монастыре, в котором, как потом оказалось, хранилось несколько тысяч пудов зерна и муки, спешно собрался на совещание и, по предложению одной из монахинь, вынес решение: спрятать значительную часть зерна под храм и под один из молитвенных корпусов, для чего и разобрать полы...»

Однако «операция» эта была сорвана: одна из послушниц открыто возмутилась намерением «христовых невест» сгноить хлеб, в то время как за стенами святой обители голодают дети. Монахини, испугавшись разоблачения, отказались от своей затеи.

Второе происшествие случилось в Калязинском уезде Тверской губернии. Расположенный там Александро-Невский женский монастырь владел обширным участком строевого леса. Монахини не мешкая продали лес на вывоз, не поставив об этом в известность ни местный Совет, ни даже епархиального архиерея. Лес отправили в Москву (хотя местные крестьяне испытывали в нем острейшую нужду) и сбыли по спекулятивным ценам.

Но самое примечательное и интересное в этом номере — «Оповещение от Чрезвычайной Комиссии по охране гор. Петрограда» за подписью ее председателя Вл. Бонч-Бруевича:

«Чрезвычайная Комиссия по охране города Петрограда получила сведения, что в воскресенье, 21-го января 1918 года, предполагается устроить крестный ход в Александро-Невскую лавру и к Казанскому собору.

Правительство Народных Комиссаров давно уже оповестило всех, что оно признает полную свободу вероисповедания, почему все слухи, распространяемые по городу черносотенцами и контрреволюционерами, будто крестные ходы будут запрещены, являются самой отвратительной ложью. Враги народа, потерпевшие поражение повсюду, пробуют теперь новое средство, чтобы хоть какнибудь возбудить народ против Советской власти».

Сложилось так, что епископат, духовенство и монашество Петрограда этой демонстрацией против Советской власти, сами того не ведая и не желая, подчеркнули всю своевременность, всю актуальность декрета, в тот день обнародованного.

Связь между двумя этими событиями подтверждает и опубликованная на третьей странице того же номера статья «Илиодоры действуют»[2].

«Столичное духовенство, обеспокоенное слухами об отчуждении церковного имущества в пользу республики, проявляет весьма активную деятельность. Так, во многих храмах происходили религиозные митинги, на которых духовные сановники призывали прихожан сплотиться на защиту православной веры, на которую якобы «покушаются большевики». Было даже условлено, что в случае опасности для храмов верующие будут извещены об этом набатом».

Так оно и случилось — в набат ударили монахи Александро-Невской лавры...[3]

Крестный ход назначили на ближайший воскресный день — на 21 января 1918 года... Вот так и «встретились» на одном и том же газетном листе Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви и Оповещение Чрезвычайной Комиссии относительно крестного хода и провокационной антисоветской шумихи, поднятой вокруг него духовенством.

Кстати сказать, среди ее вдохновителей выступил один из самых влиятельных петроградских протоиереев, настоятель Казанского собора Орнатский[4]. Корреспондент «Известий» назвал этого священнослужителя «первым и самым ревностным защитником епископских кошельков и епископского благополучия», а возглавляемый им собор «цитаделью восставшей церкви».

Ясно и четко раскрывали публицисты «Известий» в те месяцы и политическую программу церкви, и тактику ее борьбы с Советской властью, и самое главное — подоплеку этой ненависти и вражды.

Только в европейской России, сообщала газета 19 февраля, православным храмам (а точнее говоря причту и — в первую голову — настоятелям) принадлежали 1 872 тысячи десятин земли. Плюс к тому православные монастыри владели 740 тысячами десятин.

Только на 1917 год, читаем в номере за 24 февраля, царское правительство ассигновало «ведомству святейшего синода» почти 67 миллионов рублей, из которых свыше 20 миллионов должно было пойти на жалованье духовенству.

И вот эти миллионы — и десятин, и рублей — Советская власть решила вернуть их настоящему хозяину, тому, у кого они были отняты, — трудовому народу. Как тут не разъяриться, как тут не разразиться потоком анафематствований!..

Но в открытую воевать нельзя. Крестьяне получили от Советов монастырскую землю и не расположены

---

[1] Пять дней спустя, 26 января, в «Собрании узаконений и распоряжений» этот декрет был напечатан под измененным названием — «Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР об отделении церкви от государства и школы от церкви».

[2] Имеется в виду известный мракобес и погромщик иеромонах Илиодор (Труфанов), приятель и сподвижник, а затем, после ссоры, заклятый враг Распутина.

[3] См.: Г. Иванова. Коммунистка. «Наука и религия», 1972, № 3.

[4] См.: «Последнее воскресенье старого мира». «Наука и религия», 1968, № 4.

возмущаться тем, что эта земля отобрана у монахов. И духовенство кричит о «поругании святынь безбожниками-большевиками».

Газета разоблачает этот прием:

«Народная власть «посягнула» на эти земли и отдала их крестьянам. Но при чем же тут святыня?.. Святыню тут прихватили просто для прикрытия кармана» (19 февраля).

«Прикрыть в глазах малосознательных, темных масс интересы своего кармана воплями о вере, о святынях — вот к чему сводится сейчас тактика духовенства в борьбе против народной власти, против революции» (24 февраля).

Вести об открытом сопротивлении церкви приходили в Петроград и в Москву (ставшую советской столицей с 11 марта 1918 года) из больших и малых городов, деревень, сел и монастырских посадов. В арсенале этой «церковной войны» — так называли в то время контрреволюционную и антисоветскую деятельность духовенства и монашества — были и провокационные подстрекательства к беспорядкам, и превращение храмов и иноческих обителей в «огневые точки», и создание пристанищ-укрытий для контрреволюционеров и бандитов... Вот корреспонденция из Каинска (ныне город Куйбышев Новосибирской области):

«На днях священник Предтеченской церкви собрал своих прихожан побеседовать и выяснить декрет об отделении церкви от государства. Декрет он им истолковал так, что якобы в декрете сказано, что народ хотят лишить веры, что уже нельзя совершать христианского обряда.

Прихожане от такого толкования пришли в яростное состояние; один из прихожан, видя, что дело неладно, сообщил об этом местному Совету. Совет прислал трех представителей для разъяснения декрета. При появлении представителей Совета один из черносотенцев стал наносить всевозможные оскорбления представителям Совета, не дав им высказаться» (23 марта).

Лишь с большим трудом, заканчивает автор корреспонденции, благодаря выдержке и мужеству советских работников, удалось предотвратить самосуд.

А это письмо пришло в газету из города Троицка Оренбургской губернии (ныне Челябинской области):

«23-го февраля вечером со стороны Михайловского собора было сделано несколько выстрелов. Случайно проходившие по Михайловской площади члены Исполнительного Комитета кинулись к воротам собора, чтобы захватить провокатора, но сторож не открыл ворот. На требование открыть церковная прислуга ударила в набат. Члены И. К. послали за священником, с приходом которого сторож открыл ворота. Осмотрели двери и крышу собора. Внутренность храма члены Исполнительного Комитета считали неудобным обыскивать и туда не заходили. Злоумышленники не обнаружены. Это уже второй случай за прошлую неделю» (12 марта).

Церковный набат был одним из излюбленных способов контрреволюционной борьбы. Так было в Петрограде, так было в южноуральском Троицке, так случилось 5 марта 1918 года и в поволжском городке Покровске (ныне Энгельс Саратовской области):

«Какие-то неведомые темные лица пускали в ход всевозможные нелепые толки и слухи, и велась открытая агитация против Советской власти... И вот после полудня по городу туда-сюда засновали вооруженные люди... В четвертом часу раздался набат в Покровской и Троицкой церкви. К центру города, на Базарную площадь, кинулись со всех концов города встревоженные жители... Провокаторы, не дремля, сеяли один за другим разные вымыслы» (14 марта).

И здесь события развивались по хорошо знакомому «сценарию», но местный Совет сумел пресечь вооруженную провокацию.

В подшивке «Известий» за 1918 год нет номеров, на которых были бы обозначены даты с 1 по 13 февраля. Этих дней попросту не было: после 31 января сразу шло 14 февраля, был начат счет времени по новому стилю. Календарная реформа назрела задолго до революции. В опубликованной «Известиями» докладной записке к декрету Совнаркома о переходе на новый календарь говорилось о том, что еще в 1830 году вопрос о введении в России нового стиля был близок к разрешению, если бы не упрямое противодействие православной церкви, которая усмотрела в новом календаре уступку католичеству. От этой позиции она не отступила ни на шаг и впоследствии. В начале нынешнего столетия Академия наук разработала во всех деталях календарную реформу, но преодолеть сопротивление реакционного духовенства снова не удалось. Новый календарь был узаконен только Советской властью, и эта реформа стала одним из первых шагов по практическому осуществлению Декрета об отделении церкви от государства.

Величайший революционный перелом расколол и многотысячную массу православного духовенства и монашества в России. В «церковную войну» против новой власти и ее законодательных актов, в том числе и в первую очередь против Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, включились далеко не все священники и монахи. Многие из них на этом крутом повороте в судьбах Родины дали наконец волю многолетнему подспудному недовольству и своим положением в жизни, и сомнениям в догматах религии, и возмущению политической позицией церкви в самодержавном государстве. Те, кого уже давно угнетала принадлежность к казенной церкви, которая оправдывала самодержавие, заговорили безбоязненно, в полный голос.

Вот коротенькая заметка «Заявление о выходе из духовного звания», напечатанная «Известиями» 26 февраля:

«В Владимирскую духовную консисторию подано следующее заявление: «Прошу немедленно исключить меня из духовного звания, ибо считаю для себя позорным находиться в нем, так как духовенство всегда было враждебно передовому народу, обманывая его, тормозило просвещение, затемняло его разум небылицами и паразитически жило и живет за счет трудящихся масс».

Вместе с подавляющим большинством своих прихожан такие священники (во многих случаях, уже бывшие) прекрасно понимали всю великую справедливость декрета Советской власти об отделении церкви от государства.

Таких священников было немало. С одним из них летом 1919 года встретилась в Перми Н. К. Крупская. В этот приуральский город, недавно освобожденный от колчаковцев, она прибыла на борту литературно-инструкторского парохода «Красная Звезда». Об этой встрече Надежда Константиновна рассказывала потом в статье «Антирелигиозное воспитание в школе при Советской власти» (1929 г.) и в воспоминаниях «На «Красной Звезде» (1932 г.):

«Вечером пришел ко мне агитатор из стоявшего в Перми полка и стал страстно уговаривать меня выступить у них... Красные банты украшали его грудь, и говорил он так убедительно, что я согласилась. На другое утро он заехал за мной, и мы на извозчике поехали в полк».

По пути на митинг полковой агитатор рассказал о себе... До революции он служил приходским священником. За увлечение проповедью Льва Толстого епархиальные власти покарали его ссылкой в монастырь («картошку чистить»). А когда пришла весть о победе революции, продолжал исповедь этот необычный красноармейский агитатор,— «я говорю попадье: «Оставайся с детьми,— четверо их у меня, — а я пойду к большевикам».

«Пришло 6 тысяч, все красноармейцы города... Недавний поп был незаурядным оратором... говорил в общем дельно... «А как насчет крещения?» — задал вопрос один красноармеец. — «Насчет крещения? Подробно говорить надо бы часа два, а коротко сказать — один обман». Масса молча слушала: кому же и знать лучше, как бывшему попу? И ясно было, какое громадное агитационное значение имели речи этого попа-агитатора»[5].

К сожалению, Надежда Константиновна не упоминает фамилии бывшего священника. А ведь его судьба могла бы послужить темой особого разговора.

Примечательную заметку «Крестьяне и отделение церкви» опубликовали «Известия» 10 марта 1918 года — письмо из села Обшаровка (ныне — центр сельского Совета в Приволжском районе Куйбышевской области):

«На сельском собрании граждан была прочитана лекция на тему «Отделение церкви от государства». Перед этим, в связи с опубликованием декрета об отделении церкви, среди граждан нашего села прошли разные нелепые слухи, волнующие население. Темные силы вообще и духовенство в частности... пытались разжечь фанатизм религиозных прихожан, натравливая их на Советскую власть. Аудитория была довольно большая. Тут были и сарафанницы, и седые бороды, и парни... Слушали до конца с неослабеваемым вниманием. После лекции выступил один гражданин, седой, от имени собрания с благодарностью как прочитавшему лекцию, так и Советской власти, «которая, — говорит крестьянин, — сделала для истинной христовой церкви такое хорошее дело, освободив ее от ига светской власти».

Три дня спустя после опубликования Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, 23 января 1918 года (еще по старому стилю), «Известия» выступили с передовой статьей, посвященной этому законодательному акту Советского государства. Словами из этой передовицы мы и закончим обзор газеты 60-летней давности:

«Отделяя церковь от государства, Российская Советская Республика идет навстречу ясно выраженному желанию миллионов трудящихся.

Наряду с раскрепощением политическим и экономическим, рабочая крестьянская революция несет трудящемуся человечеству и духовное освобождение; она освобождает народную душу от идейного рабства, в котором держали ее эксплуататоры.

И можно сказать заранее, что все усилия контрреволюции использовать народную темноту, спровоцировать массовые вспышки религиозного фанатизма для борьбы с Советской властью, — обречены на неудачу».

[5] Н. К. Крупская. Пед. соч. в 10 томах, т. I. М., 1957, стр. 66.

По-ленински мудро

З. ХАКИМОВ,
преподаватель кафедры научного коммунизма
Андижанского института хлопководства

ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ об отделении церкви от государства и школы от церкви осуществлялся на практике в районах огромной страны, которые находились на различных стадиях исторического развития, среди народов, резко отличавшихся по социально-экономическому уровню.

Средняя Азия и Казахстан, например, накануне Октябрьской революции по уровню экономического развития ничем не отличались от колониальных стран. Народы этого края первыми в истории колониального мира встали на путь социализма, минуя капиталистическую стадию развития.

В условиях феодального общества ислам был господствующей идеологией и в этой своей роли оказывал влияние практически на все области общественной жизни, культуру, образование. Семейная жизнь и быт строго регламентировались религиозными установлениями. Зарождавшиеся в этом крае буржуазные отношения не внесли сколько-нибудь существенных изменений в господствующее положение ислама. Его социальные функции оставались прежними.

В таких условиях правильное решение религиозного вопроса во многом определяло судьбы социалистического строительства в этом крае. Здесь были неприемлемы способы его решения, применявшиеся в центральных районах России, так как религиозные деятели пользовались у политически неразвитого местного населения большим авторитетом, определяли во многом его взгляды, миропонимание. Любую попытку изменить положение ислама коренное население воспринимало как покушение на вековые устои и традиции, ущемление своих прав. Поэтому от выбора верной политики по отношению к религиозным деятелям и организациям мусульман, по отношению к верующим, а таковыми практически являлись все представители местного населения края, во многом зависел их поворот к новой жизни. Выступая на VIII съезде партии, В. И. Ленин говорил: «Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? У нас в России население, после долгого опыта с попами, помогло нам их скинуть... Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров»? Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно» [1].

Коммунистическая партия и органы Советской власти нашли для Средней Азии и Казахстана такие пути и приемы решения религиозного вопроса, которые, с одной стороны, всесторонне учитывали положение ислама, его влияние на массы, а с другой стороны, способствовали упрочению и углублению завоеваний Октябрьской революции, постепенной секуляризации общественной и частной жизни, освобождению сознания масс от гнета религии.

В Конституцию Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, находившейся в составе РСФСР, была включена статья из Конституции РСФСР о свободе совести — праве каждого гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Вслед за ленинским декретом Совет Народных Комиссаров Туркестана также принял Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Несколько по-иному обстояло дело в Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республиках, образовавшихся в 1920 году на месте Бухарского эмирата и Хивинского ханства и просуществовавших до конца 1924 года. В Конституции БНСР не упоминалось об отделении церкви от государства и школы от церкви. Во Временной Конституции ХНСР (апрель 1920 г.) этот вопрос также не затрагивался, но после того как она была преобразована в Хорезмскую Советскую Социалистическую Республику, новая Конституция, принятая в 1923 году, признала полную свободу совести, право всех и каждого беспрепятственно выполнять религиозные обряды, или не выполнять их.

Однако осуществление отделения церкви от государства и школы от церкви на первых порах мало затронуло положение мусульманских организаций края. Это, как уже говорилось, было местной спецификой. Такое же положение было и в Хорезме, и в Бухаре. Левацкие попытки одним махом конфисковать земли мусульманских общин, запретить шариатские суды, закрыть мусульманские школы наделали немало вреда — вызвали протест местного населения и использовались контрреволюционерами для организации выступлений против мероприятий Советской власти.

В циркулярном письме ЦК РКП(б) от 16 августа 1923 года, направленном на места, подчеркивалось, что успех в деле искоренения религиозных предрассудков зависит «от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков...» Строго предостерегало от применения административных методов борьбы с религией решение, вынесенное на заседании Исполкомиссии Средазбюро ЦК ВКП (б) 18 июля 1927 года.

Ленинский Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви в условиях Средней Азии и Казахстана осуществлялся постепенно, меры по его проведению в жизнь намечались в соответствии с успехами Советской власти в экономической, политической и культурной жизни края.

В Бухарском эмирате 24,6 процента всех земель, в Хивинском ханстве — более 40 процентов и немалая часть их в Туркестане принадлежали мечетям, медресе, святым местам — это были так называемые вакфные землевладения. Их обрабатывали дехкане, которые часть выращенного урожая натурой или деньгами отдавали в пользу вакфодержателей.

Проведенная в Туркестане в первые годы Советской власти национализация земли коснулась лишь крупных земельных владений, принадлежавших в основном русским капиталистам и местным феодалам. Не была осуществлена полная национализация земли и в Бухарской и Хорезмской республиках.

Национализация вакфных земель в ряде районов Туркестана и Хорезма вызвала отрицательную реакцию верующих, увидевших в этом посягательство на их религию. Поэтому здесь вакфы были возвращены мечетям и медресе. Средства, выручаемые от использования этих земель и возведенных на них построек (бани, караван-сараи, лавки и т. д.), продолжали поступать на содержание медресе и мечетей и другие нужды мусульманских общин.

Однако в декрете ТуркЦИКа, на основе которого вакфы возвращались прежним владельцам, делалась существенная оговорка: все вакфные земли сельскохозяйственного значения, на которых трудились дехкане, оставались в их пользовании и вопросы о них регулировались на основании законов Советской власти о трудовом землепользовании. Кроме того, все школы коренного населения, ранее содержавшиеся на средства вакфов, оставались по-прежнему на их иждивении. Были созданы главное вакфное управление при Народном комиссариате просвещения и его отделы на местах, содержавшиеся на вакфные средства.

Такое положение в Средней Азии и Казахстане сохранялось довольно длительное время: в Киргизии, например, до 1927 года — до начала широких социалистических аграрных преобразований. Национализация вакфных земель стала возможной лишь при проведении всеобщей земельно-водной реформы, когда классовое самосознание дехкан уже достаточно возросло и они в полной мере почувствовали силу Советской власти, в значительной степени освободились от влияния мулл и других религиозных деятелей. Национализация же вакфных земель в условиях, когда психология крестьянских масс находилась всецело под влиянием религии, не дала бы желаемых результатов.

Так же, без спешки, с учетом особенностей правосознания коренного населения Средней Азии и Казахстана, проводилась здесь работа по вытеснению из жизни шариатских судов — казийских (в оседлых районах) и бийских (в кочевых районах). Уже первые законодательные акты Советского государства, действовавшие на большей части тер-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 158—159.

ритории края, подрывали господствующее положение религии в области семейного быта и права. Новые законы признавали необязательным религиозное оформление брака, отменяли требования и установления шариата, необходимые ранее для законности брака (одинаковое социальное положение, одна религия); законным признавался лишь моногамный брак; упразднялись фактически и нормы мусульманского наследственного права. Ряд принятых Советским государством документов был направлен на ликвидацию неравноправного положения мусульманки в семейной и общественной жизни.

Однако от провозглашения возможности строить правовые отношения на новых основах, принципиально отличающихся от исламских, до использования всем населением этой возможности было еще далеко. В первые послереволюционные годы в условиях Средней Азии и Казахстана, особенно в сельской местности, принятые новые правовые нормы имели больше политическое, чем практическое значение. Провозглашая принципы, на которых должны в новом обществе строиться семейно-брачные отношения, пропагандируя их, Советская власть показывала народу его будущее, подготавливала его к полному отказу от норм шариата.

Советская власть исходила из того, что у народа должна быть форма суда, привычная ему, доступная его восприятию. Поэтому в первые послереволюционные годы в крае, наряду с советскими, народными судами, продолжали функционировать казийские и бийские суды. Народ должен был сам разобраться, кто защищает его интересы. С учетом местных условий в ряде районов Казахстана до 1920 года функционировали народные комиссариаты по делам тяжб, ограждавшие трудящихся от эксплуататоров (чего никогда не делали шариатские суды) и помогавшие тем самым освободиться из-под влияния шариата и адатов. Казийские и бийские суды рассматривали семейно-бытовые вопросы, наследственные дела и некоторые гражданские — кроме тех, которые подлежали компетенции органов Советской власти. Они разбирали дела на основе норм шариата и адатов, но меры наказания определяли, исходя из Уголовного кодекса Советского государства. Однако дела, подсудные суду казиев и биев, могли по желанию хотя бы одной из сторон передаваться и в народные суды.

Параллельное существование народных и казийских судов позволило местному населению убедиться в преимуществе первых, в результате мусульмане все чаще обращались в суды народные. Здесь процессы проходили быстро, без волокиты, юридические нормы были просты и понятны, судопроизводство стоило недорого, налицо всегда была классовая справедливость.

Большую роль сыграло привлечение коренного населения к выборам народных заседателей. Люди постепенно убеждались в справедливости решений, принимаемых советскими судами, в том, что они независимы от каких бы то ни было посторонних влияний, сколь бы авторитетны те ни были.

Постепенно количество казийских и бийских судов стало сокращаться без какого-либо давления со стороны Советской власти. В Ферганской области в 1922 году их было 222, а в 1926 году осталось четыре, в Самаркандской — из 71 осталось пять, в Ташкентской, Зеравшанской и Кашкадарьинской областях они исчезли полностью, и только в Хорезмской области в 1926 году еще действовали 18 казийских судов. Однако суды эти решали почти исключительно либо дела о расторжении брака, либо споры о наследстве. В 1927—1928 годах казийские и бийские суды повсеместно прекратили существование.

Одной из сложных проблем в осуществлении ленинского декрета было народное образование. До Октябрьской революции мусульманские религиозные школы являлись, по существу, единственной его формой. Сразу после установления Советской власти в Средней Азии и Казахстане надо было решать проблему освобождения системы обучения от религиозного воздействия. Между тем не хватало школьных зданий, не было учебников и учебных пособий, а главное — не хватало подготовленных, понимающих цели и задачи светской школы, готовых их осуществлять учителей.

Немногочисленные светские школы нового типа (в 1922 г. в узбекских районах Туркестанской АССР их было всего 510) подвергались ожесточенным нападкам служителей мусульманского культа, их не раз громили басмачи. В сознании верующих — абсолютного большинства населения — еще жило предубеждение против светских школ: обучение детей без Корана казалось греховным, а муллы твердили, что посылать в такую школу детей — значит отказаться от ислама. Естественно, в школах было мало детей местных национальностей, а девочек не было совсем.

В этих условиях преждевременно было ставить вопрос о ликвидации религиозных школ, отстранять мулл от учительства. До конца 20-х годов, а в наиболее отдаленных районах и в начале 30-х с разрешения органов власти продолжали действовать мусульманские начальные школы — мектебы, а в городах и наиболее крупных населенных пунктах — и средние — медресе.

Действовали до этого времени и школы, содержавшиеся на средства вакфов. Все они находились в ведении Наркомпроса, работали по утвержденным им программам и стали переходной — от религиозной к светской — формой обучения подрастающего поколения. На их основе впоследствии создавались полностью свободные от влияния ислама светские школы.

Объясняя такой подход к религиозным школам, народный комиссар просвещения А. В. Луначарский говорил, что в тех пунктах, где не было светских, но имелись мусульманские школы, запрещать деятельность последних было нельзя ни в коем случае. Он объяснял последствия такого шага: «Мулла говорит: «Я научу вас читать, молиться, открою вам книгу, а Советская власть сама ничего не дает и мне запрещает учить вас; она хочет, чтобы вы были в совершенной темноте, были бы неграмотными людьми». Это производит на население чрезвычайно большое впечатление» [2].

На первом этапе социалистического строительства в Средней Азии и Казахстане определенную специфику имела и антирелигиозная пропаганда. Программа РКП(б), принятая в 1919 году, требовала проявлять особую осторожность и особое внимание к национальным чувствам трудящихся масс ранее угнетенных или неполноправных наций. Местные партийные органы исходили из указания ЦК РКП(б) о том, что в жизни коренного населения края религия и связанные с ней установления и нормы занимают гораздо больше места, чем в других районах, и поэтому здесь необходимо проявлять большую осторожность в борьбе с религиозными предрассудками. «Против них, — указывал Центральный Комитет партии, — нужно бороться не прямым отрицанием религии, а ее подтачиванием посредством распространения грамоты, открытия школ, клубов, читален, распространения познаний по истории Земли и человека и, главным образом, указывая на классовый характер организации мусульманского духовного сословия...»[3]

На первых порах антирелигиозная пропаганда велась преимущественно среди городских жителей, а в сельской местности она охватывала лишь активистов. Сугубая осторожность соблюдалась при проведении атеистической работы среди женщин. Первоочередное внимание уделялось атеистическому воспитанию коммунистов и комсомольцев. Значительно позже, чем в других районах страны, были созданы в Средней Азии и Казахстане и организации Союза воинствующих безбожников.

В атеистической пропаганде, в соответствии с указаниями ЦК РКП(б), ведущее место занимало разоблачение классовой сущности ислама, тесной связи мусульманского духовенства с эксплуататорами, с контрреволюционным движением. Лишь с середины 20-х годов стали проводиться лекции и беседы на естественнонаучные темы.

В партийных организациях Средней Азии и Казахстана было немало верующих рабочих и крестьян местных национальностей. В Компартии Узбекистана, например, в 1926 году насчитывалось более 10 процентов коммунистов, совершавших религиозные обряды [4]. В начале 1924 года около 70 процентов членов Бухарской Коммунистической партии составляли верующие. Не был закрыт прием в партию и для служителей культа — в 1923 году они составляли 10 процентов в Коммунистической партии Хорезма [5]. Участвуя в мероприятиях партии и Советской власти, такие коммунисты обучались политической грамоте, сознание их перестраивалось. «Мы должны не только допускать, но сугубо привлекать всех

[2] А. В. Луначарский. Почему нельзя верить в бога? М., 1965, стр. 236, 316.
[3] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, стр. 147.
[4] См.: «К социализму, минуя капитализм. Исторический опыт КПСС по социалистическому строительству в Средней Азии и Казахстане». М., 1974, стр. 85.
[5] См.: «История Хорезмской Народной Советской Республики». Ташкент, 1976, стр. 219.

рабочих, сохраняющих веру в бога, в с.-д. партию, мы безусловно против малейшего оскорбления их религиозных убеждений, но мы привлекаем их для воспитания в духе нашей программы, а не для активной борьбы с ней»[6], — писал В. И. Ленин.

Гибкая, с учетом особенностей исторического прошлого среднеазиатских народов политика Советского государства в отношении ислама и мусульманских организаций в значительной мере способствовала укреплению позиций Советской власти в этом районе, отходу верующих, обманутых религиозными лозунгами, от контрреволюционной борьбы, в частности от басмаческого движения, которое провозглашало войну за веру.

Мусульманские вожди выступили ярыми противниками Октябрьской революции. Они прокляли народную власть, как «неугодную Аллаху», и призывали мусульман с оружием в руках бороться за ее свержение, создавали контрреволюционные «отряды ислама». Они пугали народ, что Советская власть заставит всех предать ислам и принять христианство. Служители культа агитировали рабочих и крестьян не идти в ряды Красной Армии, не давать ей продовольствие и одежду.

Такая пропаганда в первое время приносила определенные плоды — ведь отсталое население края привыкло верить муллам, имамам, а существовавшие долгое время национальное недоверие и рознь, насаждавшиеся здесь эксплуататорами, не так просто было преодолеть. Обманутые представители трудящихся вливались в басмаческие отряды, боровшиеся против Советской власти.

Однако внешним и внутренним врагам революции не удалось долго изображать войну против Советской власти как войну религиозную. В этом им помешала, наряду с успехами Красной Армии, экономическими и политическими преобразованиями, происшедшими в Средней Азии и Казахстане, и умелая политика Советской власти по отношению к исламу, мусульманским организациям. Трудящиеся верующие постепенно убеждались, что басмачи воюют не за веру в Аллаха, а за восстановление прежних порядков, при которых бедняки были бесправны и угнетены. Они видели, что новая власть предоставила им полную возможность свободно удовлетворять свои религиозные потребности, никто не навязывал христианство.

Все это нейтрализовало реакционное, антисоветское влияние мусульманских деятелей, сняло настороженность мусульман по отношению к Советской власти. При этом близкая к народу часть духовенства оказалась перед серьезным выбором: идти за верующими, поддерживающими Советскую власть, или за мусульманской верхушкой, тесно связанной с национальной буржуазией, феодалами и продолжающей контрреволюционную деятельность.

Подавляющее большинство служителей культа выбрало первый путь. Немаловажную роль сыграло здесь и то, что те из них, кто не скомпрометировал себя антисоветской деятельностью, пользовались всеми правами наравне с другими гражданами, могли участвовать в общественной жизни. Благодаря такой политике мусульманское духовенство и религиозные организации перешли на лояльные позиции по отношению к Советской власти. Это отражено в материалах проходивших в 20-е годы совещаний и съездов мусульманских организаций. Например, бухарское духовенство в 1923 и 1924 годах приняло решение полностью поддержать Советскую власть и обращалось к басмачам с требованием сложить оружие.

Тактика партийных и советских органов, примененная по отношению к мусульманским организациям в Средней Азии и Казахстане в первые годы Советской власти, способствовала объединению рабочих и крестьян, успеху мероприятий, обеспечивших в конечном счете победу социализма в районах, миновавших в своем развитии капиталистическую стадию. И, наконец, переходные формы, избранные для решения религиозного вопроса на первых этапах социалистического строительства, помогли подготовить здесь почву для дальнейшей секуляризации, полного освобождения от засилья религии.

В результате успехов социалистического строительства, роста культуры и образования в районах распространения ислама началось естественное затухание этой религии, которое продолжается и сегодня. Массы трудящихся сами, без какого бы то ни было нажима отошли от ислама, перестали выполнять многие обряды, с тех пор как убедились, что не молитвы Аллаху приносят им благоденствие, а социалистический свободный труд, механизация работ, успехи науки. К тому же немаловажное значение имело и то, что положение человека в обществе, уважение к нему перестали зависеть от религиозного рвения.

Все, что достигнуто в решении религиозного вопроса в СССР, предельно точно и ясно отражено в статье 52 Основного Закона Союза ССР.

Опыт претворения в жизнь ленинского декрета в республиках Средней Азии и Казахстане имеет не только историческое, но и актуальное международное значение. Сегодня страны, освободившиеся от колониального ига и избравшие социалистический путь развития, проявляют огромный интерес к теории и практике социалистического строительства в советских среднеазиатских республиках и Казахстане, в том числе и к тому, как здесь решался религиозный вопрос. «Такой интерес, — отмечает Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, — закономерен. Ведь социально-экономический строй Средней Азии и Казахстана накануне Великой Октябрьской социалистической революции во многом имел сходство с тем общественным строем, который существовал в целом ряде афро-азиатских стран к началу периода завоеванной ими независимости. Социалистическая революция на Советском Востоке решила множество проблем общественного развития, схожих по своему содержанию с теми, которые приходится или предстоит решать революционным силам освободившихся стран Азии и Африки»[7].

---

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 422.
[7] Ш. Р. Рашидов. Ленинизм — знамя освобождения и прогресса народов. Ташкент, 1972, стр. 8.

НЕСУЩИЕ СВЕТ ЗНАНИЙ

Около десяти лет в Бухаре работает областной Дом научного атеизма. За это время он приобрел в городе и области большую популярность. Здесь всегда оживленно. Группами приходят школьники, студенты послушать лекцию, ознакомиться с выставками в экспозиционных залах, посмотреть кинофильм. Приходят пропагандисты атеизма на семинар или просто за советом, за новой книгой. Частые гости здесь приезжие из разных городов республики и области. Проводятся в Доме атеизма вечера вопросов и ответов, встречи с уважаемыми людьми города, устраиваются и специальные мероприятия — для домохозяек и пенсионеров, для врачей и учителей, для сельских тружеников. В прошлом году Дом атеизма посетили около 40 тысяч человек.

Сотрудники Дома атеизма бывают в махаллях, на предприятиях, в учреждениях. Для лекций и бесед они привлекают не только обширный исторический материал, но и факты из современной жизни города.

Дом атеизма привлекает к своей деятельности ученых, преподавателей, уважаемых в городе аксакалов, умеет заинтересовать их атеистической пропагандой, использовать их знания и авторитет для формирования материалистического мировоззрения у населения, для борьбы с религиозными пережитками.

Руководит Домом атеизма уважаемый в Бухаре человек — заслуженный деятель культуры Узбекской ССР Хамро-ака Хакимов — интересный собеседник, прекрасный рассказчик и высокообразованный человек.

Его пример показывает, как много зависит в нашей работе даже от одного человека, увлеченного своим делом. Он сплотил вокруг Дома атеизма активно действующую группу энтузиастов, несущих людям свет истинных знаний.

А. АБАЕВ,
лектор-атеист

г. Бухара

сохранить и приумножить

«Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР».

Конституция СССР, статья 68.

Дух пытливого исследования

Семнадцать лет назад я вышел из поезда Москва — Мурманск на станции со звучным названием Медвежья Гора. Деревянный вокзал с шатровой крышей и шпилем, совсем близко синяя гладь Онежского озера, поросшие сосновым лесом скалистые сопки, одна из которых, как утверждает легенда, и дала название городу.

Здесь, в Карелии, началась моя учительская работа. Зимние дожди и летние снега, ошибки, сомнения, разочарования и удачи. Уроки, педсоветы, классные собрания, туристские походы. Много времени стал я уделять краеведческой работе. Она давала мне очень много. Я открыл для себя историю края и его людей, я начал понимать, что часовня — не только для бога, но и для человека, что икона — не только предмет культа, но и исторический документ, и произведение искусства, что резная доска вдоль крыши крестьянского дома — след древней народной культуры. И если внимательно присмотреться к тем ромбикам, цветочкам и птичкам, которые оставила на ней рука человека, то они, может быть, расскажут о стремлении наших предков понять устройство мира, понять свое место в нем.

Тогда, в начале 60-х годов, многие относились к нашей деятельности настороженно; когда мы возвращались из походов, сгибаясь под тяжестью находок для школьного краеведческого музея — серпов, прялок, икон, пряничных досок, — кто-то удивленно спрашивал: зачем это все? И вздыхал: чудит учитель!

Однако скептики не могли сбить нас с толку. Я видел, что из каждого похода ребята возвращались духовно обогащенными. Ведь можно ходить по родной земле и смотреть вокруг равнодушным взором. Можно читать в книгах о замечательных путешественниках, интереснейших находках за семью морями, а у себя дома, рядом, считать великое за обыденное. Туристские походы, целенаправленный краеведческий поиск неизменно способствовали воспитанию у школьников духа пытливого исследования, гражданского, хозяйского отношения к окружающему миру.

В. ЕРШОВ,
кандидат педагогических наук

Я слушал споры у походного костра, читал дневниковые записи и радовался, видя, как учатся мои ребята размышлять, учатся не только смотреть, но и видеть.

Семиклассник Женя Баженов записывает:

«Я стою у сосны, в стволе ее застрял большой осколок снаряда. Дерево залечило рану, но осколок еще виден. Здесь шла война. Здесь падали на землю солдаты, сраженные такими же кусочками металла. Рядом — еще сосна с куском колючей проволоки, а дальше — окоп. На дне его выросли молодые сосенки, густая трава. Лес лечит раны. Залечили и мы, но память о погибших живет».

Вот запись восьмиклассницы Юлии Мошниковой:

«В нашем Олонецком крае жили талантливые плотники, их руками построено много красивых домов, амбаров, церквей и часовен. Интересно, что многие часовни, которые мы видели, похожи на амбары, и некоторые амбары украшены так же богато, как и часовни. Но время не пощадило ни те, ни другие, поэтому нам надо приложить много сил, чтобы сохранить то, что осталось».

Запись эта сделана в походном дневнике 10 лет назад. Сейчас Юлия — искусствовед и сама много делает для того, чтобы «сохранить то, что осталось».

Что имеем — не храним, потерявши — плачем

Сейчас движение за бережное отношение к памятникам истории и культуры стало всенародным. Создано Всероссийское общество охраны памятников, вступил в силу Закон об охране и использовании памятников истории и культуры, больше издается книг, организуется выставок соответствующего направления. Страна может не только уделять внимание, но и отпускать большие средства на сохранение и реставрацию памятников. В 1977 году, например, на реставрацию памятников в Карелии было выделено 320 тысяч, а на всю 10-ю пятилетку — 1 миллион 600 тысяч рублей. Десятки научных экспедиций бережно собирают в Карелии образцы фольклора, народную вышивку, старые книги; создаются музеи под открытым небом, множество школ республики участвуют в сборе и сбережении старины, создают у себя школьные музеи. Это естественно. Карелия — уникальный край, где сосредоточено много архитектурных памятников, произведений древнерусской живописи, декоративно-прикладного искусства. Здесь сохранились памятники древней новгородской культуры, самобытной карельской культуры, художественной традиции бежавших сюда раскольников — книги, миниатюры, росписи; памятники петровской эпохи, первых советских пятилеток, Великой Отечественной войны... Все это богатство требует бережного и заботливого отношения. Между тем тут есть основания для серьезной тревоги. Прежде всего, многие архитектурные памятники находятся в аварийном состоянии, нуждаются в срочной реставрации; немало их гибнет из-за бесхозяйственности и небрежности. В 1975—1976 годах, например, погибли от огня храм в Типиницах (XVIII в.), часовня в Сибово (XVIII в.), чуть раньше сгорела прекрасная часовня в Пелкуллах (XVI в.). Об этом с болью говорит и местная и центральная печать. «Литературная газета» 2 февраля 1977 года писала: «Никто из местных руководителей не бил тревоги... не бьет тревогу и сейчас, хотя в бедственном, аварийном состоянии находится большинство памятников деревянного зодчества...»

Серьезную опасность для памятников культуры представляют так называемые любители старины (вернее их назвать любителями легкой наживы). Карелия стала для них неким Эльдорадо, откуда можно безнаказанно увозить художественные ценности. Во время походов и экспедиций я нередко встречал их — пеших и моторизованных, вооруженных ломиками и пилками для взламывания замков на домах и часовнях. Иногда людей этих хватали за руку, составляли акты, изымали ценности, которые они успели награбить. Но ведь это только иногда. Много раз ставился вопрос о том, чтобы возвести действенный заслон на пути расхитителей народного богатства.

24 марта 1969 года Совет Министров КАССР принял постановление «О недостатках в охране произведений древнерусской живописи и прикладного искусства в Карельской АССР». Всем исполкомам районных Советов народных депу-

Для всех сфер жизни и развития нашего общества все большую роль будет играть уровень сознательности, культуры, гражданской ответственности советских людей. Воспитывать в человеке устремленность к высоким общественным целям, идейную убежденность, подлинно творческое отношение к труду — это одна из самых первостепенных задач.

Из доклада товарища Л. И. Брежнева «Великий Октябрь и прогресс человечества» на торжественном заседании, посвященном 60-летию Октябрьской революции.

В. КЮРШУНОВ,
заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Карельского обкома КПСС

● Карелию справедливо называют страной памятников: деревянной архитектуры, древнерусской живописи, народного декоративно-прикладного искусства, памятников воинской славы. Это наше духовное богатство, мощный идеологический потенциал.

На нас, хозяевах этого богатства, лежит большая ответственность за его сохранение, за то, чтобы оно использовалось с максимальной пользой. В новой Конституции СССР специально подчеркивается важность бережного отношения к памятникам — они приобщают человека к истории и культуре народа, обогащают наш духовный мир, делают интереснее и содержательнее жизнь.

Памятники прошлого во многом могут помочь в атеистической пропаганде. Мы знаем о наших недостатках — довольно низком уровне атеистических знаний, слабой связи с жизнью и т. п. Поэтому проблема правильного и эффективного использования памятников, в том числе культовых, в атеистической работе очень актуальна.

В 1973 году идеологическая комиссия обкома КПСС разработала рекомендации «О мерах по дальнейшему улучшению научно-атеистической работы в республике»». Этот документ, в частности, напоминал о необходимости умело и настойчиво пропагандировать ленинские принципы отношения к культурным ценностям прошлого, предлагал широко использовать памятники в нравственном и эстетическом воспитании.

Вместе с тем отмечалось, что в отношении к памятникам прошлого проявляется тенденция некоторой их идеализации. В рекомендациях было записано, что при ознакомлении экскурсантов с памятниками культовой архитектуры и древней живописи необходимо строго придерживаться научной характеристики конкретно-исторической эпохи, разъяснять идейно-художественное и общественно-политическое содержание культовых памятников.

Два года спустя — в 1975 году бюро обкома заслушало отчет республиканского общества «Знание» и в своем постановлении указало на необходимость шире использовать в лекционной пропаганде идеологический потенциал памятников прошлого.

Конкретным шагом к улучшению дела сохранения памятников прошлого в Карелии, несомненно, является постановление Совета Министров КАССР «Об усилении охраны и улучшении содержания памятников истории и культуры Карельской АССР», принятое в 1977 г.

В. ИОНОВА,
директор Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи»

● Наш музей, расположенный на одном из островов Онежского озера, снискал себе широкую известность, далеко перешагнувшую рубежи нашей страны. Такой популярностью музей обязан прежде всего Кижскому ансамблю, созданному безымянными зодчими в XVIII—XIX веках и вновь возрожденному к жизни в 50-х годах по проектам архитектора А. В. Ополовникова.

Параллельно с реставрацией главного ансамбля на остров Кижи стали свозиться характерные образцы гражданской и культовой архитектуры Карелии. За четверть века своего существования музей-заповедник далеко раздвинул границы — сейчас он занимает более 500 гектаров, а его экспозиция включает в себя около 50 памятников архитектуры.

В соответствии с Генеральным планом развития музея, разработанным до 2000 года, посетитель Кижей сможет увидеть в недалеком будущем микрокарелию XVIII — начала XX века — здесь будут представлены все этнические районы края. Уже в следующем сезоне туристы смогут познакомиться с выставкой прикладного искусства и народного быта: интенсивно идет работа по отбору памятников и сбору этнографического материала для создания Пудожского сектора и сектора Олонецких карел.

Важнейшая задача, которую мы решаем сегодня, это организация научной пропаганды: ежегодно музей посещают около 300 тысяч экскурсантов. Мы стремимся приблизить памятники древнего искусства к нашему современнику, помочь посетителю понять, насколько высока была профессиональная культура наших предков — плотников и живописцев, — восхититься их мастерством и вдохновением. Экскурсоводами у нас работают люди знающие, увлеченные, любящие народное искусство и историю края.

Помимо экскурсий музей организует встречи посетителей с деятелями современной культуры, художниками и реставраторами, участниками исторических событий. Большой интерес вызывают выступления народных хоровых коллективов.

Нетрудно заметить, что в последнее время изменился к лучшему посетитель музея — он стал не только более образованным, более требовательным, но, что особенно радует нас, более активным, заинтересованным. Сегодняшний посетитель дает нам дельные советы, высказывает интересные суждения по поводу экспозиций и содержания экскурсий.

А. БРИТВИХИН,
ректор Карельского педагогического института, кандидат педагогических наук

● Я думаю, для того чтобы у студентов, которые через несколько лет станут учителями, сформировалось правильное отношение к памятникам прошлого, должна быть проведена большая и разносторонняя работа. Прежде всего, это связано с повышением общей культуры студентов, расширением их кругозора, воспитанием вкуса. В конечном счете, речь идет о том, чтобы каждый наш выпускник был истинно интеллигентным человеком.

Разумеется, очень важно дать студентам глубокие знания истории, культуры, особенностей своего края.

Не менее важно научить их передавать свои знания, свою увлеченность другим людям. Сравнительно недавно мы попросили преподавателей института подумать о том, каковы возможности той или иной дисциплины в деле формирования духовного мира нашего выпускника, в его нравственной и атеистической подготовке. После того как предложения будут собраны, мы обобщим их с помощью методического совета. Надеюсь, это принесет пользу. Многие студенты, как выясняется, неправильно понимают значение памятников прошлого: идеализируют их или, наоборот, отрицают их ценность.

Ясно, что в этом направлении необходима большая и целеустремленная работа.

В последние годы мы ввели курс краеведения для заочников педагогического факультета. Этот опыт оказался удачным. Видимо, теперь нам надо постепенно вводить курс краеведения и на других факультетах.

В ходе работы над статьей у ее автора возникла потребность встретиться и побеседовать с людьми, которые непосредственно занимаются охраной памятников в Карелии, ведут воспитательную работу вокруг этих памятников. Некоторые из этих бесед редакция сочла целесообразным напечатать вместе со статьей В. Ершова.

татов республики предлагалось принять действенные меры к охране произведений древнего искусства, находящихся в недействующих церквах и часовнях. Однако решительного поворота к лучшему не произошло. Как писала республиканская молодежная газета «Комсомолец», «постановления надо еще и выполнять... Местные Советы, отвечающие за сохранность памятников, в редких случаях пользуются предоставленными им правами».

Рассматривая в 1977 году вопрос о том, как охраняются и содержатся памятники культуры, Совет Министров КАССР указал на то, что в ряде районов внимание к этому делу ослаблено.

Примером тому, в частности, может служить история школьного краеведческого музея в Медвежьегорске. Он создавался в течение более чем десяти лет. Множество походов туристов-школьников по своему району и республике, творческое сотрудничество с историками и археологами, широкая разъяснительная работа (обращения к населению через газеты и радио) — все это не сразу, с трудом, но приносило свои результаты. Сначала музей был школьным, потом стал народным, а затем и государственным — филиалом знаменитого музея-заповедника Кижи. Посетив музей в 1970 году, писатель Константин Симонов записал в книге отзывов: «В музее много прекрасного. Но самое прекрасное в нем — это та любовь и та настойчивость и твердая воля, с которой он создан. И без которых он бы не был создан».

Деятельность музея получила положительную оценку не только в местной, но и в центральной печати[1].

И тем не менее совсем недавно райисполком Медвежьегорского района принял постановление, в котором отмечалось, что «музей не отвечает в достаточной мере задачам воспитания советского патриотизма», «коллекции его эклектичны». Основываясь на этом, исполком просил Министерство культуры передать экспонаты Медвежьегорского музея в фонды Государственного музея Карелии.

Но, может быть, целесообразнее было бы придать работе более научный характер вместо того, чтобы разрушать то, что собиралось и создавалось годами? Музей в прежнем своем виде перестал существовать, а в новом качестве не возродился.

Действительно, ведь получается как в народной пословице, которая гласит: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Не пройти мимо человека

Я благодарен судьбе, что она щедро дарила мне и моим ученикам общение с замечательными энтузиастами краеведческого поиска — И. М. Мулло, В. М. Вишневской, с теми, кто не по должности, а по призванию отдавал свои силы и время собиранию и сбережению памятников культуры, — Н. Г. Прилукиным, А. Ф. Кораблевым, Р. П. Лониным, К. Я. Игнатьевым; с теми, кто участвовал в создании музеев в Пудоже, Олонце, Беломорске и других городах Карелии.

Все эти замечательные люди и советом, а главное, собственным примером убеждали в нужности и важности самого пристального внимания к памятникам прошлого. А еще они помогали нам понять, как много значит для краеведческого поиска живой человек. Невосполнимая утрата, если вы пройдете мимо интересного человека. Быть может, именно он сохранил в своей памяти предания о том, как возникли названия тех мест, мимо которых мы сейчас идем, — Горелый Лужок, Гагарья Губа, Варницы; быть может, он участвовал в событиях, решавших судьбу данного края; кто знает, может быть, именно эта старушка, которая внимательно смотрит на нас из-за жердевой изгороди, если с ней разговориться, тронуть ее сердце, возьмет старинное вышиванье, начнет рассказывать о замечательном народном искусстве, и оживут в ее руках чудесно вышитые лошадки, фантастические львы и павы, скромные уточки — таинственные символы языческой эпохи...

Вот этот напряженный интерес к окружающим старался я воспитывать у своих учеников-школьников, позже — у студентов — будущих педагогов. В последние годы я читаю студентам-заочникам Петрозаводского педагогического института курс «Введение в краеведение». Рассказывая об археологических, этнографических, топонимических памятниках, о традициях прикладного искусства, о древних верованиях, о крупнейших исторических событиях, происходивших в нашем крае, я стараюсь показать, насколько разнообразны формы и методы краеведческого поиска. При этом мысль о том, как важно пробудить и в себе самом, и в своих учениках интерес к человеку, является для меня важнейшей.

Затем студенты, получив задания, разъезжаются, и полгода, вплоть до зимней сессии, я получаю от них интереснейшие материалы о памятниках, народных обычаях, человеческих судьбах.

...Элиас Ленротт, сельский аптекарь и сын аптекаря, сидел вот под этой сосной в начале прошлого века, слушая местных рунопевцев и записывая прекрасные руны «Калевалы». Именем скромного провизора назвали люди сосну на берегу Куйтозера. И берегли ее. Во время войны сосна попала под артиллерийский обстрел. Но добрые руки сохранили ее и перенесли в центр поселка Калевала. И хотя не шумит больше зеленая крона древнего дерева, но каждое лето звучат возле него песни народных фестивалей.

Этот рассказ прислала Н. М. Исакова из поселка Калевала.

...Н. И. Смирнова из деревни Каршево Пудожского района вместе со своими учениками собрала интересный материал о мастере-мебельщике конца XIX века П. Рюхманове: вместе с рассказом о мастере она прислала зарисовки работ, которые после него остались.

...В поселке Вокнаволок живет молодой парень, в совершенстве владеющий древним мастерством плетения по бересте: то дом — с трубой, окнами, мебелью внутри — сплетет, то одежду крестьянскую. Мастера пригласили в школу — обучать полузабытому ремеслу ребятишек.

Об этом сообщает Д. П. Перттунен из того же поселка.

...Г. В. Титова прислала рассказ о замечательном резчике из поселка Пряжа А. Д. Кылосове, который делает для ребят разнообразные игрушки из дерева — зверей, птиц, человечков.

> ...В потолке — дыра для дыма,
> Стены в копоти до лавок,
> Как лучинушка дымила,
> Копоть в горницу пускала...

Голос у Марии Андреевны Дорофеевой приятный, профессионально поставленный — почти сорок лет учительствует она в местной школе. Поет она песни карельские и вепские, тут же расскажет бывальщину, щедро рассыпая прибаутки и пословицы. М. Г. Тимофеева едва успевает записывать. Пишет и удивляется: сколько лет знала Дорофееву как коллегу, отличного учителя, а вот этого о ней не знала: оказывается, Мария Андреевна всю жизнь собирает народные песни, словесную мудрость карельского народа.

> Дом худой, худая крыша,
> Говорят и хлеба нет.
> Нас не хлеб ведь завлекает,
> Завлекает человек! —

так заканчивает свой очерк о Ведлозерской учительнице М. Г. Тимофеева.

...Стоит в Вирьме — старинном поморском селе — гранитный камень, большой валун. На нем высечена надпись: «Вечная память дорогому борцу за свободу В. И. Ленину. 1924 г.» — и пятиконечная звезда. Этот памятник создал первый комсомолец села Кондратий Игнатьев. Написала об этом медицинская сестра из села Пряжа — Г. Ф. Шлыкова, племянница К. Я. Игнатьева.

И хотя я давно знал Кондратия Яковлевича Игнатьева как страстного краеведа, многолетнего директора народного музея в Беломорске, но рассказ племянницы заставил посмотреть на него другими глазами. Оказывается, он многое сделал для установления новой жизни в Карелии: первый в своей деревне не пошел венчаться в церковь, первый зарегистрировал свой брак в сельском Совете. Потом создавал рыболовецкие колхозы, налаживал лесные разработки, строил дома культуры и детские сады. При этом, оказывается, он был еще и сказочником. Его сказку «Хитрый вор» можно прочитать в книге «Русские народные сказки Карельского Поморья».

...Помню, как растерянно спрашивала у меня С. С. Артемьева: «О чем же писать? У нас в деревне нет ничего интересного». А через полгода получаю от нее прекрасно записанные воспоминания старой поморки из деревни Княжая — Татьяны Алексеевны Мастюниной:

> «Пришла я в дом мужа и шесть этто неделюшек должна поклоны бить всем, кого в доме-то повстречаю. А свекровушке — утром и вечером до земли — непременно!.. В приданое-то мне матушка самовар дала, да вот беда, цаю не пьют в деревне-то мужниной. Поклонилась я своей свекрови до полу самого и говорю: «Матушка моя, кланяюся тебе последний раз, не будет поклонов больше!»
>
> Шумела-то свекрова, рушником махала. А я самовар на стол ставила и цай садилась пить. Одна! Смеху было... Изба полная народом набивалась. «Этто цто за молодица, — дивились соседи, — цай одна пьет при всем народе». А я упрямв девка-то была. Слез много лила, да все втихо, но не кланялась. А цай-то скоро вся деревня пить стала».

Героиня этого рассказа предстала как живая — сильная, волевая поморка, унаследо-

[1] См.: «Комсомольская правда», 5 октября 1968 г.; «Наука и религия», 1969, № 4 и 1970, № 10; «Народное образование», 1968, № 11.

вавшая от своих далеких предков красоту и характер. В годы гражданской войны эта женщина боролась с интервентами, помогала партизанам, рискуя жизнью, прятала их.

В детстве выученное— как на камне высеченное

Петрозаводский университет им. О. В. Куусинена ежегодно выпускает около 250 квалифицированных специалистов. Помимо профессиональной подготовки, делается немало, чтобы воспитать у выпускников университета бережное отношение к природе своего края, к его истории, к памятникам культуры.

Был заключен специальный договор с научно-реставрационными производственными мастерскими Министерства культуры КАССР — студенты произвели натурное обследование, фотофиксацию и научное описание более 160 памятников.

Работники историко-архитектурного музея Кижи не жалеют теплых слов, говоря о студентах историко-филологического факультета, работающих в строительном отряде «Реставратор». Благодаря умению и заботе юношей и девушек отряда деревянные постройки сказочного острова сохранятся еще на много десятилетий.

В жаркий туристский сезон, когда штатных экскурсоводов не хватает, экскурсии в Кижах ведут студенты университета. Их знания, увлеченность, любовь к истории и искусству помогают людям, приехавшим сюда со всех концов нашей страны, проникнуться красотой и величием замечательного памятника русского Севера. Многие студенты неоднократно приезжают в Кижи на лето. Так, Т. Никулина уже шесть лет водит экскурсии по острову. В 1973 году она окончила университет, сейчас закончила аспирантуру и работает на кафедре истории СССР, но каждый свой отпуск едет экскурсоводом в Кижи. О. Радикайнен учится на 5-м курсе историко-филологического факультета, она экскурсовод с двухлетним стажем.

Мастер спорта, старший преподаватель кафедры физвоспитания Ю. С. Ланев — создатель и бессменный руководитель университетского клуба туристов «Сампо». Важнейшая задача клуба — способствовать развитию туризма и краеведения в республике. Выпускник университета — член клуба — там, где он начинает работать (в школе, ПТУ, училище), как правило, создает секцию туризма. И вот уже на традиционный маршрут «Лыжня Антикайнена» собираются сампосцы вместе со своими юными воспитанниками. В прошлом году их собралось 144: из Пудожа туристов привез В. Митрофанов, из Ялгубы — С. Швецов, из Кондопоги — В. Карелин, из поселка Боровое — А. Мещанский, из Лоймолы — Г. Исакова, из Эссольска — Л. Васильева, из Кинелахти — А. Смышляева. Сводный отряд идет по тому самому маршруту, которым в 1922 году прошел отряд под командованием Тойво Антикайнена. Какой бы трудной ни была лыжня, какие бы сюрпризы ни устраивала погода — участники похода собирают материалы о героическом рейде красных финнов, о партизанах Великой Отечественной войны, помогают в создании музея в Кимасозере, где 56 лет назад завершился героический поход.

Как оценить труд краеведа

Краеведческая поисковая работа за последнее десятилетие получила широкое развитие, в школах нашей республики были собраны ценные материалы. «Около 15 тысяч подлинных вещественных и документальных материалов собрано в фондах народных музеев Карелии, большинство которых составляют школьные», — писала республиканская газета «Ленинская правда» 25 марта 1975 года.

И в этой связи возникает ряд серьезных проблем: как сохранить собранные материалы, как их наилучшим образом использовать и т. п. И хотя мы имеем много примеров замечательных школьных музеев во многих республиках, краях, областях нашей страны, в то же время знаем немало случаев досадных утрат.

Вот только некоторые — о них писала «Комсомольская правда»:

— «Ценители старины» скупили за бесценок экспонаты, добытые при раскопках курганов и принадлежавшие школьному музею на Псковщине (4 января 1977 г.).

— Из музея школы г. Фрунзе было похищено 330 редчайших медалей и монет (17 марта 1977 г.).

— Краеведы г. Ясиноватая потеряли единственный снимок погибшего героя Отечественной войны (21 апреля 1977 г.).

Немало примеров можно привести и по Карелии. В дни празднования 100-летия со дня рождения Ф. Э. Дзержинского мне пришлось побывать в школе № 34 г. Петрозаводска, ученики которой собирали материал о рыцаре революции. Среди многих других в их коллекции были письма жены Дзержинского — Софьи Сигизмундовны и фотографии с ее автографами. Правда, вернее будет сказать: то, что осталось от фотографий — когда-то они были накрепко приклеены канцелярским клеем на стенд, и снять удалось лишь фрагменты...

При всем уважении к школьным музеям надо сказать прямо: школа не может обеспечить такую сохранность материалов, как государственный музей. В школе нет надлежащих условий, нет людей, обладающих серьезными знаниями по музееведению.

Проблема сохранности собранного в школах материала волнует ученых, музейных работников, ибо они лучше, чем кто-либо, понимают значение каждой утраты. Кроме того, большинство собранных в народных музеях экспонатов не прошло научной обработки.

Неизвестно, как тот или иной экспонат «зовут», как и кто им пользовался, с какими событиями, фактами, именами он связан.

Вот и возникают такие экспозиции, где деревянная тарелка и икона, доисторический черепок и расписная прялка разложены и развешаны без логики и смысла. И среди них — редкие и уникальные экспонаты, которые могут составить гордость столичного музея...

Что тут можно сделать?

В последние годы появилась тенденция поставить школьное краеведение на научную основу, наладить творческое сотрудничество краеведов с учеными, работниками музеев и архивов.

Несколько лет назад Министерством просвещения РСФСР было принято «Положение о школьном музее», где было записано: «Школьные музеи обязаны ежегодно извещать государственный музей о всех поступивших подлинных памятниках».

Выполнение этого требования позволило бы правильно оценить собранные материалы, получить квалифицированную помощь в их обработке, необходимые консультации по их хранению и ис-

Сосна в поселке Калевала, возле которой ежегодно проходят фольклорные фестивали.

В гостях у А. Касьяновой из деревни Лисицино Медвежьегорского района.

Школьный музей Туксинской восьмилетней школы Олонецкого района.

Студентка Петрозаводского университета Таня Логинова ведет экскурсию по музею-заповеднику Кижи.

Шелтозерский народный музей.

Фото автора

пользованию. Что касается материалов, представляющих первостепенную историческую ценность, то все они должны быть переданы в соответствующий государственный музей, который взамен подлинника даст школьному музею копию вместе с документом, определяющим ценность представленного материала.

В ряде случаев так именно и происходит. Школа № 7 Петрозаводска, например, передала в фонды Государственного краеведческого музея около сотни важных документов по истории пионерской и комсомольской организаций Карелии, материалы о жизни и подвигах Героев Советского Союза — жителей Карелии. Несколько сотен экспонатов передали школьники Олонецкого района в фонды своего районного музея; многие краеведы Карелии откликнулись на призыв Государственного архива о сборе писем с фронта.

Однако, как показывает практика, далеко не всегда местные краеведы торопятся сообщить в государственные музеи о своих находках. Могу с уверенностью сказать, что преодолеть местнические тенденции совсем не просто и одними разъяснительными беседами делу не поможешь. Необходимо, видимо, изменить критерии оценки краеведческой работы школы, в нормативные документы заложить идею о необходимости сотрудничества краеведов с музеями и архивами, о подчинении местных интересов — государственным, краеведы должны гордиться, если государственные музеи и архивы отмечают ценность найденных ими материалов, за это их надо всячески поощрять.

Воспитание любознательности

Идет очередное заседание телевизионного «Клуба юных краеведов», созданного при Карельском телевидении два года назад. Н. Мамонтова — научный сотрудник Института истории, языка и литературы рассказывает об увлекательном поиске топонимистов Карелии. И вот первый отклик: сначала учителя Нивской школы № 13 Р. Холодная и Т. Масленникова, а затем школьники из с. Колежмы прислали топонимические планы окрестностей своих населенных пунктов. В следующей передаче Н. Мамонтова на этих примерах показывает, какую интересную работу выполнили наши добровольные корреспонденты. Откликнулись слушатели и на призыв Государственного архива помочь собрать письма фронтовых лет. Несколько телевизионных передач мы посвятили разъяснению важности этого дела, и вот уже школьники, их родители, учителя стали присылать выцветшие от времени треугольнички. Ребята разыскивали не только письма, но и их авторов.

Важнейшая задача краеведческой работы — пробуждение любознательности, жадного внимания ко всему, что составляет жизнь вокруг нас. Насколько интересней и богаче она будет, если научиться добывать из-под слоя житейских, обыденных представлений драгоценные зерна.

Если довести до сознания школьников общественное значение краеведческой, поисковой деятельности, все они, а особенно вездесущие, всезнающие, энергичные подростки могут оказать огромную помощь музеям и архивам. Более того, думаю, что проблема сохранения художественных ценностей — старинных орудий труда, древних книг, икон и т. п. — в Карелии решалась бы куда успешнее при условии широкого привлечения к этому делу всей нашей общественности и, в частности, школьников и учителей.

Школьники-подростки, воодушевленные идеей важности своего краеведческого поиска для всего общества, могут сделать очень много. Поэтому так актуальна сегодня проблема приобщения школ к совместному движению музеев, архивов, общественных организаций, цель которого — сберечь исторические и художественные ценности, поставить их изучение на серьезную научную основу, организовать вокруг них интересную воспитательную работу, в общем, сделать их достоянием народа в самом широком смысле слова.

Чем выше становится культурный и образовательный уровень народа нашей страны, чем лучше мы живем, тем острее чувствуем свою ответственность перед историей и потомками за судьбу памятников, беззащитных перед слепой стихией и плохо воспитанным человеком.

Более двух тысяч ценнейших памятников находится в Карелии — исторических, архитектурных, археологических. Сотни тысяч экспонатов — в фондах государственных, народных, школьных музеев. Сохранить это богатство и приумножить его — наш патриотический долг.

г. Петрозаводск

ТРУД ДУШИ

Путь к себе

Лидия ГРАФОВА

Известный советский поэт Н. Заболоцкий, обращаясь к своему читателю, писал:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!..

Специальная педагогическая и общеполитическая печать в последнее время все больше внимания уделяет проблемам самовоспитания. И это естественно: усилия и школы, и семьи, и трудового коллектива принесут мало пользы, если сам человек не сделает ответного движения, если сам он не будет стараться себя воспитать.

Религия и церковь рассматривают процесс самосовершенствования в одном плане: совершенствовать себя — значит приближаться к богу, укреплять веру в него. Человек должен культивировать в себе любовь к богу, анализировать свое душевное состояние, помыслы и чаяния, оценивать собственные стремления и поступки в зависимости от их соответствия божьей воле и отрицания всего земного как тленного и греховного.

Сравнительно недавно «Журнал Московской патриархии» напечатал проповедь «О спасении»[1]. Ее автор приводит слова Феофана Затворника: «Возьми сердце свое и смотри, где сокровище его, где оно живет и в чем благо и цель поставляет, и тогда увидишь, где ты». И объясняет для чего: «Для нас очень важно уметь распознавать, какие мысли и желания пришли к нам от бога, а какие — от диавола. Ибо исполнение первых послужит нашему спасению, а исполнение последних приведет к нарушению закона божия, то есть ко греху, а следовательно, и к гибели. Грех не в существе человека, грех — это болезнь, и от нее нужно избавляться».

Спасение (то есть вечную жизнь), как считает автор проповеди, можно заслужить, усмиряя страсти, ограничивая плотские потребности, вознося молитвы к небу. Молитве принадлежит особая роль: раз сам человек не в состоянии

[1] ЖМП, 1977, № 5, стр. 34.

Фото Н. Свиридовой

победить грех — значит можно надеяться лишь на бога, молить его о помощи.

Мы, не верящие в бога, понимаем, что на пути собственного самосовершенствования, как, впрочем, на пути разрешения всех других жизненных проблем, можно рассчитывать только на собственные — человеческие — силы. Только наш разум, вооруженный современными научными знаниями, только наши воля и труд способны устроить на земле справедливую и умную жизнь, сделать каждого человека ее активным строителем.

В своем стремлении понять себя человек исходит из того, что все в нем — и плохое, и хорошее — носит земной, человеческий характер. Стремясь разобраться в себе, человек осознает высокую цель своего существования, учится верно оценивать сильные и слабые стороны своей личности, учится понимать причины своих недостатков и тем самым делает первые шаги к их исправлению. Сознательное и действенное отношение к своей личности неизбежно теснит пессимизм, пассивность, мистику, в основе которых, если разобраться, часто лежит все то же отношение к человеческой душе как к площадке для единоборства между тьмой и светом, единоборства, в котором от самого человека мало что зависит.

Помещая статью журналистки Л. Графовой, редакция открывает новую рубрику «Труд души», специально посвященную проблемам самовоспитания.

МЕНЯ ДАВНО волнует вопрос: много ли в жизни человека зависит от самого человека? Или же гены, стечение обстоятельств, удачи и неудачи сплетаются в ту самую судьбу, из тисков которой не вырвешься?

Человек не рождается плохим. Кто-то сравнил ребенка с кораблем, надежно оснащенным для плавания, у которого есть и «компас» совести, и «барометр» для опознания добра и зла, и много других тонких, сложных приборов, чтоб не сбиться с истинно человеческого пути. Но потом — в житейском море — эти «разумно запрограммированные» устройства часто выходят из строя. Изнашиваются? Или, может быть, наоборот — ржавеют от неупотребления?

Древние говорили: самый загадочный сфинкс на земле — сам человек. Современные ученые (по некоторым подсчетам, 47 отраслей науки сомкнулись сегодня на изучении человека) повторяют: да, homo sapiens — многозначная тайна. Генетика предполагает и кибернетика не оспаривает, что человек (каждый!) в потенции очень талантлив. Но пока—сокрушаются ученые — большинство людей варварски относятся к своим потенциям: думаем мы не в полсилы и даже не в треть силы, а лишь в какую-нибудь сотую часть силы нашего мозга, чувствуем мы самой что ни на есть гладко-доступной поверхностью наших чувств. Когда-нибудь в будущем человек сумеет использовать все свои скрытые способности, все свои спящие возможности, и тогда общество будет состоять из гениев, подобных Эйнштейну, Пушкину, Моцарту. Нет, даже представить трудно.

Но теории теориями, а жизнь есть жизнь, и разве упомнишь, что ты, именно ты, как, впрочем, и каждый живущий рядом, — сфинкс, тайна и т. д.? Даже нескромно как-то получается. И не верится. Мы привыкли считать, что наши характер, поступки, мироощущение зависят от тысяч разных причин, в том числе, как утверждают многие ученые, даже от активности Солнца. Конечно, утешительнее объяснить свои неудачи, несбывшиеся мечты «объективными причинами»: вот даже Солнце виновато, не говоря уж о папе-маме, учителях и прочих. Но задумаемся: все, что с нами происходит, любое событие нашей жизни становится похожим на нас самих, приобретает характерный колорит нашей личности. Попробуй в трудный или, наоборот, в радостный момент вообразить на своем месте кого-то другого, и ты признаешь: детали и сам исход стали бы совсем иными. Власть нашей личности над внешними обстоятельствами было бы нелепо считать абсолютной. Но почаще смотреть на события с такой точки зрения — полезно. Не знаю, отодвигает ли это неумолимость так называемой судьбы, но уж точно укрепляет веру в себя.

«Поставь над собой сто учителей — они окажутся бессильными, если ты не можешь сам заставлять себя и сам требовать от себя», — писал В. А. Сухомлинский. Эта простая истина часто оказывается забытой. Уповая на силу коллективного воспитания, мы мало заботимся о том, чтобы пробудить в ребенке стимул к самовоспитанию. «Ты отвечаешь за всех, и все отвечают за тебя». Но если, предположим, он — эго-

ист, лентяй или грубиян, куда ему «отвечать за всех»? Из прекрасного лозунга он выбирает вторую половину: пусть все отвечают за меня! Эдакое пассивное потребительство — и потом, если что-то с ним плохое стрясется, он же и обвиняет: «Почему меня плохо воспитали?» Да и мы сами, пытаясь докопаться до истоков беды, случившейся с человеком, готовы упрекать все коллективы — от детсада до завода: упустили, не поняли, были равнодушны. Но разве не в том прежде всего виноваты воспитатели, вместе взятые, что не развили в человеке потребности спрашивать с самого себя, уважать себя, наконец — любить в себе человека? Да, просто необходимо любить себя, но, разумеется, в этом нет ничего похожего ни на самодовольство, ни на самовлюбленность.

Еще в V веке до нашей эры Сократ сказал: «Познай себя, и ты познаешь мир». Сократ, говорят, был хитрый старец, на вопросы не давал однозначных ответов, советов прямолинейных тоже не давал. Так что в этом «познай» нет нравоучения, а скорее скрыт некий насмешливый смысл. Может быть, такой: ты, дружище, хочешь познать мир и пугаешься, как это трудно? Ну, а ты с простого начни — с себя! — и, мол, узнаешь тогда, что ничего сложней этого «легкого» нет. Потому что, познавая себя, человек неизбежно начинает себя переделывать и таким образом вступает в активные отношения с миром.

В наше время сократовская формула звучит с научных кафедр и в быту, в философских трактатах и в литературе. Познай себя, найди себя! Но как же это сделать, как? Ни в школе, ни в вузе предмета «про себя самого» нет. Вот только в старших классах вопрос о самопознании возникает. Правда, исключительно в связи с выбором профессии. А после, когда ты в жизни определился, самопознание — вроде бы уже праздное занятие. Освоить логарифмы, прочесть классиков, овладеть иностранным языком — важно. А изучить себя, единственного и неповторимого, некогда, не хватает времени.

Как-то в редакционной почте «Комсомольской правды» меня заинтересовало одно наивное письмо. Его автор живет в городе Красный Луч, учится в седьмом классе, называет себя Михаилом Ф. и спрашивает: «Зачем люди ведут дневники?»

Сам Михаил пишет дневник вот почему: «Пусть это занятие занимает почти все свободное время, но я не хочу бросать, а то вся моя жизнь уйдет в безвестность, будто меня и не было на свете». И дальше совсем смело признается:

«А вдруг я в будущем прославлюсь или если не я, так другие ребята, о ком я пишу, разве не пригодится тогда мой дневник?»

Право же, «прославлюсь» — не такое уж стыдное желание. Мальчишке можно позавидовать. Не о карьере он мечтает, а просто не хочет прожить напрасную жизнь, не хочет, чтобы даже один день проскользнул бесследно.

В детстве когда-то у меня тоже был дневник, потом — эпизодические записные книжки, потом — блокноты для «нужных» заметок. Почему я бросила дневник? Все то же «некогда»? Но ведь столько куда более загруженных взрослых ведут дневники всю жизнь.

Я пошла в библиотеку, стала перерывать знакомое и незнакомое и в первый же день натолкнулась, с увлечением стала читать дневники Христофора Колумба. «Я решил, государи-повелители, каждую ночь описывать то, что случилось за день, а днем отмечать случившееся при плавании ночью... И настолько обременил себя этим, что позабыл о сне».

Толстой, Достоевский, Ренар, Блок, Пришвин, Дарвин, Пржевальский, многие писатели и ученые на протяжении всей жизни, отрываясь от своих важных дел, посвящали дни и ночи совсем не обязательным дневникам. Зачем? Как объяснить тягу к «шептанию» с дневником у самого Пушкина? Ему ли не хватало общения с людьми? Он ли не самовыражался в своих стихотворных строчках? Но вот же — это не для потомков, это для себя: «1 июля день счастливый» (1822 г.). Все! Ни слова более. Здесь какая-то тайна, которую не объяснишь, а только обеднишь общепринятым взглядом на дневники писателей, как «творческую лабораторию».

Вслушайтесь, как сопротивляется солнечное: «день счастливый» — озабоченному: «творческая лаборатория». Конечно, из воспоминаний о том дне у Пушкина могло родиться не одно стихотворение, «Я помню чудное мгновенье» даже. Но дневник тут ни при чем. Стихи — это Пушкин для всех. В дневнике же он — для одного себя захотел шифром, росчерком пера поставить памятник тайному, личному «дню счастливому».

И мальчик из города Красный Луч обращается к дневнику с тем же движением: «Записываю мысли, наблюдения, а иногда случится такое, что жалко забыть, и стараюсь тогда подробно записать, вроде останавливаю».

Значит, это общее стремление: «Мгновенье, остановись!» Может быть, в нем и есть первый ответ на наше «зачем?». Может быть, не случайно дневники пишут в основном дети и великие? Одни еще не успели растерять врожденное ощущение ценности своей жизни, другие, свой талант и дары детства на опыт взрослости не разменявшие, с озорством спешат наколоть событие на острие пера и, как диковинную бабочку, в коллекцию (дневник) спрятать. Может быть...

Но сейчас — поправка существенная. Социологические исследования дали любопытный результат: пристрастие к письменному «разговору с самим собой» значительно усилилось в последние годы как раз у обыкновенных взрослых людей. Среди авторов дневников наблюдаются два «пика» — 16 лет и 32 года. Два переломных возраста? Популярность дневников настолько возросла, что в одной из стран додумались до того, чтоб устраивать конкурсы дневников. Их проведено уже 300, участвовало более 500 тысяч человек. Дневники-победители публикуются в альманахах. Трудновато совместить понятия «дневник» и «конкурс», но как бы там ни было, факт остается фактом: дневники не ушли в прошлое с сентиментальным XIX столетием.

«Буду писать дневник. Это нужно. Основное, что раньше мешало мне, это то, что я в записях никак не мог быть более беспристрастным к себе и менее требовательным к стилю. Все мне казалось, что я пишу для кого-то и что этот «кто-то» — строгий и праведный — будет вчитываться в мои излияния, как в документ, и что поэтому мне надо во что бы то ни стало оправдаться и, таким образом, представить себя в выгодном свете. Как я был глуп! Но теперь я — мнится — достиг «седьмой степени» самосозерцания, которая поможет мне быть точным, искренним и невычурным», — это писал известный критик Марк Щеглов. Человек поразительного мужества, он не только в дневнике, но и в каждой опубликованной строчке был правдив. Мы привыкли воспринимать его неустрашимую правдивость чуть ли не как черту характера. Однако вот и он, оказывается, прошел через тягостный спор со своим «внутренним цензором». Сдирая с себя чешую так неизбежно налипающих оглядок и заданностей, Марк Щеглов достиг «седьмой степени» самосозерцания. А проще сказать: он нашел самого себя, настоящего.

Но как же трудно писать (или думать) о себе совсем беспристрастно. Лукавый чертик — «а как я выгляжу со стороны?» — прыгает в мыслях, шепчет о твоих неоцененных достоинствах, подсказывает тебе услужливые оправдания и всем — обвинения... Как же от этого избавиться? Теряя с детством непосредственность, мы приобретаем сторонний взгляд на себя, начинается деление: «я—для себя» и «я — для других». Второе нас волнует постоянно, а первое? Мы знаем, что нравственный человек наедине с собой должен думать и вести себя так же, как на глазах у многих. Втайне мы надеемся, что не так уж далеки от идеала, а скажи нам кто-то в упор о нашем «раздвоении», мы возмутимся. А если вспомнить о лукавом чертике? Пожалуй, один из реальных способов прогнать его — все-таки дневник. Дневник, в котором, как в зеркале, можно правильно себя увидеть. Пусть не сразу, а месяц, год спустя — бумага имеет наглядную память. Да и сама форма письменного размышления воспитывает более независимый взгляд. Независимый от сиюминутного мнения окружающих.

Нет, не беда, если Миша, Маша, Петя в своих тетрадях поднимаются на цыпочки, если примеряют скафандр космонавта или улыбку Софи Лорен. Сравнив себя со знаменитыми людьми, они смогут трезвее оценить себя и жестче предъявить требования к себе.

Но бывает и такое: девушка написала в редакцию, что раньше она вела дневник, но вот, перечитав его, ужаснулась: «Какая ж я скучная», — и сожгла. Считает теперь, что «эти самокопания приносят один вред, мешают жить спокойно». Что ж, можно, конечно, дневник сжечь, можно вообще все зеркала выбросить из дома, а свое «место в жизни» понимать как лучшее местечко под солнцем. Только не значит ли это — остановиться, не жить? Довольство собой — «какая-то ледяная корка, которая мешает и росту, и духовному общению», — сказал Толстой.

Из людей, пишущих дневники, особо яростно возмущался собой он, Лев Николаевич Толстой. Этот граф был, в сущности, бурлаком, впряженным в ме-

тания своей души. Гений с вопросами ребенка: кто я? Зачем жизнь? Порой, рассуждая о противоречиях нравственных исканий Толстого, мы не очень-то вдумываемся, насколько он сам затруднил себе жизнь спорными статьями, неудовлетворенностью. Он и гармонию хотел выстрадать себе по росту.

В юности Толстой увидел в дневнике «полезную цель — отчет каждого дня с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться». Он дотошно, как сегодняшний школьник, журит себя: «самохвальство», «недостаток энергии», «трусость», «лень» и т. д. Он пишет вроде бы простенькие правила самому себе, но вот вывод: «Хотелось бы привыкнуть определять свой образ жизни вперед не на один день, а на год, на несколько лет, на всю жизнь даже».

«Хотелось бы привыкнуть...» А позже эта привычка превратилась в потребность. Может быть, за свою долгую жизнь Лев Николаевич тысячу раз открывал себя, подходя к вершине самопознания, но завтра наступал новый день, а с ним рождался новый Толстой, и снова, снова: «Кто я?»

«Только тогда можно сказать о природе, если найдешь и поймешь себя самого как нечто небывалое... Мы в себе носим все и в течение жизни своей разными способами открываем из своего богатства кое-что» — это уже дневник нашего современника. Михаила Михайловича Пришвина. То есть, процесс самопознания бесконечен. В нем есть что-то сходное с поисками смысла жизни, и в обоих случаях важен не окончательный результат (да и может ли он быть?), важно само движение: мыслю — значит существую, живу, рвусь к лучшему.

Была обыкновенная тринадцатилетняя девочка, ей подарили тетрадку, и она с опаской вывела: «Дневник». Девочка не думала стать писательницей, не считала себя умной и порой удивлялась тому, как помогал ей дневник: «Когда я пишу, все разрешается, горе проходит, мужество снова живет во мне».

В мире шла война, и у девочки вообще не стало мира, а только тесный чердак, где скрывалась от фашистов ее семья, где паутиной висел страх: вот придут, схватят. Начиная писать, девочка не знала, что через два года ей предстоит умереть в концлагере, а через несколько лет (благодаря дневнику!) звонко воскреснуть, набатом ударить в сердца людей: «Здравствуйте! Я — Анна Франк». Не знала. Но чем больше писала, тем сильнее выходила из берегов ее разбуженная душа. Анна стремительно взрослела и — наконец: «Я открыла счастье внутри себя... Всегда останется прекрасное: природа, солнце, свобода, то, что у тебя в душе. За это надо держаться, тогда ты найдешь себя».

И тут — неожиданная ассоциация! — вспоминаю дневник Феликса Дзержинского, писаный в тюремной одиночке: «Хочу в дневнике говорить с самим собой... Мое настроение улучшается, и, хотя жизнь у меня сложилась так, что я вынужден быть источником страданий для самых дорогих мне людей, я живу в согласии с самим собой и с повелением своей души, своей совести, сколько бы мук это ни стоило... Однако если мыслью и чувством сумеешь понять жизнь и собственную душу, ее стремления и мечты, то само страдание может стать и становится источником веры в жизнь, указывающим выход и смысл всей жизни».

Дзержинский и Анна Франк испытывали похожие чувства. Сколько еще людей, попадая в положения самые отчаянные, будучи оторванными от всего дорогого, любимого, черпали стойкость и бодрость духа в общении с самими собой. В условиях же внешнего комфорта, ощущая разлад с совестью, человек может чувствовать себя одиноким и несчастным. Требуется немалое мужество, чтобы не изредка, а каждый день при каждом поступке слышать (и слушать) простой голос своей собственной совести.

Разве просто о дневниках сейчас речь? Вот я повторяю: дневник, дневник. Но все это ни в коем случае не означает, что хочу посоветовать кому-то писать дневник. Разговор с самим собой может происходить и без слов. Вот наивная просьба Анны Франк ко всем нам:

«Какими прекрасными, какими добрыми были бы люди, если бы они каждый вечер перед сном припоминали события всего дня и решали — что было хорошо, что плохо! Невольно каждый день они пытались бы стать лучше. Этим способом мог бы воспользоваться каждый. Он ничего не стоит».

Действительно, хватает же нам времени на утреннюю гимнастику, а здесь — о «гимнастике» души речь.

«У каждого человека должны быть дела к самому себе», — говорил Олег Константинович Антонов, когда в его «крылатом», наполненном, казалось, всеми ветрами времени кабинете мы вели разговор о записных книжках. Генеральный конструктор «Антеев» и «Анов», оказывается, ведет записи, но не для мемуаров, для себя.

Что, собственно, стоит за примелькавшимися словами побыть «наедине с собой»? К примеру, «наедине с другом» — значит: я и друг; «наедине с природой»: я и природа. Ну, а «наедине с собой»: я и... я? Человек без людей? Но такого, разумеется, быть не может. Даже сурдобарокамерой не отгородишься от виденного, читанного — в общем, от всего полученного тобой от человечества.

Так что «наедине с собой» — понятие весьма относительное. Но далеко не каждому под силу быть наедине с собой. Несколько лет назад я читала любопытное письмо, которое хорошо помню до сих пор. Автор сообщал о себе, что он — вполне современный человек, что у него любимая, хотя и изматывающая работа, много интересов и увлечений, что он всегда спешит и не умеет «выкроить времени для себя». В связи с этим он давно хотел провести отпуск на берегу Баренцева моря, в деревне, которую расхваливали ему друзья. Но его-то вела в даль не столько экзотика, сколько желание в тишине вволю почитать и подумать. Большая часть письма посвящалась трудностям дороги. А конец был неожиданным: автор не смог жить «среди людей, с которыми слова об искусстве не скажешь». Ему не читалось даже. Через неделю он «махнул в пошлую Гагру» и там почувствовал себя в своей тарелке.

Но разве не обидно: человек мечтал об уединении, уезжал от всех, и вдруг ему стало скучно? Впрочем, не с теми скучно, кто не говорит об искусстве, а с самим собой, разумеется. Вспомним: в личности Робинзона, очаровавшей нас с детства, одиночество — совсем не главное. Где бы Робинзон ни очутился, он начинал бы не на пустом месте. С Робинзоном всюду был груз его личности, и он пользовался этим «запасом» столь же естественно, как засевал уцелевшим овсом свой остров. Так вот: неожиданное фиаско нашего неудавшегося «Робинзона» — кажущееся. Может быть, это как раз и есть результат его стремления во что бы то ни стало всюду успеть, все знать, то есть быть «вполне современным человеком»? Эти качества похвальны, но лишь в том случае, если в погоне за духовными «приобретениями» человек непрерывно работает с собственной душой, если научился созданное, придуманное другими делать внутренне-своим. Иначе превращаешься в богатого нищего: вот я, а вот мой чемодан с драгоценностями напрокат. Со стороны это нищенство не сразу заметно, ну а с самим-то собой еще обидней играть в прятки. Разве от себя убежишь?

Я все о том же: много ли в жизни человека зависит от самого человека?

Мы не выбираем родителей, двор, улицу, где проходит наше детство, даже школу (на целых десять лет!) выбираем не мы, а другие, за нас. Но потом, однажды «мысли, словно вырвавшись из укрытия, начинают колотить в черепок: кто я? Зачем родился? Будет ли кому-то польза от того, что я живу?» (из письма). И вот с этого самого времени начинается сознательный выбор. Найти себя — значит выбрать профессию по душе? Конечно. Но только ли это? Выбрать профессию какую-никакую, если сам не захочешь, необходимость заставит. А вот полноту, глубину внутренней жизни никто со стороны подарить не сможет.

Когда я читала дневники (опять — к дневникам) Отто Юльевича Шмидта, испытывала беспокойство, зависть и некоторый стыд за свою медленную жизнь. Мы знаем Шмидта как энциклопедиста нашего времени, преуспевшего в самых разных отраслях науки, как знаменитого "ледового комиссара" (экспедиции «Седова», челюскинцев и многие другие связаны с его именем), как автора знаменитой космогонической теории. В дневниках он открывается как человек веселой воли, нетерпеливо делающий себя. В юности: «Я сел подсчитывать — ведь все же я был математиком. Оказалось, необходимо 1000 лет, чтобы все намеченное одолеть. Тысячу лет прожить нельзя, и все знать невозможно. С болью в душе стал я вычеркивать то, что хотя и интересно, и нужно, но без чего все же можно обойтись. Оставил только то, без чего не мыслил себе пути в науку. Вновь подсчитал. Осталось еще на 250 лет». И тогда он решил удлинить жизнь за счет сна. «Потеря» примерно трети жизни на сон казалась ему несправедливой. Он стал «тратить» 5—6 часов. В юности возможно многое.

Но только ли в юности? Разве у взрослых людей не случается понедельника, когда всю жизнь хочется начать заново? Разве взрослым не бывает

грустно: так быстро летит время, а ты так мало успеваешь за день. Надо что-то изменить, обязательно надо. Беда, что такой решимости хватает ненадолго и снова отдаешься потоку, вихрю и снова забываешь о себе. Да, как часто мы жалуемся друг другу: живу, себя не помня. Мы виним «проклятье века — эту спешку». И некогда человеку остановиться, оглянуться. И, значит, сам человек ни в чем перед собой не виноват?

Неправда. Очень многое в жизни человека зависит от самого человека. Как бы ни был ты хорош, у тебя всегда есть возможность стать еще лучше. Жизнь, как и солнце, ни мгновенья не стоит на месте, и мы, хотим того или противимся, тоже участвуем в этом непрерывном движении. Каждый день, каждый час, пусть он внешне и похож на предыдущие, требует от нас новых усилий воли, ума, сердца. Да, да, каждый день мы — новые. Но и степень новизны определяется нашим же собственным жизнетворчеством.

Познание себя превратилось бы в бесполезную, пустую абстракцию, если бы не было других «само»: -воспитания, -совершенствования и т. д. Они всегда идут вместе, определяя и подталкивая друг друга. Но не существует готовых рецептов самопознания, самовоспитания, самосовершенствования, таких, чтоб в рамочку их заключить, вызубрить наизусть. Не потому ли обозначение всех этих понятий начинается со слова «само», что способ их реализации каждый человек должен выработать для себя сам? Трудно, но как иначе? Не доверишь же ты свою, пусть в чем-то и «не такую» жизнь прожить кому-то, кто сделает это более мудро. Ну, а «делание» себя — это и есть жизнь, внутренняя, глубокая: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!»

«Труд души» есть, по сути, не столько обязанность, сколько потребность человека. Стремление к совершенству заложено во всей окружающей нас природе. Как умно строит пчела свои соты, как прекрасен зеленый лист, как гармонична смена дня и ночи, зимы и лета. Человек, как и дерево, как и все живое, тоже растет, развивается. Но еще человек — и это главное — сознательно совершенствует себя.

Путь к себе — это путь к другим: научившись уважать себя, глубже понимаешь, бережней относишься, ценишь в каждом человеке Человека. Путь к себе — это и путь к природе: ощущение органической, сыновней связи и с землей, и с небом, и с лесом, то есть природа — это я. И путь к искусству: если я возвысился до понимания мыслей великого, значит, на какое-то время стал вровень с ним. В природе, в книгах, в радости человеческого общения трудящаяся душа извлекает воздух и пищу для роста. Это не рационализм, не индивидуализм тем более. Это гражданский долг каждого — найти и осуществить себя, максимального себя.

Не знаю, что нужно сделать, чтобы каждый из нас почаще ощущал этот внутренний толчок: понимаешь, ты — это ты, тебя никогда не было и больше не будет, реализуй же «свое небывалое»! Ты за этим на свет родился.

Эскимоска Эмун шьет мяч.

Ритуальные мячи — символ солнца — стали музейными экспонатами.

Фото А. Герасимова

Ищу свой танец...

А. ЧАДАЕВА

ЭСКИМОСКА Эмун и сын ее Эмутейн живут в поселке Уэлен, в маленьком деревянном доме у самой лагуны. Вдоль лагуны воткнуто несколько флажков. Это посадочная полоса, где садятся маленькие «Аннушки» и вертолеты. Иногда их не бывает неделями и дольше — из-за пурги и даже из-за маленького снегопада, который стирает очертания сопок и погружает их в слепую белизну. Зимой Уэлен напоминает корабль, зажатый с двух сторон льдами, стиснутый Ледовитым океаном и лагуной. Наступил день и, как всегда, распределил обязанности между людьми. С утра тарахтят тракторы, везут на прицепах глыбы зеленоватого пресного льда из озера в тундре — в школу, в больницу, в столовую, в жилые дома. Вездеходчик заливает бензин — снаряжает свою машину в путь, чтобы ехать к мысу Дежнева ремонтировать охотничью избушку. Там, на припае, скоро начнется промысел морского зверя. В косторезной мастерской художественный руководитель Иван Сейтутэгин распределяет задания резчикам...

А Эмун сидит дома, на полу маленькой чистой кухни, и шьет мяч. Мяч — это шесть квадратов черной нерпичьей кожи, и на каждом — аппликация белых колец, вырезанных из мандарки — той же нерпичьей кожи, только отбеленной. В белые кольца Эмун вшивает красно-кирпичные: если мандарку подержать в соку тальниковой коры, она приобретает такой цвет. Не нитки — оленьи жилы скрепляют кожаные бока мяча. Не ножницы — женский ножуляк с костяной ручкой, желтой от времени и нерпичьего жира, в руках мастерицы.

— Умка делал...

Умка — покойный муж Эмун.

Как много умел в жизни этот человек. Быть охотником и председателем сельского Совета. Сочинять танцы и песни. Резать кость и растить детей. Сочетать тысячелетний опыт своего народа с новым укладом бытия.

...Эмун берет неправдоподобно длинную прядь белого подшейного волоса оленя. И вторую, и третью... Нашивает их вкруг колец. Получается узор, похожий на косматое солнце. Укорачивает космы — лучи, туго набивает легкой оленьей шерстью кожух. Остался последний шов.

Удар об пол, и мяч подпрыгивает высоко и легко, словно внутри у него не оленья шерсть, а никому не ведомая энергия. Столетиями мяч делил поселок на две партии и заставлял детей и взрослых ловить и догонять себя. Он умел не даваться им в руки и прыгать на недосягаемую для людей высоту, а когда уставал, сдавался самым ловким и быстрым игрокам, и они прятали его в своих ярангах — до следующего дня.

Прыгая в небо, мяч словно приветствовал незаходящее арктическое солнце, был его символом, и женщины неизменно украшали его бока кольцами — знаками доброго солнца — и сочиняли легенды.

Следы поклонения солнцу долго сохранялись во многих обрядах. Может быть, люди Севера создали мяч как модель его могущественного собрата и поклонялись круглому и веселому, пахнущему нерпичьим жиром идолу.

Эскимос из Наукана, аспирант Северо-восточного комплексного научно-ис-

следовательского института, Тасян Сергеевич Теин, рассказывал мне об одной древней примете. Обычно раненый кит в агонии совершает круги в направлении движения солнца. Считалось, что такой кит принесет удачу охотникам. Если же он двигался в обратную сторону — жди несчастья: болезни, смерти, голода.

Я спросила Эмун, помнит ли она сказки о мяче-солнце. Внук старой эскимоски восьмиклассник Саша перевел мне ее рассказ:

— Злые духи тунгаки украли когда-то у людей солнце, превратили его в мяч и спрятали в своей землянке. С тех пор не таяли льды и земля не меняла снежную аткук — кухлянку на одежду из трав. Но нашелся в стойбище храбрец, добрался он до землянки, где прятали солнце-мяч. Хитрый был, украл его у злых духов и выпустил на волю, как птицу.

В последние годы, увы, старинный национальный мяч-солнце вышел из игры. У того, что сделала Эмун, судьба музейного экспоната. Да и немногие, пожалуй, помнят теперь, как его шить, немногие знают, что кружение колец — это древнее послание людей Севера солнцу — масак, приглашение, ожидание, мечта о нем в холоде полярной ночи.

Однако сама психология эскимосов и чукчей — подвижность, неконсервативность их мышления — и есть благодатная почва, жадно впитывающая современные веяния. И одно из доказательств этого — природа их искусства.

Чукчи и эскимосы — удивительные импровизаторы. Все содержание своей повседневной жизни они укладывают в песню или танец. Даже самое незначительное явление — импульс для творчества.

Забавную историю рассказал мне гравер Ёмрыкайн, застенчивый одинокий человек. В стопке магнитофонных записей он отыскал коротенькую ленту. Мы слушали ее вместе. Глуховатый мужской голос пел о чем-то печально, словно плакал. С жалобной песней было связано семейное предание. Как-то летом отец Ёмрыкайна пошел в тундру. Вдруг у разлившегося ручья услышал грустное пение и, как ему показалось, различил слова: «Вот я несчастный, оставленный на этом берегу. Все мои друзья там, за ручьем. Но я слишком неуклюж и не могу через него перебраться». Пусто в тундре, никого нет. Откуда же пение? Присмотрелся охотник — а это большой червь у ручья. Взял его отец, перенес на другую сторону, а вернувшись домой, спел песню сыну. Тот через много лет поведал ее магнитофонной ленте. Так осталась она жить, рожденная великим вниманием человека к самому малому в природе.

Говорят, народы Севера поют о том, что видят. Это не совсем верно. Поют о том, *как* видят. Не столько сам факт, сколько отношение к нему, настроение, вызванное им, — основа немногословной песни:

— ...Я еду домой, скучаю один. Хорошо, если бы ехал с кем вместе, было бы веселее. Собачки резво бегут по снегу. Скоро приеду, уже видны огоньки в домах Уэлена.

Это импровизация уэленца Рыпеля, возвращающегося из тундры.

В богатой фонотеке магаданца Валентина Алексеевича Лыткина, много лет собирающего чукотско-эскимосские песни, есть записи новых народных песен о космонавтах, о строителях домов, об открытии клубов. Недаром и книгу свою о песенном фольклоре Чукотки он назвал «Новое время — новые песни».

Кстати, в этой книге приведен любопытный факт. В 1936 году на побережье Чукотки побывали струнный квартет и вокалисты Московской консерватории. Жители Уэлена, Ванкарема, Чаплино и других поселков впервые услышали пьесы Чайковского, Бетховена, Паганини, Грига... И так заразительно было это необыкновенное для слуха северян искусство, что после отъезда московских музыкантов многие чукчи и эскимосы сделали себе самодельные скрипки из консервной банки, деревянной дощечки, жильных струн, играли на них и аккомпанировали своим песням.

У бубна, который чукчи называют звучным словом «ярар», а эскимосы Наукана — «саяк», появился не соперник, нет. Скорее, собрат, говоривший на другом языке. Разноязыкие музыкальные культуры вступили в долгий и терпеливый диалог, учась понимать друг друга.

...Несколько раз в неделю по вечерам участники ансамбля «Уэлен» собираются на репетиции в новое здание клуба. Когда не было этого удобного, вместительного дома, собирались в старом, тесном. А когда на месте деревянно-каменного поселка стояли яранги, собирались в них или просто на галечной площадке косы.

В старые времена праздничный календарь чукчей и эскимосов зависел от промысла морского зверя. Церемонии, а они могли длиться и месяц, если это был праздник Кита, посвящались теме Благодарения. Танцами, песнями, кукольной пантомимой, состязаниями люди старались выразить признательность душе убитого ими животного.

Это был из декабря в декабрь повторявшийся спектакль. И каждый раз сцены обрядов чередовались в нем со строгой последовательностью. Все участники праздника становились актерами. Они по-детски неподдельно верили, что только один зритель взирает на их действо со своих невидимых высот — душа Кита. Она была обидчива и требовала почтительного и тонкого обращения, лучших яств, и пресной воды, и осторожных речей, где слово «убитый» кит заменялось на кит «бодрствующий». Люди должны были показаться душе в особых одеждах, которые готовили загодя, и превратить ярангу в подобие байдары или вельбота, поставив в ней руль и привязав ритуально раскрашенные весла к стенам. Ведь душа хотела знать, как и зачем ее отделили от мощной плоти кита.

...Ритм яраров все чаще и громче. Кажется, не руки охотников стучат колотушками по напряженным спинам бубнов, а колотится сердце, когда гарпун летит в цель.

Женщины, обнаженные до пояса, танцевали сидя. Душа кита должна была видеть движения каждого мускула тел. Жестами, дрожью мышц, чуть заметной вибрацией шеи они просили прощение у кита за то, что охотники его убили. И объясняли, что сделали это не ради забавы, а для жизни людей. И пусть душа кита расскажет своим сородичам, как хорошо ее приняли, чтобы остальные киты на следующий год не ушли в чужие моря, а пришли в эти же места.

...Репетирует в клубе ансамбль. Старая Эмун вспоминает танец женщин на празднике Кита. Как это там было вначале? Да, да, вот как. Девушки распускают волосы, надевают на голову ободок из белых шкурок горностая — готовятся к празднику. Эмун серьезна и сосредоточенна. Доброе лицо ее вдруг становится непроницаемым. Ее движения, пожалуй, не назовешь пантомимой. Язык движений условен и далек от простого копирования событий. По еле уловимым намекам можно узнать: вот сейчас охотники на легкой байдаре преследуют черного гренландского кита. Но не сюжет пересказывает в пластике Эмун, а напряжение духа охотников, равно готовых к победе или смерти.

Вот Аяя Тагъёк встает рядом с Эмун, повторяет ее движения. Молодые девушки выстраиваются вслед. Эмун ведет танец, словно сейчас она жена гарпунера, убившего кита. По древнему этикету она и должна быть первой среди жен охотнников байдары, загарпунивших морского великана. Когда-то, наверное, так и было, и молодой тогда Эмун не раз выпадала честь начинать ритуальный танец.

Славным и бесстрашным охотником был ее муж Умка. Он-то и восстановил танцы, исполнявшиеся на празднике Кита, для ансамбля «Уэлен», когда был его руководителем. Обрядовый танец стал достоянием искусства и нерукописной страницей прошлого.

Эмутейн, сын Умки и Эмун, рассказывал мне, что многие свои будущие танцы и мелодии прославленный танцор Нутетейн, да и Умка видели во сне:

— Помню, проснется отец и начинает тут же бормотать — напевать приснившуюся песню, чтобы не забыть. Движения новые повторяет, вспоминает, что ему сон подсказал.

Рожденные ночью импровизации Нутетейн и Умка разучивали вместе с ансамблем. Эти «сонные отклики», как назвал их этнограф Владимир Германович Богораз, прежде считались у чукчей указанием свыше. Он писал: «Чукчи придают большое значение сновидениям и считают, что сны являются главным источником религиозного вдохновения. Некоторые праздники... и все виды состязаний (а танцы и песни входили в их программу) носят название «сонные отклики», потому что указания относительно времени и всяких подробностей праздника часто получаются во сне. Семья обязана исполнить указание сна во избежание серьезных несчастий и потерь».

Нутетейн и Умка исполняли указания сна во имя другого: их вдохновение было не столько религиозным, сколько поэтическим. Так перестраивалась сама древняя психология северного человека, традиции получали иной практический выход.

Три года как ансамблем «Уэлен» руководит ученик Нутетейна и Умки Семен Эмутейн. Семен, по его признанию, не видит указующих, вещих снов и

не умеет сочинять танцы. Но нет среди мужчин исполнителя лучше, чем он.

На моих глазах состоялось чудо перевоплощения этого человека в ворона. До сих пор почитают эту птицу эскимосы, чукчи, коряки. Убийство ворона у эскимосов считалось преступлением. И сейчас он неприкасаем, а когда-то был священным. По самым древним преданиям чукчей, именно ворон украл у келет — злых духов — мяч-солнце, расклевал его оболочку и выпустил в небо солнце, луну и звезды. Именно он якобы продолбил клювом небесную твердь, чтобы взошла заря.

Ворон был добр к людям и мог вселиться в них и дать крылья, чтобы спасти терпящих бедствие охотников. Дух мудрой птицы мог являться шаманам, и тогда, по свидетельству Богораза, они пытались подражать его движениям и крикам и даже надевали на лицо клюв ворона. Ворон был тотемом, покровителем людей в их первых попытках объяснить родословную человека, его происхождение. Танец «Ворон» тоже был ритуальным и исполнялся на празднике Благодарения.

Предыстория у танца Эмутейна — длиной в тысячелетия. Исполняемый на клубной сцене, он давно утратил свое магическое назначение, но сохранил образ и повадки осторожной и дерзкой птицы. Эмутейн рисует ее так, будто не пара рук у него за спиной, а пара мощных крыльев. Он зорок, как орел, хитер, как лисица, и самодоволен... как петух. Жаль, что стилизованный наряд скрывает танец кожи и мышц Эмутейна вопреки традиции, когда мужчины танцевали обнаженными до пояса, а зрители, сидевшие близко, ценили искусство преображения по этой удивительной игре тела. Ведь даже волосы на голове Эмутейна, отливающие синим вороньим блеском, тоже, кажется, участвуют в танце, повторяя дрожь перьев охваченной охотничьим азартом птицы.

Вот так учились люди танцам у птиц и животных.

О том, как появился в репертуаре ансамбля «Уэлен» танец «Медвежонок», рассказывает не легенда, а заведующий клубом Виталий Григорьевич Таскаев.

— Был как-то Нутетейн в Москве на смотре. В свободное время зашел в зоопарк. Долго стоял у площадки молодняка, наблюдал, как бурые медвежата играли. А вернулся в Уэлен и сочинил о них танец. И какие они любопытные. И как на задних лапах ходят. Получились они у него смешные очень, косолапые.

В недалеком прошлом танцы для чукчей и эскимосов были такой же потребностью, как охота. Не только ритуальные — от праздника к празднику, а просто — в плохую погоду люди собирались в чьей-нибудь яранге и танцевали. Лучшие танцоры ездили состязаться в другие стойбища.

Владлен Вячеславович Леонтьев, писатель, историк и этнограф, владеющий чукотским языком так же совершенно, как и русским (детство его прошло в Уэлене), вспоминает такие танцевальные поединки между эскимосами Наукана и чукчами Уэлена:

— К старому зданию школы приезжали науканцы в нарядных камлейках. Уэленцы старались не отстать, тоже надевали праздничные одежды. Зрители рассаживались на пол, образуя круг, а два самых знаменитых танцора эскимос Нутетейн и чукча Атык с ярарами в руках выходили по очереди на середину. Голые по пояс, в оленьих штанах, они меняли перчатки для каждого нового танца. Перчатки эти шили специально, из оленьей кожи, окрашенной разведенным порошком тертого красного камня. Женщины вышивали их нитками, приделывали в несколько рядов вырезанные из кости ромбы. Атык и Нутетейн танцевали самозабвенно. Постепенно и зрители входили в азарт. Пели, топали, прихлопывали в ладоши. Как-то раз дело дошло до того, что не выдержала бурного темперамента людей и рухнула стена старого здания. Зрители-то разбежались, а Нутетейн и Атык продолжали танцевать, не обращая внимания на случившееся.

Чем продиктована эта неистребимая любовь к пластическому самовыражению? В чем искать ее корни? Не только, думается, в честолюбивом стремлении превзойти соперника в мастерстве. Танцы у народов, не имевших письменности, были летописью самых значительных событий, которые хотелось подольше удержать в памяти своего народа.

В этом отношении многие танцы похожи на «памятные песни», до сих пор бытующие у чукчей и эскимосов. Вот одна из них — песня Суглягина. В конце сороковых годов Суглягин был на охоте в тундре. Замерзая в пургу, без пищи, он сочиняет и поет песню, надеясь на спасение:

— Безногий не может ходить... И на руках я тоже, наверное, не смогу передвигаться. Я давно жду, что кто-то приедет на нарте, накормит меня, привезет домой, и я сразу оживу. И если не смогу ходить, то научусь летать, как летчик.

Он дождался помощи от друзей. Но спасти его не удалось. Перед смертью Суглягин спел жене и детям свою «лебединую песню» «Сулкъены» — «Безногий». А теперь ее поют внуки Суглягина. От них-то и узнал эту историю и услышал «памятную песню» В. А. Лыткин, рассказавший о ней в своей книге.

В самих «памятных танцах» диапазон шире. В них отражаются события, затрагивающие интересы всего поселка.

В тридцатые годы сын костореза Гемауге Тэнмав «ходил по ярангам и в каждой оставлял на потолке маленький стеклянный пузырек, который по сравнению со стеклом керосиновой лампы выглядел жалким и несолидным».

...Лампочка вспыхнула ослепительно ярким светом. «Это было так неожиданно, — вспоминает писатель Юрий Рытхэу, живший тогда в Уэлене, — без всякой подготовки, без звука, что все в один голос воскликнули: «Какомэй! Поразительно!»

Прошло сорок с лишним лет, а это «какомэй», это удивление волшебством электричества осталось. Его сохранил танец, который так и называется «Лампочка Ильича». Сочиненный Умкой, он исполняется сейчас старейшими Эмун и Аяя. Но и совсем юные девушки, и молодые женщины Валя Бычкова, Ира Рощенко, Валя Тагъёк, не знающие света жирника и запаха яранги, танцуют так, словно они сами поразились когда-то необъяснимой силе сияющего стеклянного пузырька.

Не знаю, как появились в Уэлене швейные машинки. Вероятнее всего, летом пришло судно, выгрузило овощи на зиму, и мебель, и стройматериалы, и товары для магазина, а в их числе — швейные машинки.

...Стоило тронуть податливую ручку колеса, и стальная игла, острая и крепкая, как плавник касатки, вонзалась в материю, будто это была добыча, и строчила, строчила ее своим единственным зубом, оставляя за собой быстрый, ровный шов. Разве угнаться женским рукам за железной швеей?! Эта мысль стала темой танца «Швея», а сам танец вписался в хореографическую летопись новой истории поселка.

К месту сказать, механической швее, способной работать только с тканями, не под силу было тягаться с варварской прочностью оленьих жил, без которых из камусов не сошьешь торбаза, ни оленьи штаны, ни меховую кухлянку. Ей, слишком прямолинейной, не повторить виртуозного шитья бисером на нерпичьей коже. Швейная машинка, придя в северный быт, осталась скромным ремесленником, не посягая на древнее рукотворное мастерство чукотских и эскимосских женщин.

Зрительная наблюдательность чукчей и эскимосов поразительно остра и эмоциональна. Только что Николай Тулюкак (по профессии он охотник в совхозе) танцевал драматическую сцену единоборства с белым медведем. «Ахиллесова пята» полярного великана — его горло. Умный зверь знает это и идет на человека, опустив голову, не подберешься. И тогда вверх летит подброшенная рукавица. Секундное недоумение зверя (его танцует Тынаквутагин), и копье охотника вонзается ему в горло... На наших глазах оживает сцена, высеченная на камнях Пегтымеля охотниками еще в первом тысячелетии до новой эры.

Но вот по-новому рокочут ярары, и Николай Тулюкак — один, без партнера, пародирует старинное состязание чукчей и эскимосов: кто выше поднимет самый тяжелый камень.

Эй вы, силачи! Выходите! Разве это силачи, если у них ноги становятся кривыми от тяжести камня, как ствол карликовой березы? Разве это самый тяжелый камень? Я возьму еще больший и подниму над головой на зависть всем слабосильным.

Этот танец рожден не в наши дни. Им открывались спортивные игры северян на любом празднике. Но традиция веселой пантомимы сохранилась и часто формулируется в пластический гротеск, если этого требует тема.

Мы с вами не видели американских торговцев, приплывавших на шхунах к берегам Чукотки. След своей цивилизации — «веселую воду» оставляли они аборигенам. Забирали моржовый клык, за гроши скупали бесценные меха и растлевали местных жителей. Это было в начале века. Но сатирический портрет самодовольных дельцов в канотье и по сей день высмеивается в Уэлене в танце, который называется «Против американских торговцев».

Танец-фельетон всегда создавался на злобу дня. Его сюжет был неожидан,

рассчитан на мгновенное узнавание зрителями.

Со смертью Атыка, Нутетейна и Умки искусство импровизации на какое-то время иссякло. Но не исчезло вовсе и не могло исчезнуть. Недавно в репертуаре ансамбля появился новорожденный танец — «Открытие нового Дома культуры». Его сочинила молодая женщина Людмила Кулёсик, работница товарно-заготовительной конторы.

Пенсионер Тагъёк, в прошлом хороший охотник, придумал музыку к «Вольному танцу».

Вечерние часы репетиций и праздничные — выступлений объединяют на клубной сцене людей, для которых национальные танцы не профессия. Валя Тагъёк и Ира Рощенко — молодые художницы косторезной мастерской. Слава Эргыро — слесарь в совхозе. Валя Бычкова — няня в детском саду. Лариса Тулюкак — воспитательница. Володя Мемыльнеун учится в школе.

Я наблюдала, как жадно впитывают они на репетициях каждый жест всезнающих и мудрых Эмун и Аяя, как вдохновенно вплетаются в завораживающий ритм танца.

— Что привело вас в клуб? — спросила я Ларису Тулюкак. И она сказала:

— У нас у всех это в крови, наверное. Я еще в Наукане жила, там была маленькая изба-читальня. Часто там собирались, наши песни пели, танцевали. Приду и смотрю на них: завидно мне. Стою с ребятишками на руках. Куда от них пойдешь? А сама все-таки запоминаю и мелодию, и движения, так, низачем. Теперь мои дети от рук отошли, взрослые стали. Ну, вот, мы вместе с мужем сюда, в клуб, приходим. Тянет.

Да, наверное, так и есть. Действительно, в крови у этих людей потребность выразить мысль и чувство движением и жестом. Рассказать танцем о впечатлениях нового дня и о том, что не угасло в народной памяти высокое искусство предков.

Есть в Уэлене танцы, символизирующие преемственность и обновление национальных традиций.

...Пралюди, великаны, брат и сестра, первыми — по уверению сказаний — придумали танцы. Это занятие им так понравилось, что они и обыкновенных охотников, и их жен научили своему искусству. Великаны надевали на лица маски, смешные и страшные одновременно. Они-то знали, что трагическое и смешное тоже в своем роде брат и сестра. Так было и есть в жизни. Так должно быть и в отражении ее — в танцах.

И вот с тех давних времен молодые люди приходят к тем, кто стар и владеет мастерством движения. «Я смотрю, как брат и сестра танцуют, — поют они,— я ищу свой танец». «Ну, что же, выбирайте», — отвечают старики и показывают все, что знают сами.

В этом произвольно сдвоенном мной сюжете — темы двух хореографических композиций. Древней — «Брат и сестра» и новой — «Ищу свой танец». Между ними и пролегла через века связующая нить поколений. В мысли, заложенной в них, — неиссякающий источник танцевальной культуры народов Чукотки.

М. ПОПОВА,
кандидат философских наук

Бог и бессознательное у Карла Юнга

Современный религиозный модернизм как идейное течение, стремящееся приспособить «неизменное» слово божие к бурно изменяющемуся миру, чрезвычайно разнообразен и многолик. Он возникает не только в богословской среде, все более явственно ощущающей необходимость обновления вероучительных и культовых основ религии, но и во внецерковных кругах — среди буржуазных философов, историков, психологов, рассматривающих наступление атеизма как угрозу духовным ценностям западной цивилизации.

Пытаясь вернуть религии утраченный ею престиж, эти представители буржуазной интеллигенции ставят вопрос о радикальном пересмотре системы религиозных идей, о переводе их на язык современной культуры. Они стремятся создать новую форму религии, свободную от догматизма и авторитаризма, очищенную от мифологических и магических наивностей, не противоречащую духу научно-технического прогресса и в то же время сохраняющую тот особый эмоциональный настрой (жажду тайны и чуда, ощущение священного трепета и благоговейного восторга), без которого немыслима ни одна религия.

Крупнейшим представителем этого внеконфессионального крыла современного религиозного модернизма является известный швейцарский психиатр, основатель одной из школ глубинной психологии — Карл Густав Юнг, не менее популярный на Западе и как религиозный мыслитель, реставрировавший на «научной» основе ценность религиозного взгляда на мир. По мнению многочисленных почитателей и интерпретаторов, он первым осознал связь психоанализа с религией, указал путь, ведущий к синтезу веры и знания.

Родился Карл Густав Юнг в 1875 году в Швейцарии. Все его родственники по мужской линии, включая деда и отца, были священнослужителями, и мальчик рос в атмосфере, проникнутой духом и традициями кальвинизма. Религиозное окружение оказало огромное влияние на мировоззрение Юнга, во многом определив характер его профессиональных интересов и творческих поисков. Хотя, нарушив семейные традиции, он предпочел духовной карьере медицину, под белым халатом психиатра билось сердце религиозного проповедника и его голос с годами становился все отчетливее и громче, а к концу жизни (умер Юнг в 1961 г.) практически полностью заглушил голос врача и ученого.

Юнг не случайно обратился к психиатрии. Еще в гимназические годы, роясь в библиотеке отца, он познакомился с идеями Платона, Канта и Шопенгауэра, а будучи студентом, прилежно штудировал Гартмана. Когда встал вопрос о профессиональной специализации, — он без колебания выбрал психиатрию, полагая, что именно здесь медицина теснее всего соприкасается с философией.

В 1900 году, закончив медицинский факультет Базельского университета, Юнг начал работать в психиатрической больнице Цюриха. Изучение случаев раздвоения личности вплотную приблизило его к проблеме бессознательного. Сколько-нибудь разработанной научной его теории в то время еще не существовало, а идеи Шопенгауэра и Гартмана, в которых молодой психиатр пытался найти ответ на интересовавшие его вопросы, оказались слишком абстрактными для объяснения конкретного клинического материала.

В этот период ему в руки попала вышедшая в 1903 году книга З. Фрейда «Толкование сновидений». Теория вытеснения и символического толкования продуктов бессознательной психической деятельности увлекла Юнга, и он стал активным сторонником и пропагандистом идей психоанализа. В 1907 году он познакомился с Фрейдом, и эта встреча положила начало их тесному многолетнему сотрудничеству. Фрейд видел в Юнге одного из самых талантливых учеников и возлагал на него большие надежды как на своего преемника и будущего лидера психоаналитического движения. Однако надеждам Фрейда не суждено было сбыться. В 1913 году после длительных споров и бесплодных поисков компромисса Юнг порвал с Фрейдом и его окружением, чтобы вплотную заняться разработкой собственной психологической концепции, названной им в противовес психоанализу «аналитической психологией».

Самоопределение Юнга в качестве главы самостоятельной школы началось с пересмотра ряда фундаментальных положений ортодоксального психоанализа, касающихся природы либидо, структуры бессознательного, этапов

развития личности и ряда других[1]. Он критиковал Фрейда за преувеличение патологического и сексуального аспектов психики, за трактовку культуры как побочного продукта подавленной сексуальности, за непонимание природы религии[2] и т. д.

Юнгу был глубоко чужд «научный материализм» основателя психоанализа. Это, по его словам, род философии, под которым он никак не мог подписаться. Столь же неприемлемыми для него были и атеистические воззрения Фрейда. «Я, — писал Юнг, характеризуя свою позицию в этом вопросе, — придаю позитивную ценность всем религиям». Поэтому, хотя в его полемике с Фрейдом и содержалось немало верных мыслей, велась она с идеологически консервативных позиций и была, по существу, критикой «справа». Биологическому детерминизму, честному, хотя и непоследовательному рационализму Фрейда Юнг противопоставил учение, в основе которого лежал откровенный иррационализм и фидеизм.

Незаурядная эрудиция, феноменальная память, прекрасное знание языков в сочетании с многогранностью научных интересов обусловили широкий диапазон исследований Юнга. Его 17-томное собрание сочинений, наряду с собственно психологическими исследованиями, включает работы, посвященные анализу различных аспектов мифологии и религии, алхимии и астрологии, истории культуры и современных духовных исканий. «Мне казалось, — писал Юнг, — что я работаю в рамках строгой науки, устанавливая факты, наблюдая, классифицируя, описывая причинные и функциональные связи, пока в конце концов я не обнаружил, что включился в сеть рассуждений, которые выходят за пределы естествознания и вступают в область философии, теологии, сравнительного религиоведения и гуманитарных наук в целом».

Очерчивая проблематику своих исследований, Юнг не случайно специально выделил теологию и сравнительное религиоведение. Религия во всем многообразии ее форм и проявлений занимает важное место в его творчестве, являясь главным объектом приложения общетеоретических построений «аналитической психологии» к социокультурной проблематике. Интерес Юнга к религии отличался глубиной и постоянством. Он написал более двадцати религиоведческих работ, среди них: «Психология и религия» (1938 г.), «Психологический подход к догмату триединства» (1942—1948 гг.), «Символизм трансформации в мессе» (1942—1945 гг.), «Ответ Иову» (1952 г.) и ряд других. В отличие от большинства буржуазных психологов, Юнг не ограничивался исследованием индивидуально-психологических проявлений религиозности, а уделял внимание анализу вероучительных и культовых основ религий.

Религиоведческая концепция Юнга представляет собой своеобразный сплав идей протестантской либеральной теологии с учением о коллективном бессознательном, составляющим ядро всей его психологической системы. В соответствии с традицией, он видел сущность религии в живом и непосредственном переживании индивида, а вероучение и культ считал вторичными образованиями, возникающими в результате кодификации и догматизации изначального, идущего из глубин человеческой психики религиозного опыта. Его ядром является «нуминозум» (от латинского «божество», «божественная воля», «повеление»), вслед за немецким философом-идеалистом Р. Отто определяемый Юнгом как неподвластное разуму и воле человека состояние захваченности, полоненности, одержимости иррациональной, непостижимой, не поддающейся контролю силой.

Где же, по мнению Юнга, локализуется эта сила, что является ее источником и пусковым механизмом? Религиозная традиция, как известно, связывает ее с богом. Но Юнг — не теолог, а психолог, и потому точкой отсчета в его системе становится человек и его внутренний мир. Метафизический вопрос о существовании бога как трансцендентной реальности он заменяет вопросом о переживании связи с богом, чувствовании бога как реальности психологической. Поэтому религиозные догмы интересуют его не как свод утверждений о боге и его свойствах, а как символическое выражение определенных психических состояний и процессов, свойственных самому человеку. По мнению Юнга, утверждение теологов о богодухновенности религиозных догм, то есть о том, что их источник находится за пределами человеческого сознания, вполне согласуется с постулатами аналитической психологии. Переводя это положение с архаического языка религии на язык современной науки, Юнг пишет: «Психология вместо этого использует концепцию бессознательного, точнее коллективного бессознательного».

Человеческую психику он рассматривал как динамическое взаимодействие сознания и бессознательного. Однако, в отличие от Фрейда и других представителей ортодоксального психоанализа, область бессознательного Юнг делил на индивидуальное бессознательное, включающее забытые, подавленные, неосознанные переживания, накапливающиеся в процессе жизнедеятельности индивида, и коллективное бессознательное, представляющее собой осадок мыслей и чувств предшествующих поколений. Коллективное бессознательное включает в себя наслоения семейного, родового, национального, расового, общечеловеческого опыта, а также отголоски животной предыстории человека. В нем запечатлены типические реакции в ситуациях, имеющих универсальный общечеловеческий характер — таких, как рождение, смерть, жизнь, любовь и т. д. Коллективное бессознательное закреплено во врожденных структурах человеческой психики и с необходимостью воспроизводится в каждом новом поколении. Оно генетически старше сознания и является той первичной данностью, на базе которой сознание, составляющее весьма небольшой, поверхностный слой психики, возникает и от которой всецело зависит.

По Юнгу, коллективное бессознательное проявляется в спонтанных реакциях и импульсах, в болезненных симптомах и комплексах, в сновидениях и фантазиях. Его язык принципиально отличен от языка сознания. Бессознательное выражает себя в символической, образной форме. Символы, выходящие за рамки обобщения личного опыта, фиксирующие коллективно-бессознательные реакции, типичные для всего человеческого рода, Юнг называл архетипами. При этом он признавал, что данный термин не является его изобретением, а заимствован у одного из отцов церкви—Августина Блаженного—и по своему содержанию сходен с понятиями «образа божьего в человеке» у Филона Александрийского и «идеи» у Платона.

Архетипы — априорные организаторы человеческого опыта, «это то, во что верят везде, всегда и все». Они могут принимать как персонифицированную, так и безличную форму, проявляться и выражаться с помощью зрительных образов, математических знаков, геометрических фигур и т. д. Так, архетип матери олицетворяет созидание, блаженство, отдохновение; круг символизирует совершенство, духовную целостность; звезда — путеводный свет; роза — центр бытия и т. д. Архетипам, считал Юнг, принадлежит важная роль в психическом балансе личности. Будучи языком коллективного бессознательного, архетипические образы выражают наиболее глубокие и сокровенные стороны человеческой души. А поскольку главным условием психического здоровья, по мнению Юнга, является гармоническое взаимодействие сознания и бессознательного, именно от способности человека улавливать и понимать их символику зависит его душевное равновесие.

В творчестве Юнга, и без того не отличавшемся ясностью изложения, точностью формулировок и строгостью аргументации, концепция архетипов коллективного бессознательного, по всеобщему признанию, относится к числу наиболее двусмысленных и темных. Она была создана с целью объяснения сходства сновидений и бредовых фантазий современных людей с древнейшими мифами и легендами, а также родства художественных образов, мифологических мотивов и религиозных сюжетов, наблюдаемого у различных, в том числе никогда не соприкасавшихся друг с другом народов мира. По мнению Юнга, эти факты указывают на наличие врожденных психических структур и форм поведения, организующих индивидуальный опыт людей в соответствии с уже сложившимися в ходе исторического развития человечества образцами — архетипами.

Несмотря на кажущийся эмпиризм, это объяснение носило в высшей степе-

---

[1] См. об этом цикл статей «Психоанализ: реальность и миф» в № 5, 7 и 9 нашего журнала за 1976 год (прим. ред.).

[2] О проблемах религии и атеизма в философии Фрейда см. статью «Сквозь призму психоанализа» в № 3 и 4 нашего журнала за 1977 год (прим. ред.).

ни произвольный и спекулятивный характер. Известный американский психолог Г. Мэрфи, характеризуя творческий метод Юнга, шутливо заметил, что суть его сводится к утверждению: поскольку «А» чем-то напоминает «Б», а «Б» может в некоторых случаях иметь нечто общее с «В», а «В», как известно, иногда связано с «Г», следовательно, А=Г. «Как язык науки, — заключает Мэрфи,— это совершенно бессмысленно». Мэрфи подметил весьма существенную особенность теоретических построений основателя «аналитической психологии». Концепция коллективного бессознательного и его архетипов, несмотря на попытки Юнга опереться на данные современной биологии, по существу, воспроизводила давно дискредитированную теорию «врожденных идей», с той лишь разницей, что из божественной сферы они были перенесены в область бессознательного с его последующим обожествлением.

Идея существования в недрах человеческой психики некоего вместилища, продуцирующего раз и навсегда заданные символы, образы, понятия, находится в непреодолимом противоречии с данными генетики, исторической психологии и антропологии. Современная наука решительно отвергает возможность передачи социально приобретенных черт и форм поведения через биологические механизмы наследственности. Речь может идти лишь о социальном наследовании, то есть о трансляции культуры через систему социальных институтов, по каналам традиций, воспитания, обучения и т. д.

Что же касается сходства мифологических мотивов и сюжетов у народов, не вступавших между собой в контакт, то большинство современных психологов, историков и этнографов объясняют этот факт тем, что несмотря на многообразие существующих типов культур их представители наряду с социально обусловленными различиями имеют и определенный общезначимый жизненный опыт. Как и все люди на земле, они рождаются и умирают, любят и ненавидят, имеют родителей и сами становятся родителями, трудятся, борются за свое существование, наблюдают за явлениями природы и т. д. И нет ничего удивительного в том, что их фантазии и мечты имеют много общего, что в их мифах и легендах фигурируют образы «могущественного отца», «мудрого старца», «великой матери», «чудесно рожденного младенца» и т. д.

В научных кругах взгляды Юнга на природу коллективного бессознательного были встречены резко критически. За ним не без основания закрепилась репутация «самого антинаучного из всех психоаналитиков, враждебно относящегося к рационально-эмпирическому методу». К этому можно добавить, что по своим исходным посылкам и конечным выводам его идеи носили не только антинаучный, но и глубоко реакционный характер. Как отмечал известный английский науковед Дж. Бернал, у Юнга «психология фактически вернулась не столько к мифам в общественном смысле этого слова, но и к концепции наследственных мифов, и «высшей» истине оккультистского толка, и таким концепциям, которые в той или иной форме стали основой большинства фашистских движений XX века»[3]. Действительно, утверждение Юнга о том, что в недрах коллективного бессознательного существует слой расового бессознательного, фиксирующего неизменные психические свойства, присущие якобы каждой расе, было использовано германским нацизмом для оправдания идеи расового превосходства и политики геноцида в отношении «неарийских» народов.

Будучи краеугольным камнем всей системы аналитической психологии, концепция коллективного бессознательного самым непосредственным образом повлияла на характер религиоведческих воззрений Юнга. Она легла в основу его теорий о природе и сущности религии, ее исторических формах и функциях, придав им отчетливо выраженную психологическую окраску. В свою очередь его личное отношение к религии во многом определило интерпретацию бессознательных психических процессов, привнеся в нее изрядную долю фидеизма и мистики.

Развивая свои взгляды на истоки и сущность религиозного опыта, Юнг утверждал, что «боги — это персонификации коллективного бессознательного, поскольку они открываются нам через бессознательную активность психики». Сложившееся в богословской традиции вынесение источника религиозного опыта за границы сознания личности, с его точки зрения, лишний раз подтверждает, что сознательное «Я» человека — это островок, затерявшийся в океане бессознательного: «В то время как остров мал и узок, океан безбрежен и глубок, поэтому если речь идет всего лишь о месте, то совершенно неважно, где обитают боги, внутри или снаружи». По отношению к сознанию бессознательная часть психики представляет собой столь же чуждую, неподвластную, непознаваемую реальность, как и внешний мир. Следовательно, бессознательное вполне может заменить в качестве местопребывания бога мифические заоблачные выси.

Рассматривая коллективное бессознательное как сгусток общечеловеческого опыта, Юнг наделил его всеми атрибутами, традиционно приписываемыми богу. Бессознательное выходит за рамки индивидуального существования, не подчиняется законам времени и пространства. «Если можно было бы персонифицировать бессознательное, — писал он,— мы могли бы назвать его коллективным человеческим существом, соединяющим в себе характеристики обоих полов, выходящим за границы молодости и старости, рождения и смерти, и, поскольку оно имеет в своем распоряжении человеческий опыт одного или двух миллионов лет, почти бессмертным». Поэтому Юнг считал естественным, что, создавая гипотезу о мировом духе, человечество облекло его в форму личного существа, наделенного сознанием и волей, — то есть бога.

Эти рассуждения, в которых и бог и бессознательное выступают как синонимы, можно было бы отнести к издержкам словоупотребления, если бы за произвольным манипулированием понятиями не скрывался вполне определенный апологетический умысел. «Идея бога, — писал Юнг, характеризуя современную религиозную ситуацию, — стала жгуче злободневной. Она вышла за стены теологических семинарий, превратившись во всеобщий религиозный кошмар, и потому даже такой неспециалист в области теологии, как я, может или скорее должен внести свой вклад в ее решение».

Действительно, XX век, поставив под сомнение многие истины веры, посягнул и на основу основ религии — идею бога. Юнг прекрасно понимал, что в условиях прогрессирующего роста научных знаний о мире идея ветхозаветного бога — творца и вседержителя мира — безнадежно устарела. Она не отвечает запросам современного человека, а всякая попытка рационально обосновать ее равносильна гальванизации трупа и потому заведомо обречена на провал.

Однако, критикуя за наивный инфантилизм традиционные иудео-христианские представления о боге как трансцендентном, антропоморфном, личном существе, Юнг был весьма далек от намерения подрывать устои религии. Он подчеркивал, что его позиция не имеет ничего общего ни с «заблуждениями материализма», отрицающего бога на том основании, что его невозможно обнаружить во Вселенной, ни с издержками психологизма, видящего в нем лишь иллюзию, порожденную страхом, волей к власти или подавленной сексуальностью. Лишая бога онтологического статуса, Юнг, по существу, пытался освободить религию от наиболее уязвимых с точки зрения научной критики положений.

Трактовка бога как проекции психических процессов, подчеркнул он, нисколько не умаляет его значения и ценности. Напротив, замена трансцендентного, потустороннего бога имманентным—«богом внутри нас»—превращает религию в неотъемлемое свойство человеческого существования. Юнг методично и настойчиво внушал теологам, что аналитическая психология, вопреки их подозрениям, вовсе не помышляет о подрыве основ веры. Напротив, раскрывая людям глаза на скрытый психологический смысл религиозных догм, она сохраняет им жизнь в зараженном рационализмом современном мире.

Столь откровенное отступление от традиций и принципов науки вызвало справедливую критику в научных кругах, обвинявших Юнга в мистификации психической деятельности, в недопустимом привнесении в психологию богословских спекуляций. Пытаясь сгладить двусмысленность своей позиции, Юнг писал: «Было бы прискорбной ошибкой, если бы кто-нибудь принял мои наблюдения за доказательство существования бога. Они доказывают лишь суще-

[3] Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 612.

ствование архетипического образа божия. Но поскольку это очень важный и влиятельный архетип, его относительно частое появление, по-видимому, является фактом, заслуживающим внимания естественной теологии». Защита религии, таким образом, была облечена в научно респектабельную форму объективизма и эмпиризма. Однако декларации Юнга о его непричастности к метафизическим спекуляциям, стремление отвести от себя обвинение в несовместимой со званием ученого защите идеи бога на деле оказались лишь данью традиционному размежеванию предметных областей психологии и теологии.

Согласно разработанной Юнгом теории «психической реальности», человек оперирует двумя типами фактов: физическими и психическими. Первые являются отражением объектов внешнего мира и могут быть удостоверены опытным путем. Вторые касаются вещей, которые не могут быть ни объяснены, ни доказаны, ни опровергнуты эмпирически. К ним относятся фантазии, грезы, сновидения, верования, отражающие не реальность внешнего мира, а «психическую реальность», к которой не приложимы обычные мерки истинного и ложного, действительного и воображаемого. «Обманчивая идея реальна, — писал Юнг,— даже если ее содержание с фактической точки зрения является глупостью». Более того, всякая идея «психологически истинна постольку, поскольку она существует». Объем содержащейся в ней истины зависит от степени ее распространения: она субъективна, если присуща лишь одному индивиду, и объективна, если разделяется всеми. Другими словами, любые продукты человеческой психики, независимо от того, имеют они аналог в действительности или нет, адекватны отражаемым в них объектам и явлениям или нет, с психологической точки зрения реальны и истинны и лишь от степени их распространения зависит объективный или субъективный характер воплощенной в них истины.

Гносеологический релятивизм и полный произвол в употреблении понятий, как видим, привели к стиранию граней между реальным и воображаемым, истинным и ложным, объективным и субъективным. Можно понять стремление Юнга рассматривать фантазии своих пациентов как реальный психический феномен, обусловливающий их поведение. Однако признание реальности тех или иных психических явлений не дает врачу права становиться на точку зрения жертв разыгравшегося воображения. Факт существования тех или иных представлений и переживаний еще не делает их истинными, и психиатру, повседневно имеющему дело с различными психическими аномалиями, это известно лучше, чем кому-либо другому. Не случайно обследование пациента всегда начинается с выяснения круга его идей и степени их соответствия объективной реальности. Именно здесь пролегает водораздел между здоровой и больной психикой, игнорировать который в своей практической деятельности не может ни один врач.

Но вопрос об истинном и ложном выходит далеко за стены психиатрических клиник. Проявления психической деятельности, независимо от того, отражают ли они внешний или внутренний мир, могут и должны оцениваться с точки зрения их соответствия отражаемой действительности. Такая проверка помогает отделить правду от лжи, реальность от вымысла, истину от заблуждений. Как отмечал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», «мыслить и «примыслить» люди могут себе всяческий ад, всяческих леших... но задача теории познания в том и состоит, чтобы показать нереальность, фантастичность, реакционность подобных примыслов» [4].

Следует также заметить, что степень распространения той или иной идеи ни в коей мере не приближает ее к разряду объективных истин, если реальность не нашла в ней адекватного отражения. Вера в козни дьявола или божественное провидение, носившая в прошлом массовый характер, не более объективна, чем бред преследования или мания величия у жертвы психического расстройства. Юнгу, прекрасно знавшему историю, безусловно были известны факты, когда заведомо ложная идея овладевала сознанием масс, неся с собой неисчислимые страдания и бедствия. Будучи реальной общественной силой, она тем не менее не становилась от этого истинной, и эпитет «психологический» ничего не меняет в оценке ее объективного содержания и социальной роли.

Поэтому рассуждения Юнга о физической и психической реальности, об объективной и субъективной истине, по существу, относятся к разновидности «той профессорской схоластики, которая, не видя объективной реальности как источника наших ощущений, «выводит» путем вымученных словесных конструкций понятие объективного, как общезначимого, социально-организованного и т. п. и т. д., не будучи в состоянии, зачастую и не желая отделить объективной истины от учения о леших и домовых» [5]. Теория «психической реальности» преследовала в этом смысле еще более определенную цель. Она была призвана обосновать право на существование таких «пустоцветов» общественного сознания, как мифология и религия, алхимия и астрология.

В религиозных верованиях, писал Юнг, защищая их, воплощена не реальность внешнего мира, а «психическая реальность», имеющая свои особые законы. «Бог, — утверждал он, — есть очевидный психический, а не физический факт, то есть факт, который может быть установлен только психически, но не физически». Из этого следовало, что принципы объективной верификации неприложимы к идее бога, как, впрочем, и к другим догмам веры. Они находятся в плоскости, недоступной научным методам анализа и критики, а потому любые попытки опровергнуть их с рационалистических позиций заведомо обречены на провал. «Эпистемологический критицизм, — писал Юнг, обосновывая реальность и истинность идеи бога, — доказывает невозможность познания бога, но психика идет дальше в утверждении опыта бога. Бог есть психический факт непосредственного опыта».

Аргументы эти не новы. Еще в начале нынешнего века В. И. Ленин отмечал, что фидеисты всегда старались сделать представление о боге «абстрактнее, туманнее и в то же время (для правдоподобия) ближе к «психическому», как «непосредственному комплексу»... не требующему доказательств» [6].

Этому же принципу следует и Юнг. По существу, его рассуждения представляют собой психоаналитическую модификацию традиционного эмоционально-психологического доказательства бытия бога, подменяющего вопрос о существовании бога вопросом о существовании религиозных переживаний, и идут в русле основных тенденций современного религиозного модернизма, пытающегося крушению сакраментальных основ религии противопоставить «непосредственный опыт» как последнее прибежище веры.

Локализовав бога в бессознательной сфере человека, Юнг постоянно подчеркивал всеобщий характер и исключительную важность этого архетипа в психическом балансе личности. Смерть бога в душе человека, утверждал он, с неизбежностью ведет к душевным надломам и тяжелым психическим сдвигам. «Люди, которые не могут долее проецировать образ бога... находятся в реальной опасности инфляции и диссоциации».

В противоположность Фрейду, видевшему в религии коллективный невроз навязчивости, Юнг считал невроз неизбежным следствием утраты религиозного взгляда на мир. Согласно его теории, психические заболевания возникают вследствие нарушения равновесия между сознанием и бессознательным, в частности тогда, когда человек перестает слышать и понимать голос своего бессознательного. Религия же, будучи исторически сложившейся сокровищницей архетипических образов, предоставляет человеку уже готовые, социально-санкционированные формы актуализации бессознательных психических процессов. Религиозные догмы и обряды служат одновременно и стоками избыточной психической энергии, и плотинами, сдерживающими опасные приливы бессознательных влечений.

Религия неизменно квалифицировалась Юнгом как универсальная и в высшей степени эффективная система психотерапии. «Не только христианство с его символами спасения,— утверждал он,— но и все религии, включая самые примитивные, с их магическими ритуалами, являются формами психотерапии, которые лечат и исцеляют страдания души и болезни тела, инициированные душой».

Рассматривая религиозность как необходимое условие психического здоровья личности, Юнг связывал наблюдающийся в современном буржуазном обществе рост психических заболеваний с

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 75.
[5] Там же, стр. 130.
[6] Там же, стр. 241.

прогрессирующим угасанием религии. «...Психическое состояние европейца,— писал он,— указывает на пугающее отсутствие баланса. Мы без сомнения живем в период величайшего беспокойства, невротического напряжения, смещения и дезориентации мировоззрения». Предотвратить надвигающуюся катастрофу, по его мнению, может только религия. Однако тщетно ожидать помощи от религии, которая сама нуждается в незамедлительном спасении. Иудео-христианская традиция, констатирует он, переживает глубокий кризис, обусловленный, с одной стороны, натиском рационализма и материализма, с другой, — и это обстоятельство Юнг считал решающим,— неспособностью религии идти в ногу со временем.

Религия перестала развиваться, ее доктрины и мифы не учитывают глубоких изменений в духовной жизни общества. «Наш миф нем и не дает ответа. Ошибка заключена не в том, как он изложен в Писании, а исключительно в нас самих, не развивающих его дальше, более того, подавляющих любые попытки такого рода». Свою миссию Юнг видел в том, чтобы вдохнуть новую жизнь в обветшалые религиозные догмы, создать миф, соответствующий современной ситуации. Этим мифом он считал свое учение о «коллективном бессознательном» как некоем трансцендентном начале, заключенном в душе самого человека.

Перед психологией, утверждал Юнг, стоит двуединая задача. С одной стороны, необходимо заново открыть современному человеку древнюю сокровищницу религиозной мудрости, с другой— наполнить ее новым, не противоречащим науке содержанием. Он приложил немало усилий, излагая языком науки психологическое содержание, скрытое за окостеневшей формой догмы и ритуала, чтобы таким образом обосновать их психологическую ценность в жизни современного человека.

Залогом успешного функционирования религии в современном обществе Юнг считал сотрудничество теологов и психологов. И у тех и у других, утверждал он, общие цели и сходные методы работы с людьми, поэтому традиционная конфронтация между ними должна уступить место идейному союзу и совместным практическим усилиям по спасению человеческой души. Психологи должны шире использовать религию в качестве средства психотерапии, теологи — эффективнее применять достижения психологии в своей пастырской практике. Характерно, что ранее подобные идеи проповедовал лишь протестантский пастор О. Пфистер, пытавшийся обогатить практическое богословие некоторыми новациями психоанализа. Светские же последователи Фрейда решительно отмежевывались от сотрудничества с теологами, руководствуясь либо идейными мотивами, либо заботой о научном престиже психоанализа. Поэтому выступления Юнга, врача и ученого, в защиту союза с теологами знаменовало начало нового этапа во взаимоотношениях психоанализа и религии.

Однако, несмотря на настойчивые призывы Юнга к сотрудничеству, теологи не сразу смогли примириться с шокирующей неортодоксальностью его взглядов. Юнговская интерпретация религии представлялась им слишком человеческой, а его трактовка идеи бога недопустимо психологической. Однако углубление кризиса религии в современном мире, со всей остротой поставившее вопрос об обновлении ее идейного багажа, заставило теологов пересмотреть отношение к Юнгу.

В наши дни даже среди наиболее искренне верующих немногие принимают библейскую картину мира и бога. Как показывают конкретно-социологические исследования, в массовом религиозном сознании представление о боге как антропоморфном, трансцендентном миру существе постепенно уступает место более утонченному, спиритуалистическому его пониманию. По меткому замечанию одного американского автора, со времени Коперника религия лишилась космологии и потому оказалась вынужденной отступить внутрь человека. В этих условиях идеи Юнга, локализовавшего бога в архетипических глубинах коллективного бессознательного, уже не выглядели столь еретическими. Они оказались в русле исканий модернистского крыла религиозной мысли, стремившегося очистить религию от архаических представлений донаучной эпохи. В новейших богословских и религиозно-философских системах бог все чаще спускается с традиционной «тверди небесной» внутрь мира и человека, превращаясь таким образом из потустороннего, трансцендентного бога в бога посюстороннего, имманентного.

Процесс принятия теологией юнговских идей облегчался также тем, что со временем Юнг все более склонялся к идее трансцендентного бога или точнее к синтезу трансцендентного и имманентного, абсолютного и относительного. «Меня,— писал он,— обвиняли в обожествлении души. Это не я, а сам бог обожествил ее... Я же просто представил факты, которые доказывают, что душа религиозна по своей природе».

Первыми удостоили аналитическую психологию благосклонным вниманием католики. Теория архетипов, оформившаяся, по признанию самого Юнга, не без влияния писаний «отцов церкви» и средневековой схоластики, оказалась созвучной томистскому учению о власти универсалий, а его выступления в защиту психотерапевтических достоинств догмы и ритуала как нельзя лучше отвечали задачам практического богословия. «Юнг, — писал католический теолог О. Морено,— безусловно является пионером в области религиозной феноменологии, но его изыскания в области терапевтической ценности религии поистине уникальны».

Но и протестанты, которым учение Юнга казалось на первых порах недостаточно антропологичным, не устояли перед «обаянием» его идей. Как писал англиканский богослов Д. Кокс в книге с претенциозным названием «Юнг и апостол Павел», «Юнг решал те же задачи, над которыми христианская церковь бьется со времени своего возникновения. Его выводы скорее дополняют христианские заповеди, чем противостоят им, и, что самое главное, сравнение между его методом и тем, что подразумевает христианство, позволяет лучше понять христианское учение в свете проблем и форм мышления современного мира. Мы верим, что «скрещивание» христианства с аналитической психологией может дать приятные и освежающие плоды».

Надежды теологов не лишены оснований. Учение Юнга как нельзя лучше отвечает их насущным задачам. В наши дни, когда религиозная вера постепенно изгоняется из области познания и общественной практики, оно открывает перед религией спасительную возможность закрепиться в психологической, то есть наиболее интимной и наименее изученной, сфере человеческого существования. Утверждения Юнга о том, что религия является «наиболее ранней и универсальной формой психической деятельности людей», что человеку присуща «естественная религиозная функция», коренящаяся в природе бессознательного, что от продуктивной реализации этой функции зависят его душевное здоровье и духовная целостность, имеют, по мнению теологов, еще и ту ценность, что принадлежат известному психологу и потому в глазах не искушенных в философских тонкостях широких масс верующих освящены авторитетом науки.

Анализ религиоведческих воззрений Юнга и их последующей ассимиляции церковниками позволяет сделать ряд важных в теоретическом и практическом отношении выводов. Во-первых, он показывает, «какими утонченными средствами пытаются представители образованной буржуазии искусственно сохранить или отыскать местечко для фидеизма» [7]. Во-вторых, свидетельствует о том, что в обстановке обостряющегося кризиса религии происходит консолидация сил всех представителей идеалистического лагеря, независимо от их конфессиональной и профессиональной принадлежности. И, наконец, он служит убедительным примером того немаловажного факта, что в условиях падения общественного престижа традиционных средств спасения веры все большее значение приобретают внецерковные формы религиозного модернизма, нащупывающего и прокладывающего новые пути приспособления религии к требованиям современной эпохи.

■

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 327.

ПРОВОДЫ на полонины

А. ЛЕВАНТ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Фото В. Школьного

НАКАНУНЕ в городе стучали молотки. Люди подправляли заборы, выходящие на главную улицу, украшали флагами, транспарантами, зелеными ветками балконы и окна домов. Несколько парней ремонтировали тротуар — аккуратными рядами выкладывали бетонные плиты. А в самом центре, против нового, с только-только обсохшей краской здания райкома партии рабочие мастерили трибуну, украшали ее ветками, сажали вокруг маленькие елочки. И ребятишки, с сознанием особого в такой день права, атаковывали продавщицу мороженого. Словом, по всему чувствовалось приближение праздника. О нем, собственно, и гласили афиши: яркие, веселые, они приглашали всех на областной праздник — «Проводы на полонины».

Рано утром в перекличку петухов включился перезвон бубенчиков. Открыла окно маленькой привокзальной гостиницы и вижу: гарцуют по площади два гуцула. В расшитых кожухах и вышитых рубахах, на шляпах — перья из осколков зеркала. И серые в яблоках красавцы кони. Об их праздничном убранстве хозяева позаботились в тот день не меньше, чем о своем. Тщательно расчесанные, переплетенные разноцветными лентами гривы, хвосты, украшенные рушниками седла, звонкие бубенцы.

Город постепенно просыпался, наполнялся звуками: певучей украинской речью, цоканьем копыт, а потом уже — нежным перезвоном пастушьих свирелей, призывным эхом трембит.

Так встретил меня Рахов. Расположен он в центре Закарпатской Гуцульщины, там, где Белая Тисса сливается с Черной Тиссой. Здесь самые высокие Карпаты. И самые красивые, добавляют местные жители. Что ж, хвастовства в этом нет. Думаю, каждый, кто хоть однажды побывал в этих краях, не раз вспоминает их. Вспоминает и осознает, насколько счастлив был в Карпатах.

Много горя видела эта земля. Здесь хозяйничали венгерские и немецкие феодалы, австрийские бароны, хортистские фашисты. Они грабили богатства прекрасного края, его народ, самобытный и гордый. Они стремились убить культуру, обычаи, сделать из трудолюбивых людей слуг, рабов, а главное, подавить в них сознание национального единства с Украиной.

Карпатская Русь, Угорская Русь — по-разному именовали они Закарпатье. И даже так: «земля без имени». Только не забывал народ имени родного края. «Маленькая ветка великого украинского дуба» — так называли свою землю гуцулы и из поколения в поколение передавали любовь к своей земле, бережно хранили традиционные ремесла, костюмы, обряды и праздники, танцы и песни. И доныне живут и процветают здесь народные промыслы: резьба по дереву, вышивка бисером и шерстью. Дошли до нас и мудрые пословицы и поговорки гуцул, романтичные легенды и сказки.

Да, очень почитают гуцулы свои традиции, любят свои праздники, ревностно относятся к новым. И когда в 1965 году раховцы решили провести в районе Праздник труда, им было над чем подумать. Ведь провалишь такое дело один раз — и все, больше уже людей не соберешь. Много приложили они тогда усилий, энергии, чтобы

праздник был интересным, веселым, содержательным. И чтобы воспевал он труд, лучших людей труда, дабы позавидовала молодежь мастерству, которого те достигли.

Первый блин не вышел комом, и с тех пор праздник в Рахове стал традиционным. Проводится он весной, когда животноводы переселяются на полонины — высокогорные луга. Проводы на полонины — традиция не новая. Во все времена торжественно, по-праздничному провожали гуцулы в горы своих односельчан. Желали им — песнями, танцами, добрыми словами — успешной работы, дарили подарки. А сегодня на праздник в Рахов съехались представители трудовых коллективов не только района, а и всей области. Вот какую он приобрел славу, каких достиг масштабов.

...Я вышла на улицу и сразу же попала в толпу, звонкоголосую, нарядную. Мужчины, старые и молодые, девушки и парни — все в гуцульских одеждах. Настоящее «пиршество для глаз». Когда все это не в концерте, не на сцене, а рядом с вами на улицах современного города,— это удивительное зрелище. Как оттеняют нежный девичий румянец белоснежные кофты, красные бусы! Как идут мужчинам расшитые замшевые и кожаные жилетки и неизменные шляпы со сверкающими зеркальными перьями!..

Людской поток направляется к Тиссе и дальше через мост — в центр города. Там уже вдоль всей главной улицы выстроились зрители, целыми семьями вышли на балконы. Щелкнули репродукторы — и полилась над Тиссой песня о Верховине. А мимо трибуны уже шли знаменосцы, несли знамена всех республик — праздник в этом году был посвящен 60-летию Великого Октября. Потом — духовой оркестр, колонна лучших животноводов области. Ну, а то, что началось после, никак не было похоже на официальное шествие. Это был скорее театрализованный гимн труду...

Обычные грузовики — только с опущенными бортами, украшенные зеленью, полевыми цветами, бутафорским реквизитом. А в них... В них варили на костре овечий сыр и плели узоры из разноцветной пряжи, обрабатывали мрамор и клали кирпичную стену, точили детали и работали на миниатюрной пасеке: так представители каждого хозяйства, предприятия показывали, как они трудятся, что изготовляют, рассказывали — в том числе цифрами, плакатами — о своих задачах и планах.

На одной машине — маленький, очень трогательный теленок. Рядом колдуют над колбами девушки в белых халатах — это колхозная лаборатория.

А вот проезжает целый лесокомбинат. Действующий макет отражает весь процесс производства от рубки леса до изготовления готовой продукции — пиломатериалов, мебели, паркета, сувениров. На импровизированной лесной опушке — чучела зверей, какие водятся в карпатских лесах. Присел на пенек лесник, а вокруг расположились ребята — детское лесничество.

На следующей машине — настоящий пограничный столб. И пограничник. Берегут воины народное богатство, зорко стоят на страже границ.

Тематические грузовики стали традиционной, неотъемлемой частью праздника. Ведь каждая такая движущаяся экспозиция — простой, а главное, наглядный рассказ о развитых в крае отраслях производства и их достижениях. Ежегодно эти экспозиции меняются, обновляются, изобретаются новые.

Когда подходит новая колонна участников демонстрации, подъезжает очередная машина, раздаются радостные возгласы, аплодисменты. И не только потому, что люди узнают своих знакомых, нет. Это аплодисменты тому, что они производят, делают. Потому что творения их рук известны в области всем. Всякий труд нужен людям, любое дело, если выполняется оно на совесть, почетно — вот в чем смысл этой демонстрации. И организаторы праздника не забыли никого: представители всех профессий проходят в праздничных колоннах: овцеводы, лесорубы, пахари, доярки, телятницы, виноградари, садоводы, строители, учителя, художники, врачи, железнодорожники, продавцы, работники службы быта...

Но главные герои праздника — это, конечно, овцеводы... Гулко «прокричал» старый чабан — поднял вверх длинную трубу — трембиту. Тут же нежно запела скрипка, зазвенели цимбалы и под веселую мелодию пустились чабаны в пляс. А за ними машина — картинка жизни на полонинах. Среди нарисованных альпийских лугов — маленькая живая отара. Под навесом, как на настоящих выгонах, варится сыр. Завтра чабаны уйдут на все лето в горы, а сегодня их провожает, напутствует весь народ.

Тяжел их труд. Он требует физической силы, выносливости, настоящего мужского характера. Люди, выросшие в горах, хорошо это знают. К сожалению, все реже в последние годы идут в чабаны молодые. Конечно, для них куда привлекательнее производство, связанное с техникой. Привлечь молодежь к овцеводству, традиционному для здешних мест делу, — тоже одна из задач праздника. И потому так чествуют сегодня парней, которых не остановили трудности, долгие разлуки с домом. Таких, как, например, Дмитрий Богуняк: ему двадцать пять, а с отарами ходит с детства, родители приучили. Таких, как Николай Ялюк и Василий Костан. Или целую чабанскую семью Ивана Ивановича Ципана, который даже маленьких сыновей решил взять в горы: пусть учатся.

Море аплодисментов встретило на праздничной улице маленького мальчишку. Из-под широкополой отцовской шляпы сияли глаза. Он лихо щелкал хлыстом-батыгой, словно подгонял отару. Взял в руки батыгу — будто принял эстафетную палочку от отца.

Это очень характерно для Дней труда в Рахове: объединять поколения, сближать их. Идут рядом в праздничных колоннах, рассказывают о своей работе Герой Социалистического Труда доярка Мария Михайловна Алечко и ее молодая коллега комсомолка Анна Мазер — уже кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Или

тракторист Алексей Яблонецкий, бригадир механизированного молодежного звена, награжденный знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», и знатный чабан кавалер ордена Трудовой славы Василий Васильевич Сурмай. Такие высокие награды даром не даются, этим людям есть о чем поговорить, им интересно встретиться друг с другом. Потому что какими бы разными они ни были, и пусть они из разных поколений, объединяет их стремление достичь высокого мастерства, совершенства в своей работе, желание быть полезными и нужными людям.

И снова залихватская гуцульская мелодия. На улице — группа молодежи одного из колхозов Раховщины. Ребята поют, танцуют. Вот звучат напевки, похожие на русские частушки. Это коломыйки — шуточные импровизированные куплеты, без которых не обходится ни одно гуцульское гулянье. О чем поют коломыйщики? Да обо всем, что их окружает: о своих селах, о колхозных делах, о товарищах по работе, об отдыхе и, конечно же, о Карпатах. Ну, а на этот раз коломыйки посвящались чабанам. «Сегодня мы прощаемся, но не грустите, — пели девушки, обращаясь к парням, — чем лучше вы будете там, в горах, работать, тем чаще мы будем вас вспоминать, больше любить и ждать». Такие вот примерно коломыйки.

Прошли последние колонны, закончилась демонстрация. Но не окончен праздник. Все его участники и зрители по ведущим вверх, в горы, улочкам направляются в парк 300-летия воссоединения Украины с Россией. Это излюбленное место отдыха жителей района. Еще бы — такое дивное, необыкновенное зрелище открывается взору — дух захватывает: раскинулась по горной долине огромная зеленая поляна.

Сейчас в дальнем конце ее, далеко, у обрыва — сцена, ряды деревянных скамеек, но мест явно не хватает, ведь сколько приезжих: автобусы из Ужгорода, Мукачева, Тячева, Берегова, а кто-то на мотоциклах, велосипедах, на «попутных» и просто пешком. И люди рассаживаются прямо на траве, на склонах урочища.

Взмыли над сценой два флага — СССР и Украинской ССР: началась торжественная часть. Животноводов, уходящих на полонины, приветствовали и напутствовали первый секретарь Закарпатского обкома Компартии Украины Ю. В. Ильницкий, первый секретарь Раховского райкома партии М. О. Шпатарюк, председатель колхоза «Первое мая» Ю. А. Халтус. От имени рабочих к героям дня обратился Василий Иванович Талапа, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, бригадир столяров Свалявского лесокомбината. Полонинцы вручили секретарю райкома рапорт, в котором рассказали, как подготовились к выгону. Под туш и горячие аплодисменты лучшим животноводам вручают почетные грамоты, подарки. Настал торжественный момент, тоже одна из традиций этого праздника: вручение факела. Принимая его, старший чабан Василий Хамор сказал, что огонь этого факела для чабанов — символ дружбы людей труда, их тепла и доброжелательности. А затем зажег на склоне амфитеатра большой костер.

...Начались танцы, песни, исполняли их известные в области самодеятельные коллективы. Например, «Карпаты» — народный ансамбль песни и танца Раховской картонной фабрики, «Гуцульщина» — Ясинского лесокомбината, «Лесоруб» — Великобычковского лесокомбината. Это коллективы со стажем. «Лесоруб», например, существует уже 30 лет. Выступали и совсем молодые, за последние два-три года сложившиеся коллективы: районный хор учителей, ансамбль песни и танца «Тисса» из села Квасы, «Ялинка» — тоже Великобычковского лесокомбината.

Три с половиной тысячи человек участвуют в районной самодеятельности. Это очень много. Потому, наверное, здесь не только на таком большом и организованном празднике — в любой компании бывает весело: всегда находятся затейники, заводилы, музыканты, солисты. Целыми ансамблями разъезжают по селам самодеятельные артисты на колядования — предновогодние гулянья. Кстати, это тоже один из самых любимых в здешних местах праздников, и проходит он по своему ритуалу: с ряжеными и непременно с подарками, веселыми пожеланиями-щедривками.

Бережное отношение к истокам, к прошлому своего народа, к культуре предков, стремление сохранить все лучшее для будущих поколений — разве не из этого слагается любовь к родному краю, желание сделать его богаче и прекраснее! Надо отдать должное и педагогам, и руководителям производства, комсомольским и партийным активистам — они много думают, заботятся о духовном мире людей не меньше, чем о производственных показателях.

— Какое влияние на людей оказал праздник, — вот что главное! — говорил мне на следующее утро секретарь Раховского райкома партии Юрий Иванович Корж. — Ведь с каким хорошим настроением, подъемом начинается у нас обычно после праздника рабочая неделя! Наш праздник дает заряд бодрости, энергии, рождает хороший дух соперничества. Какая-нибудь, скажем, доярка думает: если Анна Мазер может так работать (ее вчера чествовали, подарок вручили), неужели я хуже? Может, и я так смогу. И люди стараются, стремятся к совершенству в своем деле. Мы придаем большое идейно-политическое значение этому празднику. Он воспитывает уважение к своему краю, его обычаям и его истории... И вот что интересно. Вы не заходили в тот день в нашу церковь? — спросил он неожиданно.

— Шла мимо нее в парк и заглянула, народу там было мало.

— Вот именно. А ведь была троица...

...И вновь дорога у подножия гор, теперь уже немного грустная — назад. Закатное солнце золотит вершины Карпат. Туда идут сейчас люди, которым предстоит назавтра трудная работа. Они идут, и в лесной горной тиши слышатся им веселые звуки праздника.

ГОРОД И ЧЕЛОВЕК. Кто только ни брался поставить последнюю точку в дискуссиях на эту тему! А жизнь упрямо ставит многоточие, оставляя широкое поле для размышлений и деятельности. Для сегодняшнего разговора мы выбираем один конкретный город — Ереван. И конкретную тему: влияние города на формирование советского образа жизни.

Город представлять не просто, а столицу Армении тем более. За многовековую историю Еревану объяснялись в любви многие люди, находя для него самые яркие сравнения и звучные эпитеты. В память мне врезался один из них: мудрый.

Чем мудрый? Матенадараном, в уходящих под землю этажах которого хранится около 100 тысяч старинных книг и документов, практически бесценнейших свидетельств древней культуры армянского народа? Мудр тем, что город читает и пишет, используя алфавит, которому свыше 1500 лет? Или, может быть, тем, что почти в каждой семье здесь стоит солидный трехтомник Лео — история армянского народа, которую часто читают?

Улица моя, Родина моя

Я. ХОЛЯВО,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Народ имеет богатое наследство — традиции. Время — великое сито — отправляет в Лету устаревшие из них, а жизнь рождает новые. Одна из самых молодых в Ереване, уже утвердившихся — праздники улиц. Родились они в самом молодом районе армянской столицы — Советском.

Можно предположить, что город столетия раздумывал, глядя снизу вверх, как обжить ему кольцо гор, и вот во второй половине XX века решился — и шагнул вверх на безлюдное плато, взобрался многоэтажными домами на Норкские высоты в новом, седьмом по счету районе—он назван Советским. Случилось это в 1972 году. Сегодня здесь живут 215 тысяч человек из 980-тысячного населения города.

— Что такое Советский район? — Владимир Агванович Турьян, секретарь райкома партии, молодой, но опытный руководитель, начинает беседу так: — У нас в районе мало крупных промышленных предприятий. Вечером его жители возвращаются домой с работы или учебы из разных концов города. Пришел человек и остался один на один с телевизором? Это не по-нашему. Ведь раньше армянин, живя в селе, знал всех и его знали все. Иными словами, была дружная большая семья. Мы не могли допустить, чтобы человек «затерялся» в большом городе.

Мы часто говорим о патриотизме. С чего он начинается? С дома, в котором ты живешь, с улицы, по которой ходишь. Вот и родилась у нас идея праздника улицы. Иными словами, все, кто живет на этой улице, отмечают день рождения героя, чьим именем она названа. Только не подумайте, что это разовое мероприятие. Наш праздник — это и субботники по благоустройству, и спортивные состязания, народное гулянье и концерт под открытым небом... Как в семье готовятся к празднику, вы знаете. А теперь представьте, что жители всей улицы — одна семья...

Праздник начинается с улицы Гая... Это — центральная улица района. Дома из розового туфа и серого базальта. И скульптура заняла здесь свое достойное место. Небольшие фигуры-символы на постаментах, созданных природой, радуют глаз и воспитывают человека. Нельзя не обратить внимание и на небольшую груду камней, занявших почетное место на проспекте. Строители оставили ее потомкам на память. Камень — это бедность. Смотрите, из чего мы строим, смотрите, как трудно тут было строить! Камень — это богатство: смотрите, что из этого камня построили!

Улица Гая.

Главный монумент на улице — памятник Гаю (работа скульптора Сурена Назаряна и архитектора Саркиса Гурзадяна), его открытие было приурочено к 90-летию со дня рождения пламенного революционера, полководца гражданской войны Гайка Дмитриевича Бжишкяна.

Легендарный Гай. Родился в 1887 году в семье учителя. За участие в революционном движении был дважды арестован и заключен в тюрьму, причем одна из них — Баиловская в Баку, у которой была своя «слава»: оттуда не выходили, оттуда выносили. Гаю посчастливилось бежать.

Партийный стаж Гая — с 1903 года. Гайк Дмитриевич любил повторять: «Звание коммуниста налагает много обязанностей, но дает лишь одну привилегию — первым сражаться за революцию». Эта привилегия стала смыслом его жизни.

Он был храбр, исключительно отважен, кристально честен. И эти его черты способствовали формированию качеств военачальника новой, пролетарской формации. 24-я Железная дивизия, 1-я армия Восточного фронта, 3-й Конный корпус Западного фронта, 1-я Кавказская кавалерийская дивизия — все они связаны с именем Гая.

...Лето 1918 года. Покушение на Ленина. В те дни Ильичу пришла телеграмма от Гая, начдива 24-й: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие вашего родного города Симбирска — это ответ на вашу одну рану, а за вторую — будет Самара».

...Молва об отваге Гая шла от Поволжья до Варшавы.

Песни о храбром полководце распевались на многих фронтах гражданской. Многое стало легендой. Так, беспроволочный телеграф, например, сообщал по окопам, что Гай в погонах белогвардейского полковника вывез из тыла белых «языка». Утверждали, что Гай «единолично» взял Самару. Перелетел, дескать, на самолете линию фронта, сел на картофельное поле близ города и, вооружившись ручными гранатами, пошел на почту. Перепуганным телеграфистам ничего не оставалось, как под диктовку красного командира отстучать: «Всем, всем, всем! Я, Гай, нахожусь в Самаре. Да здравствует Советская власть!»...

Революция сделала героя национального героем интернациональным. Под командованием Гая сражались татары и латыши, белорусы и украинцы. В частях армии были венгры и чехи, сербы и поляки, которых революционная правда привела в 1918 году на берега Волги, чтобы защищать в чужой стране народную власть.

Гая, родившегося в иранском городе Тебризе, белорусы на гражданской войне считали своим. А сомневавшимся доказывали сильным аргументом: фамилия-то белорусская: «гай» — это значит «роща». Украинцы называли его земляком и даже указывали точное место, где вроде бы родился полководец. Наконец, башкирский народ звал его батыром и еще «Дус-кеше», что в переводе значит «близкий человек».

Наши люди хранят верность идеям интернационализма. И праздники улиц — тому свидетельство.

В Ереване проходила декада литературы и искусства Молдавской ССР. В ознаменование дружбы двух народов новая улица получила название Молдавской.

Или еще один праздник — улицы Парижской коммуны. На этом празднике царствовал коллективизм, который, конечно же, не исключает здорового соревновательного духа. Чья улица красивее? Чей двор зеленее? Чьи дети лучше учатся? Каждая улица должна иметь своих чемпионов!..

Перед праздником все жители вышли на благоустройство родной улицы. В день Парижской коммуны на улице состоялся небольшой митинг. Выступили учитель истории, бывшая жительница французского города Марселя (она вернулась на родину вместе со многими другими репатриантами). Учащиеся 48-й школы исполнили «Марсельезу» на французском языке, прочитали стихи о революции. Потом заиграли скрипки — это уже ребята из музыкальной школы № 13, что тоже на улице Париж-

Заместитель председателя Советского райисполкома г. Еревана Г. Маркосян со своими «лесными» поделками.

ской коммуны. Русские, французские и армянские мелодии и танцы звучали так горячо и звонко, что седой и мудрый Арарат, стряхнув почившие на его плечах тучки, будто приподнялся в ореоле солнца полюбопытствовать, что за веселье в Ереване. В тот же день почетные жители улицы посадили Аллею дружбы из 60 платанов. Тысячу лет живут эти деревья.

Кстати, каждый праздник улицы непременно знаменуется тем, что люди сажают деревья. Так был заложен парк имени 60-летия Великого Октября на 16 гектарах. Это только так говорят: на юге воткни палку — дерево вырастет. Каждый зеленый росток на камнях и скалах Армении требует постоянной заботы. Грайр Арутюнович Маркосян, который был моим экскурсоводом, уверен, что сквер удастся на славу. И не только по должности (он — первый заместитель председателя райисполкома, один из инициаторов и организаторов праздников улиц), а еще и потому, что сам сажал деревья.

Грайр Арутюнович отдает делу не только энтузиазм. Гости 136-й школы всегда с восхищением рассматривают в вестибюле выставку «Лесные сказки» — композиции из мира окружающей природы. Ожили под рукой мастера сухие коренья, сучья. Все эти работы заместитель председателя райисполкома подарил школе.

Чувство прекрасного в человеке менее всего можно развить броским лозунгом. Только личный пример и хорошо продуманная система воспитания помогут лучше увидеть красоту творений человеческих рук, оценить ее. Что может быть красивее дерева? Вырастить дерево! И школьники берут шефство над зелеными насаждениями района.

Строится город, растет район. Номерные микрорайоны, кварталы становятся улицами, получают имена для долгой жизни. Вот совсем недавно райисполком принял решение назвать новые улицы именами Героя Советского Союза Г. Багяна, академика Р. Ачаряна, народного артиста республики Д. Маляна, скоро возникнет соседство улиц, носящих имена великих деятелей литературы и искусства армянского народа. И это ведь тоже неплохо...

Новостройки Советского района.
Фото А. Арзуманова

Играют в Суздале скоморохи

Ю. ХОЛОПОВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

В ВЫСОКИХ ШАПКАХ, кафтанах, шитых звездами, цветами и снежинками, под гусельный перезвон и наигрыш гудошников выкатились плотным сторуким клубком, с посвистом и разудалыми прибаутками «люди вежливые и счастливые», «певуны умильные», «загусельники утешные». Рассыпались кругом, кто на руках, кто вприсядку — выделывают коленца; одни колесом ходят, другие в такой пляс под залихватский наигрыш пошли, что вокруг со смеху покатились и стали в такт притопывать. Вот потешило, развеселило скоморошье племя!

Притихла пляска, и развернулась, поплыла игра-песня «из-за синя-моря» про Соловья-разбойника и могучего Илью, «Про гостя Терентьища» и «Лукоморие зеленое», от стародавнего до Ванюши с «Жигулями» и лукавой Маруси из соседнего ларька с пирожками:

Уж нам этот пирожок на дубовый стол кладен.
У дубового стола подломилася нога, раскололася доска...

«Икарусы» с гостями подъезжают к торговой площади города Суздаля, выстраиваются в аккуратный ряд. Туристы еще не встали с мест, а уже изумленно наблюдают за шумной и цветастой процессией: дудошники, зазывалы-ряженые, скоморохи, забив трещотками, пропускают вперед Емелю на моторизованной печке. А Емеля кричит призывным речитативом:

— Все, все на праздник!

Это я, веселый проказник,
вас приглашаю!

Опережая друг друга, возбужденные от предстоящего «русского веселья», пружинисто посыпались из автобусов гости из Польши и ГДР, перемешались с артистами. И вот уже и приезжие, и местные идут под задорные величанья и напев гармоник к воротам потешного городка. У ворот гордые, неприступные стрельцы с бердышами «не пущают», пока каждый не споет и не спляшет. Потешные призывают славить праздник. Все дружно кричат, оттаптывают по морозцу «калинки-малинки» и, смяв стрельцов, приступом берут ворота городка, опоясывают хороводными рядами разукрашенную елку.

В круговерти снежинок, под ядреным зимним солнцем, с песней о русской метелице в расписных санях въезжает «Зима белоснежная». Льстивыми, умильными словами завлекает расплясавшихся гостей, требует честь оказать веселыми зимними играми: перетягивать канат, пилить дрова под «Камаринского». Потом приплывает на снежном троне Снегурочка. Устраивает катание на санях, со скоморохами и дудошниками, по скользким дорожкам. Заставляет бегать с полными ведрами воды на коромыслах.

— Суздаль — это замечательно! Старинные здания, церкви, живописные улицы — все действует на воображение, — делится впечатлениями представи-

тель бюро путешествий. — Все мои подопечные, рабочие крупных промышленных предприятий ГДР, будут с большим удовольствием вспоминать этот город, русское радушие.

Мнение группы польских туристов: «Нам, конечно, очень понравилось. Красочно, сердечно, по-домашнему. Веселились — кто как мог. Один пан залез на столб за деревянным петухом, получить подарок. Пришлось всей группе ловить его, когда падал. Увозим сувениры: палехские шкатулки, тульские самовары, а самое ценное — добрую память об этом чуде старинной русской архитектуры...»

Только гости успели запастись в торговом ряду мстёрскими шкатулками и

Фото автора

полхово-майданскими бочатами, как вслед за дудошниками с самоваром и скоморохами с сундуком сказочным зимним владыкой прикатил Дед Мороз. И снова игры, катание на тройках, хоровод в окружении храмов различных эпох, живых свидетелей старины стародавней, среди удивительного по гармонии ансамбля архитектуры...

Смотреть суздальское чудо сейчас едут тысячи, десятки тысяч — со всех городов и сел нашей страны и из-за рубежа. Люди стремятся сюда, чтобы лучше понять историю и культуру страны, ее красоту. Но не все еще ладно в суздальских празднествах. Сколько, например, радости приносили в свое время суздальчанам Проводы русской зимы, именуемые в просторечии «широкой да веселой, разгульной масленицей». Всего несколько лет назад это торжество было примечательным событием не только в жизни города, но и всего района. Собирались народные коллективы в подлинных костюмах, сбереженных прадедами, вышитых и скроенных по-старинному. Славились песни Владимирской области в исполнении хора Дома культуры госплемсовхоза «Семнадцатый МЮД» и Новосельского хора советской и народной песни, в исполнении Торчинского сельского ансамбля «Лучина» звучали народные обрядовые свадебные песни. Не было танцоров, равных по удали кутуковским колхозникам. Все выливалось в хорошее соревнование: кто споет, кто спляшет лучше других. Прямо на улицах пекли блины: у кого больше получится — до метра в диаметре.

Выходили на праздник люди веселые, весну славить пирогами и блинами, штурмом брать городок ледяной, последнее прибежище лютого Мороза. Изгнав ледяных страшилищ, величать честную Масленицу, широкую и веселую: «Душа ль ты, моя Масленица, перепелиные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая-медовая твоя речь! Приезжай к нам в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешаться. Уж ты ль, моя Масленица, касаточка, ты же моя перепелочка. Выезжала честная Масленица, широкая боярыня, на семидесяти семи санях козырных, во широкой лодочке во велик город пировать, душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться».

Не век, не два встречали разгульный широкий праздник этим причетом. «Приехала Масленица! Приехала!» — кричали рано поутру ребятишки. И все расходились по домам есть вволю блины с таким количеством приправ и солений, что и до вечера не расскажешь.

Днем на веселом гулянье, с песней и пляской носили по улицам дерево, разукрашенное бубенцами, яркими лоскутьями и колокольчиками. Мчались расписные сани, на них наряженный бабой мужик — Масляна, увешанный березовыми вениками, с балалайкой в руках. Запряженные в десять — двадцать лошадей, на каждой верШник с метлой в руках: целый поезд в десятки саней, с нарядными парнями и девушками, детьми. Народ тек рекой на площадь, где показывали свое искусство озорные скоморохи, игрецы-музыканты, раешники и балаганщики, плясцы и песенники, фокусники и акробаты, поводыри медвежьи и разные шуты.

Задорная, широкая Масленица — красочное действо, созданное творчеством народа, его талантами и незаурядным чувством прекрасного, сохраненная памятью поколений как весомое свидетельство жизнелюбия, самобытное проявление лучших черт национальной культуры. В бездонном омуте времени десять веков накрепко стерли символический смысл языческих обрядов, сохранив главное, непреходящее: веселье празднества, радость весеннего обновления — словом, все то, что оставляет в человеческой душе неизгладимый след.

Именно такой праздник, который не навязчиво, но убедительно утверждал бы причастность к истории, культурному достоянию народа, который легко и образно утверждал бы идеалы красоты и добра, и сегодня нужен заповедному Суздалю. Тогда не останется в стороне вокально-хореографический ансамбль «Суздаль», который «забыли» пригласить на предыдущие Проводы русской зимы, вылившиеся в заурядный концерт, полуторадвухчасовое представление, завершившееся сжиганием соломенного чучела. Помнится, когда горожане сами устраивали веселье, соломенную Масляну жгли на закате после целого дня гулянья.

Конечно, и это немало, но сегодня уже нужен другой праздник. Живая канва масленицы предполагает, в частности, запоминающийся свадебный обряд и целый ритуал укрепления родственных отношений между молодыми семьями и родителями. Откроется тогда новое поле деятельности для клуба молодоженов «Сударушка», сделавшего много добрых и нужных начинаний за год своей деятельности в старинном городе. Пока «Сударушка» преподает основы семейного благополучия, проводит вечера для пап и мам, где они учатся ухаживать за своим будущим первенцем. А будь в Суздале настоящий праздник — кто знает, может поедут сюда из других городов новобрачные...

Сегодня Суздаль признан не только как историческая ценность в масштабе страны, но и как своеобразная туристская Мекка, куда стремится попасть каждый: кто — желая развлечься — это потребители от экзотики, другие — чтобы понять «таинственную русскую душу», для третьих — важна архитектура мелких пропорций, изящных линий и причудливых узорных членений...

— Люди приезжают и снова возвращаются... — говорит заведующая отделом пропаганды райкома партии Е. А. Кукина. — Сейчас у нас немало реставрировано. Восстановление памятников идет активно, хотя многое еще впереди, и проблемы серьезные. Вот-вот будет закончена реставрация Покровского собора, большие работы идут в Спасо-Евфимиевом монастыре. На открытом воздухе собрали деревянные памятники зодчества: ветряки, амбары, дома — целая деревня. Вступил в действие туристский комплекс. Прекрасные номера в гостинице, не только современные по обстановке и удобствам, но, я бы сказала, с перспективой на будущее...

Читайте в следующем номере:

ВОИН СТРАНЫ СОВЕТОВ
К 60-летию Вооруженных Сил СССР

Н. БАЙБУЛАТОВ
БОЛЬШАЯ ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СИЛА
Об охране и пропаганде исторических памятников в Чечено-Ингушетии

Е. ЛОСОТО
ДОБРОТА ЛЮДСКАЯ

А. САГАДЕЕВ
СВОБОДОМЫСЛИЕ ВОСТОКА

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ
Что волнует наших корреспондентов. Из-за одного яблока. Возвращаясь к напечатанному. К чему приводит суеверие

К. ЯМ
ЧЕЛОВЕК ВСЕХ ВРЕМЕН
500 лет со дня рождения Томаса Мора

Карел ГРУЗА
ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

А. Н. Афанасьев.
Гравюра М. Маторина.

Чтобы взглянуть на мир светлыми очами...

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

„Это будет моя заслуга..."

— Ай потешить вас сказочкой? А сказочка чудесная: есть в ней дивы дивные, чуды чудные!..

— В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, на ровном месте, как на бороне...

— Жили-были...

Это все присказки, а сказки...

Сказки: выстроились на полке объемистые ученые фолианты, снабженные трудной нонпарелью напечатанными примечаниями, и пестрящие красочными иллюстрациями и золотым тиснением обложек подарочные однотомники, и массовые — стотысячным тиражом — издания на шероховатой бумаге, в аляповатых обложках, и тонкие малышовые книжечки с яркими картинками и крупным — едва не в ладонь величиной — шрифтом, обреченные на захватывание, зачитывание, на уничтожение, словно бы испепеление под жадными, горящими детскими глазами.

27 августа 1855 года чиновник московского архива министерства иностранных дел Александр Николаевич Афанасьев писал известному филологу И. И. Срезневскому: «На днях приступаю я к печатанию первого выпуска народных сказок»...

«Народные русские сказки» были изданы в восьми выпусках с 1855 по 1863 год. Когда появились первые выпуски, еще не увидели света ни песни, собранные Киреевским, ни пословицы Даля, ни его же «Толковый словарь», ни былины, присланные Рыбниковым из северного Олонецкого края, — афанасьевские сказки открыли в России издание подлинных творений народного слова. Но и сказки Афанасьева, и песни Киреевского, и былины Рыбникова, и пословицы Даля, и его же «Толковый словарь» появились на протяжении одного десятилетия.

В сборниках Афанасьева около шестисот сказок. Нигде в мире не было собрания сокровищ, подобного тому, какое открыл своему народу Александр Николаевич. И два старика ученых, похожие друг на друга, — оба с седыми вьющимися волосами до плеч и с внимательными светло-голубыми глазами, оба в одинаковых черных сюртуках и белоснежных сорочках с отложным воротником, повязанным черным галстуком, два старика ученых, снискавшие всемирную славу трудами в области истории и языка и равно изданием книги под названием «Детские и семейные сказки», — встретив в Берлине заезжего русского литератора, просят его по возвращении в Россию найти Афанасьева и передать ему поклон от братьев Гримм.

Афанасьев в отличие от Даля, например, или от Рыбникова, сам не записывал созданий народного творчества — он лишь издал их, но это был почин огромного исторического значения.

Выстроились на полке ученые фолианты, богато одетые подарочные красавцы, истрепанные детские книжицы. Но и ученый труд (где всякая сказка одарена обстоятельным комментарием, сообщающим о месте бытования оной, о всех возможных ее вариантах, о сестрах ее, созданных воображением других народов, подчас живущих за морем-за океаном, о происхождении ее героев), и пересказанные для лучшего детского уразумения, с малолетства заученные наизусть «Репка» и «Терем-теремок» какие-нибудь — все, что ни есть на книжной полке, имеет истоком чистый, обильный ключ афанасьевских сборников. Из них пошли странствовать по белу свету сказки, возвращаясь к народу в новом, неведомом ему прежде обилии, потекли по земле, уверенно и легко прокладывая себе все новые русла...

Афанасьев писал одному из друзей: «А уж воля твоя — сказки надо покончить: это будет моя заслуга в русской литературе».

И потомкам, новым поколениям, которые сами определяют, что для них главное в жизни ушедшего человека, «Народные русские сказки» оказались всего нужнее и всего дороже из того многого, что успел за недолгую жизнь Афанасьев. Для нас Афанасьев — «сказочник».

«Народные русские сказки» давно издаются под названием «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева». Потомки присвоили сбереженным сокровищам имя Афанасьева, как присваивают имена открывателей новым землям и законам науки: «Остров Врангеля», «Таблица Менделеева»...

Широко известная фотография Афанасьева (другие пока не обнаружены) сделана, видимо, в последние годы его жизни. Сильно поредевшие волосы обнажают высокий, великолепно вылепленный лоб. В бороде заметна седина.

Глаза у Афанасьева на фотографии задумчивые и грустные, хотя среди знакомых он слыл шутником («В семейном и дружеском кружке он был всегда весел, остроумен в своих шутках и неутомимо занимал общество, что делалось у него совершенно непринужденно и естественно»). Но сам он написал однажды: «На Руси надо быть слишком пошлым господином или слишком наивным юношей, чтобы было весело». Ученый, юрист и этнограф, Е. И. Якушкин, сын декабриста, знавший Афанасьева ближе, чем другие, объяснял: «личные невзгоды Афанасьев переносил очень спокойно», но «несомненно ему тяжело жилось вследствие общих условий тогдашней русской жизни», впрочем, прибавляет Якушкин, «в этом отношении Афанасьев испытал то же, что и другие лица одинаковых с ним убеждений».

Труд частного человека

Осенью 1848 года, когда русское правительство было встревожено революциями в Европе, министр народного просвещения Уваров приехал проверять Московский университет. Несколько наиболее способных студентов, и Афанасьев в их числе, должны были прочитать в присутствии министра лекции. Удачная лекция могла открыть для Афанасьева путь

Иллюстрации взяты из книги «Русский лубок XVII—XIX вв.». 1962 г.

Яга-Баба едет с крокодилом драться.

к профессорской кафедре. В своем дневнике Афанасьев рассказывает: «Я прочел коротенькую лекцию о влиянии государственного (самодержавного) начала на развитие уголовного права в XVI и XVII столетиях на Руси. Лекция эта вызвала несколько замечаний министра, с которыми, однако, я не догадался тотчас согласиться».

Афанасьев вообще был не из тех, кто «догадывался» соглашаться вопреки собственному мнению и чувству собственного достоинства. Еще гимназистом он дважды был приговорен к наказанию розгой, и оба раза не согласился с приговором гимназического начальства. Он готов был вон из гимназии, в солдаты, в ссылку, но чтобы добровольно и покорно лечь на истертую до блеска за годы службы скамью — никогда!..

Научные взгляды Афанасьева складывались под влиянием его молодых университетских учителей С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, но это не мешало ему не соглашаться с теми или иными их утверждениями. «Мы убеждены, что добросовестный спор лучше безусловных и никому не нужных похвал», — писал Афанасьев, разбирая первый том соловьевской «Истории России с древнейших времен».

«Недогадливость» Афанасьева, его нежелание в ответ на замечания министра поступиться собственными убеждениями закрыли ему путь к кафедре, да и самим содержанием лекции Афанасьев начальству, видимо, не угодил — она была объявлена чуть ли не крамольной.

Несостоявшийся профессор мыкается по частным урокам, пока через знакомых не получает место архивного чиновника.

И вот уже валкая подвода, груженная увязанными в пачки книгами и небольшим сундучком с домашним скарбом, громыхая по булыжнику, спускается крутым переулком от Покровских ворот к Ивановскому монастырю, близ которого в старинном доме разместился архив министерства иностранных дел.

После смерти Афанасьева один из современников, обозревая его деятельность, увидит в ней пример того, как «труд частного человека может опередить труд ученых обществ, имеющих для этого все средства».

Собственноручно составленный Афанасьевым список напечатанных его трудов содержит 134 названия: научные статьи, публикации, книги, журнальные рецензии, выпуски народных сказок. Рядом с трехтомным исследованием «Поэтические воззрения славян на природу» скромно притулился под одним общим номером беглый перечень библиографических заметок — и среди них «Заметки к изданию соч. Пушкина», содержащие многие прежде не опубликованные строки поэта, в том числе не пропускавшиеся цензурой. Широко известная книга о русских сатирических журналах XVIII столетия соседствует с «Указателем статей к «Отечественным запискам» Свиньина» — это справки о статьях, аннотации, указатели имен, мест, предметов, составленные с таким трудолюбием и такой тщательностью, которые, по словам Чернышевского, дают составителю «полное право на благодарность всех занимающихся русскою историею». Тематическое разнообразие трудов Афанасьева открывает широту его интересов и познаний: устное творчество народа и славянская мифология, русская история и история литературы, журналистика и этнография.

Дедушка домовой

В первых же статьях, написанных после окончания университета, Афанасьев старается разгадать содержание старинных преданий, поверий, обычаев, обрядов, обнаружить в них следы древнейших представлений и быта; эти уцелевшие следы помогают ему в свою очередь восстанавливать характер мироощущения и картину быта древнейших народов. В статьях «Религиозно-языческое значение избы славянина», «Дедушка домовой» он рассказывает о представлениях, верованиях, связанных у славян с их жилищем.

Слово «изба» произошло от древнего «истба», «истопка» — жилище получило название от священного действия («топить»). Очаг — главное место в избе. Огонь домашнего очага почитается божеством, охраняющим богатство семьи, ее спокойствие и счастье. Хозяин дома — одновременно и хранитель огня, «огнищанин». Обожествление очага делало избу первым маленьким языческим храмом (это сохранилось в языке: «хоромы» — «храм»). Огню приносили жертвы. Когда солнце поворачивало на лето, сыпали в пламя зерно или лили масло, чтобы выпросить богатый урожай. По виду и цвету пламени, по расположению горящих дров и головешек, по искрам, разлетающимся от удара кочергой, гадали о том, что ждет семью. Огонь побеждал холод и мрак и тем прогонял «нечистую силу». Родилось представление о целительных силах огня. Перед огнем лечили больных: окуривали их дымом, поили и умывали заговоренной водой с углем и золою. Той же водой обмывали притолоку и косяки дверей, чтобы не вошли в дом «болести».

Угол избы, где находился очаг (задний), и передний угол, наискосок от очага, пользовались особым почетом. В переднем углу сажали самых именитых гостей, молодых после венца, за трапезой здесь сидел хозяин дома. Но вообще славянин питал уважение ко всем углам своей избы. В углах сходились стены — границы тепла и света, излучаемых очагом. По углам дома совершались обряды. В новой избе окуривали углы медвежьей шерстью и произносили при этом заговоры.

Божество очага со временем обрело человеческий облик и превратилось в дедушку домового. Живет домовой за печкой, куда кладут для него маленькие хлебцы. Это невысокий, плотный старик в коротком зипуне или синем кафтане с алым поясом. У него седая борода, волосы косматы и застилают лицо. Иногда домовой представляется совсем мохнатым, даже подошвы и ладони покрыты шерстью: он ходит босиком по снегу, по ночам любит гладить спящих, которые

Домовой. Резное дерево, X в.

Чудо морское и чудо лесное.

чувствуют сквозь сон, как шерстит его рука. Голос у домового суровый и глухой, он часто бранится. Домовой сторожит избу, бережет скот, охраняет богатство семьи. Ночью он «балует» — заплетает косичками хвосты и гривы лошадям, а хозяину бороду: этим дедушка домовой выказывает свою любовь. У дедушки есть обычно любимая лошадь, он подсыпает ей лишнего корму, не считая за грех стащить немного овса у соседей. Хозяева примечают, какой шерсти животных предпочитает дедушка, и стараются держать лошадей, собак и кошек одной масти. Домовой сочувствует семейной радости и семейному горю. Протяжно воет у себя за печкой, если кто в доме умирает. Свой домовой постоянно воюет с чужим. Победу чужого семья сразу чувствует: чужой домовой начинает выживать ее из дому — ночью щиплет спящих, стаскивает хозяина с постели, хлопает дверьми, спутывает гривы лошадям.

Когда семья строит избу, очень важно, чтобы новое жилище понравилось дедушке домовому. Выбрав место для избы, хозяин и хозяйка тайно, ночью, приходят туда, отрубают голову петуху и зарывают в землю там, где быть переднему углу. (Может быть, отсюда и пошла «избушка на курьих ножках»?) Петух — птица очага, огня, любимая птица домового. На рассвете петух призывает криком солнце, он приветствует светило, прогоняет нечистую силу ночи. Недаром злые чары сильны лишь до той поры, пока трижды не прокричал петух: им не побороть пришедших вместе с солнцем тепла и света. Представление о петухе как о птице огня осталось в языке («Пустить красного петуха» или «Красный кочеток по нашестке бежит» — огонь).

В новую избу приносят кошку — любимого зверя дедушки домового. Говорят: «Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь на богатый двор!». Потом начинает переселяться семья. Старший выгребает из очага старого дома весь жар, до последнего уголька, в чистый горшок, покрывает его скатертью, отворяет дверь и обращается к заднему углу: «Милости просим, дедушка, на новое жилье!» В новой избе встречают того, кто несет жар очага, вздувают пламя, а горшок разбивают, чтобы не пользоваться им в обиходе, и зарывают черепки в переднем углу. (Может быть, отсюда: бить посуду — к счастью.)

Способ спрашивать

Статьи Афанасьева — серьезные, подкрепленные обильным фактическим материалом изыскания и при этом живые, исполненные творческого воображения рассказы - реконструкции. Знаменательно, что спор Афанасьева с его учителем Соловьевым касался, в частности, видения прошлого. Соловьев, по мнению Афанасьева, «провозглашает бесцветность там, где... не вгляделся в краски».

Кавелин писал: «Обряды, религиозные верования, предрассудки упорно хранят тайну своего значения и смысла. Чтобы заставить их говорить, нужны известные приемы, известная манера, способ спрашивать».

Способ спрашивать, который применял Афанасьев, вырастал из глубокой и светлой веры ученого в творческие способности народа. Афанасьев изучал, по существу, словотворчество и мифотворчество народа, их взаимосвязь. Ключ к разгадке привычных и вместе с тем таинственных представлений и образов он видел в языке — «живом слове человеческом».

Язык начинается с образования корней — основных звуков, которыми первобытный человек обозначал свои впечатления, размышлял Афанасьев. Первые и самые обильные впечатления приносила человеку природа, от которой зависела его жизнь и к которой были обращены его чувства и помыслы. Большинство первоначальных понятий относилось к явлениям природы. Но всякое явление, всякий предмет, обладая различными признаками, производил на человека разнообразное впечатление (в зависимости, например, от формы, цвета, функции, характера движения и пр.). Рождались синонимы, обрисовывающие предмет или явление с разных сторон. Разные предметы, обладавшие сходными признаками, в ряде случаев производили на человека одинаковое впечатление. Сближая такие предметы по общему признаку, человек давал им одно и то же название или названия, произведенные от одного и того же корня. Синоним, обозначавший какое-либо свойство одного предмета, служил для обозначения подобного свойства другого предмета, связывая их между собой. Образовывались метафорические выражения. Первобытные языки были исполнены метафор, объяснял Афанасьев. Всякий предмет рисовался не как отвлеченная мысль, а как живой образ. Обоготворяя природу, признавая в ней живое существо, человек свои верования выразил в поэтических описаниях, где большая часть представлений — чистые метафоры. Миф и поэзия были одно и то же.

Первобытный человек для Афанасьева — дитя и поэт. Дитя — он очеловечивал природу, она становилась для него понятной, только будучи похожей на него самого. Поэт — он видел картину за каждым произнесенным словом. Дитя и поэт, он придумал, что солнце восходит и заходит, что буря воет, что звезды смотрят с неба. Дитя и поэт, он легко представил себе солнце прекрасной женщиной, увидел чудовище-бурю, которое колотило в двери и окна его жилища, сравнивал звезды со своими глазами и назвал их «очами неба». Он сопоставлял предметы, явления: молния была для него мечом, топором, ножом, гроза с ее громовыми раскатами — кузницей и молотьбою, радуга — серпом,

Домовой. Резное дерево. XIII в.

Кот казанский.

луком, коромыслом, поясом.

Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч...

— пушкинский образ «стаей», «стадом» тянущихся по небу туч зрим и точен. Но люди древних племен видели прямое сходство между своими стадами и тучами, проплывающими над головой. Скот давал пищу, тучи, изливаясь на землю дождем, поднимали всходы, приносили изобилие. Родилось представление о стадах небесных коров, дождь обернулся благодатным молоком. Темные тучи оказались черными коровами, светлые облака или облака, пронизанные золотыми солнечными лучами, — коровами белыми или рыжими. Появилась примета — в ней и вовсе смешаны стада небесные и земные: если вечером впереди стада идет черная корова, то завтра день ненастный, если белая или рыжая, то солнечный.

С веками человек все более удалялся от «сочувственного созерцания природы», от свежести первоначальных впечатлений. Забывалось значение корней слов, становилась неощутимой связь представлений. «Исходный смысл древних речений становился все темнее и начинался неизбежный процесс мифических обольщений», — развивал свою мысль Афанасьев. Ф. И. Буслаев, который — при некоторых существенных различиях между ними — принадлежал к той же школе, что и Афанасьев (она называется мифологической), сравнивал слово с монетой, которая, переходя из рук в руки, теряет свой чеканный рельеф и сохраняется лишь как условный знак обозначенной на ней ценности. «Мифические представления отделялись от своих стихийных основ и прикидывались как нечто особое, независимо от них существующее. Смотря на громоносную тучу, народ уже не усматривал в ней Перуновой колесницы, хотя и продолжал рассказывать о воздушных поездках бога-громовника и верил, что у него действительно есть чудесная колесница». Метафора приобретала «значение действительного факта».

„Разоблачение" образа

Сказка для Афанасьева — памятник народного творчества, который он стремится в неприкосновенности сберечь для потомков. Сказка для него — прекрасное поэтическое произведение, которое, «как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды». Но сказки, к тому же, огромный материал для приложения теории, проверки идей и обобщения выводов. «Если разоблачить все метафорические образы, встречающиеся в народном эпосе, то все фантастическое, все загадочное в нем разъяснится само собою», — писал Афанасьев.

Как пример «разоблачения» метафорических образов народного эпоса Афанасьев разбирает, в частности, известную сказку о Марье Моревне.

...В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры. Однажды нашла на небо туча черная, встала гроза страшная. Грянул гром, раздвоился потолок и влетел в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу посватать...» Вскоре вторую сестру посватал орел, а третью ворон. Унесли птицы царевен в свои далекие царства.

Женихи, прилетающие вместе с грозой, темными тучами, вихрем, молнией, — это образы стихий, объясняет Афанасьев. В некоторых записях сказок женихов прямо зовут: Дождь, Гром, Ветер. Так же и красные девицы, которых сватают, выступают иногда под именем Солнца, Луны, Звезды. Образ небесных светил, скрывающихся от человеческого взора во время грозы, остался в сказке образом похищенных женихами-птицами красавиц.

...Заскучал Иван-царевич и собрался в дорогу — сестер навестить. Встретил по дороге Марью Моревну, полюбил ее и женился на ней.

Марья Моревна, говорит Афанасьев, — поэтический образ солнца. В отчестве ее «Моревна» — высказано представление о солнце как о дочери моря (героиня другой сказки Василиса Премудрая прямо названа дочерью Морского царя). Солнце встает из-за моря и опускается в него. На рассвете и закате солнце «купается в море» («купающиеся царевны» — частый образ сказок).

...Уезжала Марья Моревна из своего дворца, Ивану-царевичу наказывала: «Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не моги заглядывать!» Но Иван-царевич не вытерпел, заглянул в чулан, а там Кащей Бессмертный на двенадцати цепях прикован. Просит Кащей у Ивана-царевича: «Сжалься надо мной, дай мне напиться!» Пожалел его царевич, дал ему ведро воды. Кащей опять запросил. Царевич дал другое ведро, потом третье. Как выпил Кащей третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал. Сказал: «Спасибо, Иван-царевич! Никогда не видать тебе Марьи Моревны!» — и страшным вихрем вылетел в окно.

Кащей на цепях, размышляет Афанасьев, — это туча, окованная зимним холодом. Она снова набирает силу, когда вдоволь напьется воды, то есть весною. Тогда она срывается с места и уносит Марью Моревну — закрывает солнце.

...Трудной службой у Бабы-Яги, умом и смекалкой добыл себе Иван-царевич богатырского коня и увез Марью Моревну от Кащея. А когда стал их Кащей догонять, конь со всего размаха ударил его копытом и убил.

Иван-царевич на богатырском коне, заключает Афанасьев, это сам Перун, языческий бог грома и молнии: своим могучим ударом он разбивает тучи и выводит солнце из-за темных гор.

«Чудесное сказки, — писал Афанасьев, — есть чудесное могучих сил природы и... нисколько не выходит за пределы естественности, и если поражает нас невероятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь с древними преданиями и их живое понимание».

В «разоблачении» сказки о Марье Моревне сосредоточены, по существу, все основные толкования, предложенные Афанасьевым.

Славный, сильный и храбрый Бова-Королевич поражает Полкана-богатыря.

Еруслан Лазарввич.

Большинство сказочных героев по тем или иным своим признакам в конечном счете возводятся к богу грома и молнии (громовнику Перуку). Сюжеты, связанные со смертью и оживлением героя, с пробуждением от долгого сна, временным безобразием (Царевна-лягушка), возвращением молодости, толкуются как образы смены годовых времен (чаще всего: зима — весна). Соответственно и живая вода превращается под увлеченным пером Афанасьева в воскрешающие землю весенние дожди. Молния видится Афанасьеву во всяком оружии сказочного героя: она — и меч-кладенец, и дубинка-самобой, и толкач Бабы-Яги, и богатырская палица. Мальчик-с-пальчик, быстрый, ловкий, неожиданно возникающий, для Афанасьева — тоже олицетворение молнии: Мальчик-с-пальчик прячется в ухе, ноздре или гриве коня-тучи. Облака, тучи оживают в образах различных птиц и зверей, «возникающих из одного, общего для тех и других понятия о быстроте». Отсюда сказочный добрый конь, который «поднимается выше лесу стоячего, горы, и долы промеж ног пропускает, хвостом воды застилает». Бег коня разворачивается в картину грозы: «Конь бежит, земля дрожит, шум по целому свету, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, следом горячие головешки летят». Другая связь представлений рождает образ стада небесных коров. Наконец, тучи и облака могут явиться в образе «небесной ткани» — быстро несущегося ковра-самолета, шапки-невидимки («облака, надвигаясь на небо, затемняют светила, а туман, сгущаясь над землею, скрывает от глаз все предметы»), скатерти-самобранки («метафора весеннего облака, приносящего с собой небесный мед или вино, то есть дождь, и дарующего земле плодородие, а людям хлеб насущный»).

Толкования Афанасьева манят увлеченностью, неутомимой проницательностью, неожиданными находками. Однако они настораживают однообразием. Уже современники иронизировали над желанием Афанасьева увидеть в Илье Муромце все того же богагромовника, окованного зимней стужей (сиднем сидит), который должен напиться весенних дождей (пива), чтобы поднять меч (молнию). Превращение же работника Балды с его могучими щелчками в Перуна, вооруженного молниеносной палицей, воспринималось самопародией.

Чернышевский писал еще о первых работах Афанасьева: «...У него часто встречаются объяснения, с которыми нельзя не согласиться... Но желание открывать во всем следы древней мифологии вредит успеху его исследований».

Умеренность в восклицаниях

В воспоминаниях приятельницы Афанасьева говорится: «Афанасьев легко интересовался всякими движениями общества, но никогда не думал принять в них участие — его призвание было: работать пером». Образ «кабинетного затворника» до недавнего времени был прочно закреплен за Афанасьевым. Первый его биограф, профессор А. Е. Грузинский писал, что для Афанасьева при всей живости и страстности его натуры «широкие общественные связи» не были «необходимым элементом жизни».

Между тем уцелевшие письма Афанасьева и письма к нему, его дневник, в котором он, «записывая все ходячие слухи как образчик современного настроения общественного мнения», хотел «представить характеристические черты общества», его воспоминания и статьи, опубликованные и ждущие опубликования, вся его деятельность ученого и издателя, образ его жизни, заслуживающий более пристального ознакомления, разрушают представления о «тихом архивисте», убедительно доказывают, что он испытывал неодолимую потребность находиться в самом центре общественной жизни своего времени, был отлично осведомлен о всех важнейших событиях — и не из окна кабинета наблюдал их. Мы встречаем его и на собрании по случаю предстоящей крестьянской реформы, и на обеде в честь освобождения декабристов, на заседаниях ученых обществ, в литературных кружках, на театральных премьерах и открытии выставок, он посещает уличные народные гулянья и ездит в деревню, интересуясь настроением крестьян. Его записи открывают в нем человека, решительно настроенного против «помещичьей знати», «этих объедал, обпивал, картежных плутов и коптителей неба» с их «своекорыстными требованиями», и равно против «крикунов-либералов», с теми «обольстительными надеждами, какие возлагаются ими на «доброе» правительство».

Оценивая правительственные реформы, Афанасьев пишет: «Я далек от тех слишком наивных увлечений, которые завладели многими из наших знакомых, не умеренных в своих восклицаниях». Афанасьев вообще предпочитает умеренность в восклицаниях. Он полагает, что это поможет ему лучше дело делать. Сопоставляя суждения знакомых об Афанасьеве с тем, что известно сегодня о его деятельности, можно утверждать, что за исключением узкого круга сотрудников и единомышленников, знакомые и приятели знали о нашем «сказочнике» не слишком много.

«Добрая душа», «голубиная душа», «голубиная кротость» — как все это безлико! Но у Е. И. Якушкина читаем: «Афанасьев был человек с очень определенными и твердыми нравственными понятиями, не допускавшими никаких компромиссов. Человек прямой, он высказывал свои мнения, ничем не стесняясь и нередко с большой резкостью... Меня привлекала к нему его нравственная чистота и та прямота в характере, которая и тогда (как и теперь) встречалась очень редко».

Знакомые, едва не все трубят: «Александр Николаевич был весь нараспашку». Но ларчик не просто открывался.

В дневнике Афанасьева

весьма важный период его жизни обозначен несколькими строками: «1860 год. С июля до октября был за границей в Берлине, Дрездене, на Рейне, в Брюсселе, Лондоне, Париже, Страсбурге, Швейцарии и Италии (в Неаполе видел Гарибальди и праздник в в честь его), в Вене и через Варшаву возвратился в Москву». За этим перечислением городов стоит многое, о чем еще предстоит (и, возможно, никогда не удастся) узнать. Но Лондон не случаен в маршруте: вскоре после возвращения Афанасьева из-за границы в изданиях Вольной русской типографии появляются материалы, которые прежде хранились в его тетрадях, а также некоторые любопытные документы из московского архива министерства иностранных дел. Профессор А. Е. Грузинский, беседовавший в свое время с близкими Афанасьева, отметил в своих бумагах: «Тайком пробрался он в Лондон и виделся с Герценом».

„Работа пером" и „движения общества"

В 1858 году в Москве начал выходить журнал «Библиографические записки». Испрашивая разрешение издавать журнал, Афанасьев бесстрастно уведомлял: «Библиографические записки» собираются знакомить читателей «с живым содержанием редких, малодоступных и тем не менее любопытных изданий». Тут, пожалуй, все дело в этом «тем не менее». Материалы, с которыми знакомили своих читателей «Библиографические записки», были часто потому и привлекательны, что власти долго препятствовали доступности их «живого содержания». Чтобы обойти цензурные препоны, редакцией (а по большей части самим Афанасьевым) была разработана система намеков, зашифровок, отсылок, псевдонимов.

«Библиографические записки» требуют пристального чтения: нужно расшифровывать (а русский читатель был к «эзопову языку» привычен) «невинные» фразы, «ничего не значащие» слова, сноски, объявления. Тому, кто умел это делать, было ясно, что заголовок «Из непечатной литературы 20-х годов» означал декабристскую литературу, а подпись «К. Р. 1826. А. Р.» указывала на авторство Кондратия Рылеева и свидетельствовала, что стихотворение написано незадолго до казни поэта (1826) в Алексеевском равелине («А. Р.»). Имя, скрытое за буквой «К», читатель мог установить по сноске — «Автор драматической шутки «Шекспировы духи», напечатанной в СПб., в 1825 году» (т. е. Кюхельбекер).

В «Библиографических записках» напечатаны не публиковавшиеся прежде произведения и письма Лермонтова, Грибоедова, Полежаева, декабристов, материалы о Новикове, Радищеве, Фонвизине. Журнал открыл читателям многие прежде неизвестные стихотворения Пушкина, его «Заметки по русской истории XVIII века», страницы «Путешествия из Москвы в Петербург», отрывки из «Путешествия в Арзрум» и «Истории Пугачевского бунта», письма Пушкина к брату, к Гоголю, Жуковскому, лицейскому приятелю Яковлеву, к шефу жандармов Бенкендорфу.

Несмотря на все ухищрения редактора, каждый номер с трудом проходил цензуру, навлекая на себя неудовольствие властей и нападки реакционной печати. В конце концов редакции пришлось приостановить издание журнала до «более благоприятных условий».

Знаменательна прочная и закономерная связь, которая прослеживается между «Библиографическими записками» и герценовскими изданиями. Много общих тем, много материалов, явно «сцепленных» между собой; стихи, проза, письма, документы, помещенные в афанасьевском журнале лишь в отрывках, в изданиях Герцена печатались полностью. При сопоставлении порой складывается впечатление, что легкое касание струны в Москве отзывается в «Полярной звезде» и сборниках Вольной русской типографии мощным аккордом.

Афанасьев был из числа тех российских деятелей, которые помогали Герцену развернуть революционную агитацию. Кабинетная «работа пером» подчас не исключает участия в «движениях общества».

Узкие врата

... Раз в осеннюю пору увязил мужик воз на плохой дороге. Идет мимо Касьян-угодник. Мужик не узнал его и просит: «Помоги, родимый, воз вытащить!» «Поди ты, — говорит Касьян-угодник, — есть мне когда с вами валандаться!» Немного погодя идет тут же Никола-угодник. «Батюшка, — просит мужик, — помоги воз вытащить!» Никола-угодник и помог ему. Вот приходят Касьян и Никола к богу в рай. Бог их и спрашивает, где были, что делали. «Был я на земле, — отвечает Касьян-угодник, — просил меня мужик воз вытащить, да я не стал марать райского платья». «Ну, а ты где так измазался?» — спрашивает бог у Николы-угодника. «А я шел по той же дороге, да помог мужику воз вытащить». «Слушай, Касьян, — сказал тогда бог. — Не помог ты мужику, за то будут тебе через три года служить молебны. А тебе, Никола, за то, что помог мужику, будут служить два раза в год». С тех пор Касьяну только в високосном году — 29 февраля — молебны служат. А Николе всякий год два раза.

16 марта 1860 года московский митрополит Филарет спрашивал Алексия, епископа тверского: «Дошла ли до вас кощунственная книга: народные русские легенды?» — и сообщал, что высказал свое возмущение по случаю издания книги обер-прокурору святейшего синода.

Несколькими месяцами раньше, приступая к изданию сборника народных легенд, Афанасьев опасался, что «Касьян с Николою не пройдут в узкие райские врата православной цензуры».

По мере развития христианства, объяснял Афанасьев в предисловии к книге, народ стал черпать из священного писания темы для своих повествований. События и лица из библейской истории подчинялись произволу народной фантазии.

Афанасьеву удалось пропустить книгу легенд лишь через светскую цензуру. 19 апреля 1860 года обер-прокурор синода А. П. Толстой писал министру народного просвещения: «По поводу изданной в Москве... книги г. Афанасьева под заглавием «Народные русские легенды» высокопреосвященный митрополит Филарет обратился ко мне с письмом, в котором изъяснил, что в книге сей часто говорится о Христе и святых и потому светская цензура должна была бы посоветоваться с духовною, но сего не сделала; что к имени Христа Спасителя и святых в сей книге прибавлены сказки, оскорбляющие благочестивое чувство, нравственность и приличие, и что необходимо изыскать средство к охранению религии и нравственности от печатного кощунства и поругания».

Христос в худой нищенской одежде ходит по земле, богатый мужик гонит его со двора, бедняк делится с ним последним куском. Святые помогают мужику вытащить воз из грязи, молотят хлеб, варят пиво, а случается, бродят с сумой по миру. Поп, разоривший приход, в поисках богатства разбойничает на большой дороге и грабит святого Николу.

Митрополит петербург-

ский и новгородский Григорий поместил в «Духовной беседе» разбор афнасьевских «Народных русских легенд». «Люди, способные собирать, пропускать в печать и печатать заключающиеся в упомянутой книжонке рассказы, могут быть только потерявшие страх божий и удобно могущие быть готовыми на всякое зло», — многозначительно утверждал митрополит Григорий. Но статью в «Духовной беседе» он напечатал анонимно. В письме к обер-прокурору синода он объяснял, что боится, как бы предпринятый им разбор «сей кощунственной книжонки» не попал на зуб «к ожесточенному врагу всего у нас доброго» — к Герцену, как это незадолго до того с митрополитом Григорием уже случилось (заметка Герцена «Архипастырское рвение о мраке» в «Колоколе» от 15 июня 1858 г.). Поднимая голос в защиту веры, митрополит прячет лицо, боясь мирской насмешки Герцена.

Царское слово

В жандармских донесениях за 1862 год говорится, что «агент лондонских пропагандистов Кельсиев действительно приезжал в марте сего года в Россию по паспорту турецкого подданного Яни», в перечне лиц, с которыми Кельсиев был в сношениях, значится «служащий в архиве министерства иностранных дел надворный советник Афанасьев».

Обыск у Афанасьева был произведен в конце ноября. При обыске в квартире его была обнаружена копия с секретного доклада о раскольниках. Если бы правительство уже знало в то время, что Кельсиев видит возможность создания из числа раскольников революционной организации, находка в квартире Афанасьева оказалась бы сильной уликой. Но и без того она укрепила подозрения.

В начале декабря Афанасьева допрашивала в Петербурге особая следственная комиссия. Так как он «на допросе не сознался и на очной ставке не был уличен», ему было разрешено «возвратиться на постоянное место его жительства». Но тотчас после петербургского допроса Афанасьев «по хорошо известной причине», как пишут его друзья, «должен был оставить службу». «Несчастный эпизод» (опять-таки принятое между его друзьями выражение) резко повернул судьбу Афанасьева.

На первый взгляд, не очень понятно: ведь «не уличен», «освобожден»... Но в особом докладе царю председатель следственной комиссии предложил обратить на Афанасьева особое внимание. На полях доклада царь собственноручно пометил карандашом: «Необходимо». С этой минуты никого уже не интересовали ни ответы Афанасьева в ходе следствия, ни улики, ни приговор — судьбу его решало это «необходимо». С 1863 года чиновник Афанасьев в списках министерства иностранных дел не числится. И «постоянное место жительства» оказалось временным — Афанасьеву приказано съехать с казенной квартиры. Он ищет службу около трех лет, за него хлопочут в Москве, в Туле, в Нижнем Новгороде, присылают ему обнадеживающие письма — губернатор согласен и, кажется, есть рука в министерстве, — но всякое старание ему помочь, как на глухую стену, натыкалось на царское «необходимо»...

Самая большая утрата — библиотека, собранная с великими трудами и жертвами, содержащая десятки книг и рукописей, запрещенных царской цензурой или вовсе ее не проходивших: библиотеку пришлось продать по частям ради хлеба насущного.

«После тщетных попыток поступить вновь на службу, сколько-нибудь сродную его способностям и наклонностям», первый издатель русских сказок, известный ученый и литератор Афанасьев (по свидетельству его родственника) «в 1865 году принужден был принять должность городового секретаря при Московской Думе, а в 1867 году заиял должность секретаря мирового съезда г. Москвы 2-го округа. Оставаясь на этой службе, он... исправлял еще должность секретаря при Московском ссудно-коммерческом банке».

Афанасьев огорчается, что служба не оставляет времени для дела, журналы и газеты приглашают его сотрудничать — он по большей части отказывается: упрямо спешит завершить основные свои труды.

Его подгоняет также болезнь, приобретенная от невзгод и огорчений, от сырого и холодного помещения канцелярии мирового съезда, где он работает, от холодной квартиры, где он принужден жить. В разговорах с друзьями и письмах к ним Афанасьев небрежно именует чахотку «легочным расстройством».

Ради добра и правды

За девять лет, прожитых после «несчастного эпизода», Афанасьев успел написать и издать ряд серьезнейших ученых трудов и среди них трехтомное итоговое исследование «Поэтические воззрения славян на природу». В нем Афанасьев развил и обобщил положения, высказанные им прежде в статьях, заметках, примечаниях к народным сказкам. Для доказательства и подкрепления своих теоретических положений он привел фантастически богатый материал. Известный советский ученый М. К. Азадовский указывал, что Афанасьев «подверг пересмотру весь состав русского фольклора».

Огромный материал рассмотрен Афанасьевым с позиций мифологической школы, в этом отношении труд его, конечно, устарел, но фактический материал настолько необъятен и увлекателен, так тщательно систематизирован и подобран, что и поныне остается «точкой приложения сил» для новых поколений исследователей. Современные ученые ставят «Поэтические воззрения славян на природу» в один ряд с такими широкоизвестными трудами, как «Первобытная культура» Тэйлора и «Золотая ветвь» Фрэзера.

Уже многие из современников поняли не только научное, но и общественное значение труда Афанасьева. Один из них видел заслугу автора в том, что он «в корне подрывает обольщение и силу» суеверий, опутывающих народную жизнь. Другой (в рецензии, помещенной «Отечественными записками») напоминал, что предрассудки и суеверия, которые науке приходится разрушать в области человеческих дел, понятий и верований, «так живучи и так срослись с современным общественным строем, что падение их стоит больших жертв и усилий со стороны людей, обрекших себя на служение истине». Сам Афанасьев закончил свой труд словами: «После представленных нами исследований мы вправе сказать, что духовная сторона человека, мир его убеждений и верований в глубокой древности не были вполне свободным делом, а неизбежно подчинялись материальным условиям, лежавшим столько же в природе окружающих его предметов, сколько и в звуках родного языка... Часто из одного метафорического выражения, как из зерна, возникает целый ряд примет, верований и образов, опутывающих жизнь человеческую тяжелыми цепями, и много-много нужно было усилий, смелости, энергии, чтобы разорвать эту невидимую сеть предрассудков и взглянуть на божий мир светлыми очами».

Премия, присужденная Академией наук автору «Поэтических воззрений славян на природу», едва нашла Афанасьева в его убогом жилище — «на Грачевке, в доме Угримова, во дворе во флигеле». Пренебрегая многими материальными нуждами, Афанасьев потратил премию на издание двухтомного иллюстрированного собрания «Русские детские сказки», увидевшего свет осенью 1870 года.

«Русские детские сказки» — последний труд Афанасьева. Он подарил детям сказки про Теремок, про Лису и Журавля, про Пузыря, Соломинку и Лапоть, про шустрого Колобка, который катится по дорожке и поет свою веселую песенку.

Зная бедственное положение Афанасьева, богатый петербургский издатель предложил ему сделку, намереваясь купить у него и сами сказки, и право их публикации. Афанасьев отказался: он считал издание сказок **своим** делом и **своим** долгом. Он хотел, чтобы все дети узнали и полюбили народную сказку, пленились ее «младенческой наивностью, теплою любовью к природе и обаятельною силою чудесного», поверили, как искони верит народ, что счастье не в богатстве и власти, а в «глубоком чувстве любви ко всем страждущим и сострадании к чужому горю», что на земле побеждают справедливость, добро и правда.

Александр Николаевич Афанасьев умер 23 сентября 1871 года сорока пяти лет от роду.

■

Ж. О. Ламетри.

В. БОГУСЛАВСКИЙ,
доктор философских наук

Дух безбожных сочинений

НАСТОЯЩЕГО живого атеиста, заметил английский философ Д. Юм, будучи в гостях у французского мыслителя-материалиста П. Гольбаха, мне не удавалось встретить никогда; по-видимому, таких людей нет. На это Гольбах ответил: из 18 человек, сидящих за этим столом, 15 — атеисты.

Этот эпизод, случившийся через полтора десятилетия после смерти Ж. О. Ламетри (в 1751 г.), — одна из иллюстраций широкого распространения атеистических и материалистических идей в то время. Об этом же говорит и другой красноречивый факт: с 1745 по 1775 год разошлось 10 изданий философских трудов Ламетри.

Эти перемены в жизни французского общества обычно и с полным основанием связывают с деятельностью Дидро, Гельвеция, Гольбаха и идейно близких им авторов. Однако следует учесть, что, кроме «Письма о слепых» Дидро, опубликованного в 1749 году, все те произведения знаменитых французских философов-просветителей, в которых отстаивались идеи атеизма, увидели свет после 1751 года — года смерти Ламетри. Его «Естественная история души», появившаяся в 1745 году, произвела впечатление разорвавшейся бомбы: это было **первое** печатное произведение, которое открыто защищало и научно обосновывало материалистические, безбожные идеи. Какие? Автор утверждал, что физические, химические, биологические, психические явления есть свойства, состояния, порождения различных форм одной субстанции — материи, содержащей в себе источник движения; что следствием самодвижения материи является усложнение ее организации — превращение материи, лишенной самоуправления (минералов), в самоуправляющуюся, но лишенную ощущений (растения), затем превращение последней в ощущающую материю (в животных) и, наконец, превращение материи, лишенной мысли, в мыслящую материю.

Опираясь на систему научных доказательств, данных естествознания, книга утверждала бесплодность веры в творца, создателя Вселенной из ничего, веры в бессмертную душу, а также нелепость философского учения о нематериальной «мыслящей субстанции» и о врожденных идеях. Это был полный разрыв не только с идеалистическими системами XVII века и с ортодоксально христианскими воззрениями, но и с деизмом, которого в 1745 году придерживался даже Дидро, не говоря уж о Фонтенеле и Вольтере, остававшихся деистами до конца своих дней.

Идеи и дух безбожного сочинения привели его на Гревскую площадь в Париже; здесь 13 июля 1746 года «Естественную историю души» ждал костер. На суде обвинитель отметил умысел автора «уничтожить истинные представления о природе и свойствах человеческого духа... сводя его природу и свойства к материи и подрывая основы всякой религии».

Такой была судьба первого философского труда Ламетри. Книга сгорела, но ее принципы получили дальнейшую мировоззренческую разработку. Ламетри трудится, расширяя и остро формулируя все важнейшие общефилософские, гносеологические, этические и социально-политические идеи, с проповедью которых позже выступили Дидро, Гольбах, Гельвеций и их друзья. Эти идеи определили содержание французского материализма XVIII века. Путь им проложил Ламетри. Печать его идей лежит и на деятельности многих французских просветителей, особенно естествоиспытателей, таких известных ученых, как Бюффон, Бонне, Ламарк. Ламетри сумел впервые обнаружить ряд положений естествознания, открытых учеными значительно позднее.

Маркс еще в 1845 году отметил выдающуюся роль этого мыслителя в становлении и развитии философской школы французского материализма XVIII века, указав, что «Ламетри является ее центром»[1]. Иначе отнеслись к нему буржуазные историки философии. Если при жизни преследовали самого Ламетри, раннюю гибель которого мракобесы встретили громким ликованием, то после смерти стали чернить его память. Ему, самоотверженно отстаивавшему материалистические убеждения, приписывали всевозможные пороки, отрицали не только какую бы то ни было роль ученого в истории философии, но даже право называться философом.

Прошло почти четверть века после оценки Ламетри Марксом, пока буржуазная наука в лице историков Ж. Ассеза (1865 г.) и Ф. А. Ланге (1866 г.) признала факты, опровергающие клевету о философе. Однако и после этого, вплоть до наших дней, подавляющее большинство буржуазных историков философии продолжают третировать мыслителя.

Естественно, что такое отношение к мыслителю сказалось и на издании его трудов. Из 13 философских работ Ламетри в XIX и XX веках в западных странах издавалась лишь небольшая его работа «Человек—машина», дающая весьма ограниченное и одностороннее представление о месте Ламетри в истории философии. Важнейшие же его философские произведения — «Естественная история души», «Предварительное рассуждение», «Человек — растение», «Система Эпикура», «Рассуждение о счастье», «Краткое изложение философских систем» — с XVIII века и по сей день ни во Франции, ни в других буржуазных странах не издавались ни разу[2]. СССР — единственная страна, где был опубликован полный текст названных важнейших философских работ Ламетри. Они были изданы в 1925 году, а в прошлом году увидело свет подготовленное Институтом философии АН СССР совместно с издательством «Мысль» новое издание трудов этого мыслителя; оно содержит, наряду с работами, уже известными нашим читателям, три произведения, с XVIII века нигде не издававшихся.

Что же представляют собой труды Ламетри?

Герцен писал о борцах за научную истину, что когда они не могли высказать ее прямо, то прикрывали тонким флером, который для зоркого, для желающего ничего не скрывал, но скрывал от врага. «Любовь догадливее и проницательнее ненависти, — продолжал он, — иногда они это делали, чтобы не испугать робкие души современников; иногда, чтобы не тотчас попасть на костер. Надобно было хитрить»[3].

Хитрить, прибегать к мистификациям приходилось часто и Ламетри, свободе и жизни которого не раз угрожала

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 140.
[2] Небольшие выдержки из «Естественной истории души» даны в приложении к английскому изданию «Человека — машины» (1942 г.), а во Франции в 1954 г. вышла брошюра с отрывками из шести работ философа, содержащими примерно одну двадцатую часть их текста.
[3] А. И. Герцен. Избр. филос. произв., т. 1. М., 1948, стр. 226—227.

опасность из-за идей, содержавшихся в его книгах. К числу таких мистификаций принадлежат две из только что опубликованных работ — «Животные больше, чем машины» и «Послание уму моему».

Среди множества книг, специально посвященных опровержению «Человека — машины», одной из самых объемистых был опус бреславльского врача Б. Л. Траллеса, вышедший в 1749 году. Противник Ламетри писал: «Хотя мозг и нервы суть скрепки, посредством коих тело и душа в этом мире связаны и объединены, однако несомненно люди, особенно ученые, часто мыслят и глубоко мыслят... без содействия мозга». Траллес доказывал, что мыслит не телесный орган — мозг (как утверждал Ламетри, показывавший сходство органов чувств, нервов, мозга и психики у животных и у людей), а бесплотная бессмертная душа.

Вот некоторые аргументы Траллеса: «Сближать людей с животными нельзя, так как последние лишены бессмертной души: тело человека непрестанно изменяется, душа же неизменна и в течение его жизни и после смерти; она, следовательно, нематериальна и бессмертна». Люди, верящие в существование бесплотной души, утверждал он, и лучше, и полезнее тех, кто в это не верит.

Ответом на книгу Траллеса явилась книга Ламетри «Животные — больше, чем машины» (она вышла в 1750 г. без указания автора, но уже через год Ламетри включил ее в свои «Философские сочинения»). Главное оружие философа — ирония, он любит прием, с помощью которого непрестанно бранит материализм, афиширует «свою» веру в то, что носитель сознания не мозг, а дух, но тут же приводит доказательные научные данные, опровергающие прежние рассуждения. Описав анатомические и физиологические факты, объясняющие механизм зрения, он обращается к читателю: «Вы, без сомнения, вместе со всеми физиками и метафизиками думаете, что душа не могла бы видеть без передачи изображения, получающегося на сетчатке, или по крайней мере без некоторого впечатления от этого изображения, производящего ощущение в мозгу. Вы ошибаетесь».

«Великий теоретик Траллес, — продолжает он, — изменил положение, и теперь, «чтобы душа видела, вовсе не обязательно, чтобы изображение дошло до мозга»[4]. Картины природы, оказавшись на сетчатке глаза, там и остаются — система Траллеса не разрешает им передаваться в мозг. Она не разрешает передаваться в мозг также слуховым и обонятельным впечатлениям. По Траллесу, «душа, которая слышит без ушей, в то время как тело не слышит и с двумя ушами, не нуждается в носе». Если верить Траллесу, «мозг напрасно ждет получения новой модификации... с помощью тех органов, которые ее ему передают, — до него не доходит ни малейшего обрывка изображения... В глазу — день, а в голове — ночь. Однако душа видит. О, чудо! О, тайна!» (стр. 435).

Приводя убедительные доказательства того, что все явления сознания возникают в мозгу, куда по нервным путям передаются внешние воздействия на органы чувств, философ, согласно своему излюбленному приему, «указывает» на то, сколь опасен такой взгляд. Ведь любую доктрину, рассматривающую мозг как экран, где ничего не может отразиться, если органы чувств не испытывают воздействия извне и если нервы это воздействие не передадут мозгу, — надо отвергнуть, «как все, что ведет к материализму». Разве философ-христианин может допустить доктрину, рассматривающую сознание как отражение окружающего мира в мозгу? «Разве не взывает о мщении столь дерзкое возрождение системы Эпикура в дни, которые, подобно нашим дням, озарены светом религии?» (стр. 434).

Во многих местах книги в лояльный или двусмысленный текст врываются высказывания, показывающие подлинную позицию философа. «Не лучше ли наконец воздать должное истине, чем, упорствуя, подобно глупцу, восставать против нее? Да, изменение, которое воздействие внешних тел вызывает в нервах органов чувств, доходит по этим трубкам до мозга, подвергающегося, вследствие полученного им нового движения, новой модификации и благодаря ей получающего новый способ чувствовать, который мы назвали **ощущением»** (стр. 437).

Излагая доводы, опровергающие идеалистическое решение психофизической проблемы, философ предлагает выслушать материалистов: «Зачем же прибегать к помощи существа, которое, по-видимому, создано разумом, для объяснения того, что необъяснимо вне материализма?» (стр. 449).

В 1748 году в «Геттингенской газете, посвященной научным вопросам», появилась статья «Письмо анонима, предназначенное для критики или опровержения книги, озаглавленной «Человек — машина». Статья, якобы представлявшая собой перевод с французского (автором ее был геттингенский профессор С. Х. Гольманн), высокомерно поучала Ламетри как «жалкую, запутавшуюся личность», которой отказано не только в божественной благодати, но и в понимании азов логики и философии. Ламетри, не зная автора, в 1749 году издал ответ на нее — «Послание уму моему, или Осмеянный аноним». В XVIII веке «Послание», включенное в собрание сочинений Ламетри, много раз переиздавалось.

Как и предыдущая книга, эта небольшая работа исполнена иронии и мистификации. Не жалея бранных слов в свой адрес, Ламетри тут же высмеивает претензии псевдоученого противника. Обращаясь к «уму своему», он восклицает: «Знаете ли Вы, как мало нужно, чтобы привести Вас в замешательство? Парочку начальных и самых простых правил логики... первого попавшегося педанта из какого-нибудь университета при условии, правда, что я добавил бы ему в помощь следующие вопросы: **«Четкое и ясное определение того, что такое качество, что такое количество и что подразумевается под субстанцией»** (выделенное — цитата из статьи Гольманна. — В. Б.). Не знаю, кажутся ли Вам эти разглагольствования более понятными, чем предыдущие; я в них не вижу ничего, кроме галиматьи и бессмыслицы. Я знаю одно: подобное пустословие способно сделать Вас столь же ортодоксальным, как глупец или Аноним» (стр. 382).

К иному жанру принадлежит третья, впервые с XVIII века напечатанная работа, — «Опыт о свободе высказывания мнений», анонимно опубликованная в 1748 году (хотя помечена 1749 годом). В одной из рецензий на «Опыт», помещенной в «Геттингенской газете» 20 марта 1749 года, говорилось: «Все рассуждение показывает, что автор этого сочинения вольнодумец, и мы не ошибемся, пожалуй, если сочтем, что этот автор и пресловутый сочинитель «Человека — машины» — одно и то же лицо». Но для большинства современников вопрос о том, кто автор «Опыта», остался невыясненным. И до сих пор на этот счет существуют различные мнения. Однако аргументы против авторства Ламетри недостаточно убедительны. В пользу же его свидетельствует прежде всего содержание «Опыта».

О преследованиях, которым богословы подвергали авторов антирелигиозных сочинений, Ламетри писал в «Анти-Сенеке»: «Теологи в качестве судей философов — что за жалкое зрелище! Оно знаменует возврат торжества предрассудков и варварства. Напротив, обуздать этих высокомерных животных, дать им возможно меньше власти (они в достаточной степени захватывают ее) — вот средство, содействующее прогрессу науки и процветанию государств» (стр. 320).

«Ничто не должно сковывать свободу мысли философии», говорится в «Предварительном рассуждении», надо предоставить «ученым распространять полными пригоршнями свои знания» (стр. 494). Если удалось показать несостоятельность всех доказательств существования бога, «я доказал новую истину... и, что важнее, я увеличил просвещение в обществе и распространил в нем свет знания» (стр. 491). Если даже я заблуждаюсь, то, «заставляя думать своих читателей и обостряя их проницательность, тем самым расширяю границы их ума» (там же).

В работах, принадлежность которых Ламетри никем не оспаривается, требование предоставить противникам религиозных предрассудков возможность защищать свои взгляды сопровождается обычно иронией: «К чему проявлять такое рвение и поспешность в замалчивании аргументов, противоречащих идеям божества и религии? Ведь это может вселить в сознание народа мысль, что его **обманывают!** А стоит ему начать сомневаться, прощай, доверие, а следовательно, и религия!» (стр. 185).

В работах Ламетри «философ» — синоним материалиста, антирелигиозного мыслителя и ученого. Он пишет, что там, где короли действуют под влиянием святош, сломить волю философов в их борьбе за научную истину против предрассудков не удается: «Пусть и крики богословской ненависти и могущественное коварство разжигающих ее предрассудков не помешают нам выполнить нашу обязанность и не уничтожат господствующего стремления к мудрости, характеризующего философа» (стр. 494).

Клеймя таких королей как «тиранов возвышенного разума», автор «Рассуждения» разъясняет им, что книги, предаваемые огню по требованию фанатиков-клерикалов, возрож-

---

[4] Ж. О. Ламетри. Соч. М., 1976, стр. 425—426 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

даются из пепла. «Оружием фанатизма можно уничтожить тех, кто отстаивает эти истины, но ему никогда не уничтожить самые эти истины» (стр. 221).

Все эти идеи, их утверждение, всестороннее обоснование составляют основное содержание «Опыта». Главное внимание в этом сочинении, написанном (как и все работы Ламетри) с позиций просвещенного абсолютизма, уделяется доказательству того, что король обязан предоставить атеистам неограниченную возможность отстаивать свои взгляды, что церковники, запрещая публикацию антирелигиозных доказательств, наносят огромный вред обществу.

Как быть с разногласиями между последователями различных вероучений? — ставится вопрос в начале этой работы. Исходя из того, что каждый должен следовать своим убеждениям, автор «Опыта» доказывает, что люди разных вероисповеданий, например мусульмане или христиане, имеют равное право отстаивать свои убеждения. Тот, кто запрещает последователям другой религии защищать их взгляды, — фанатик и нарушитель веры, которую он сам проповедует.

Уже здесь отход от ортодоксальной точки зрения очевиден. Но автор «Опыта» идет дальше. Он переходит к доказательству того, что верующий независимо от его вероисповедания, если он станет последовательно держаться своей точки зрения, должен признать за людьми, не разделяющими веры в бога, право отстаивать свое мнеине. «Опыт» ставит вопрос: вправе ли верующие запрещать атеистам высказывать их мнения (или ограничить их высказывания)? Я, говорит автор, признаю существование бога, атеист — нет. «Кто прав: он или я? Мы оба претендуем на правоту, но поскольку насильно убедить никого нельзя, то до тех пор, пока существование высшего существа может быть поставлено под сомнение, мы не можем претендовать на какое-либо превосходство; совершенно очевидно также, что мы не имеем никакого права требовать, чтобы атеист молчал, а мы продолжали рассуждать. Кроме того, вовсе не доказано, что он ошибается больше, чем я» (стр. 333). «И разве многие благомыслящие метафизики не признают, что существование бога — лишь очень большая вероятность?» (стр. 334).

Ламетри выступает против того, что атеистам, вольнодумцам и людям подобного рода не разрешается взяться за перо. Не выслушав их доводов, вы не можете быть уверены в том, что они заблуждаются. Перед вами двое убежденных в своей правоте людей. Но один из них выслушивает доводы противника; последний же отказывается выслушать доводы первого. Ясно, что доверия скорее заслуживает тот, кто учел не только свои доводы, но и аргументы противника.

Церковники чернят атеистов, не давая людям выслушать их доводы. Ламетри идет на то, что в «Опыте» целиком воспроизводит, рассуждение, содержащееся в работе «Человек—машина». Он доказывает, что запрещение устной и печатной защиты антирелигиозных мыслей свидетельствует о том, что ревнители веры ничего не могут этим мыслям противопоставить и потому испытывают перед ними страх и обманывают народ, скрывая ошибочность своего вероучения.

«Естественная история души» и другие работы Ламетри вызвали множество книг и статей, специально посвященных опровержению его идей, наполненных ожесточенными нападками на самого философа, а также призывами расправиться с нечестивцем. Имя философа многократно упоминалось лишь затем, чтобы сурово осудить его идеи и заклеймить его пороки как человека. Во всем этом хоре при жизни философа и после смерти не раздалось ни одного голоса в его защиту: ни одна книга, ни одна статья не сказала ни одного одобрительного слова в пользу Ламетри. Никто из тех, кто питал к нему добрые чувства, не рискнул публично заявить об этом. Исключение составил прусский король Фридрих II, но ему некого было бояться.

«Опыт» — единственное произведение, где с сочувствием цитируется явно антирелигиозное высказывание из «Человека—машины» и дается недвусмысленно положительный отзыв об авторе этой «безбожной» книги. Сам Ламетри оказался тем единственным человеком, который осмелился выступить в печати в защиту идей и автора, вызывавших единодушное возмущение «благочестивых» ревнителей веры.

Жюльен Офре де Ламетри скончался, когда ему было 42 года. Те, кто был рядом с ним, причину смерти видели либо в отравлении, либо в кровопусканиях, излюбленном лечебном средстве еще со времен средневековья. Современные врачи предполагают, что Ламетри умер от перитонита.

«Человек — машина», жалкий развратник умер от обжорства, объевшись паштетом, клеветали его враги. Исполненными злорадства эпитафиями откликнулась на его смерть пресса Германии, где он жил три последних года, и Франции. Враги материализма и атеизма выражали радость по поводу смерти философа. Они положили начало легенде о том, что Ламетри на смертном одре покаялся и вернулся к вере отцов.

Расследование обстоятельств смерти философа установило совсем иное. Когда страдания исторгли у умирающего мучительное восклицание «О, Иисус-Мария!», пробравшийся в его комнату священник обрадовался: «Наконец-то вы хотите вернуться к этим священным именам!»

В ответ он услышал: «Отец мой, это всего лишь манера выражаться». Умирающий решительно отверг попытку вернуть его в лоно церкви.

Вольтер, неприязненно относившийся к Ламетри, тем не менее писал о том, что разговоры о его покаянии на смертном одре — ужасная клевета, что Ламетри умер так же, как и жил, — не признавая бога.

Такой была одна из драматичных страниц истории борьбы за научное мировоззрение. Естественно, что работы философа несут печать ограниченности, свойственной его времени. Но он был одним из ранних представителей воинствующей материалистической и атеистической мысли XVIII века.

О чем писали русские газеты и журналы в январе 1878 года

Главнейший недостаток его (Н. А. Некрасова. — **Ред.**) многих, даже хороших произведений заключался в том, что он проявлял свое внутреннее бессилие утешить, ободрить, указать выход, помочь горю! Украдкою и мимоходом вырывались у него чудные строки, чудные потому, что он ловил, так сказать, на лету веяние той истины, что русская церковь есть сила и гений русского народа.... но затем исчезало в нем это веяние, он как будто терял его, и плач его становился ложным потому, что дышал безутешностью, а безутешным он был потому, что бедный поэт, блуждая в жизни, как в море, без кормчего и руля, не знал, как, глядя на небо, найти на нем указания дороги...

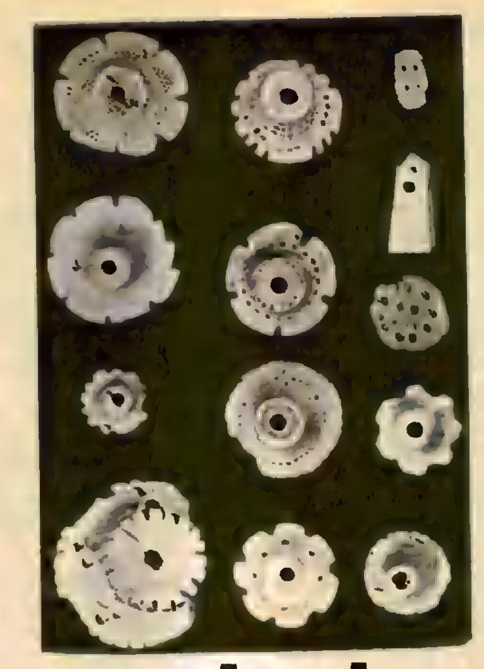
В церковь, где отпевали Некрасова, вошел для проповеди священник Горчаков. Но вошел он. для какой проповеди? Для того ли, чтобы сказать молодежи: лучшие минуты жизни и лучшие произведения поэта были те, когда он из житейского омута порывался, чтобы долететь до высот нашей церкви? О нет! Священник Горчаков с высоты амвона не смел это сказать: как можно, это могло бы не понравиться молодежи. А вот как он сказал: Николай Алексеевич Некрасов и нашу церковь не забыл!.. Итак, священник Горчаков счел себя вправе, как бы от имени церкви, поблагодарить за честь, которую сделал поэт этой церкви тем, что ее не забыл!

«Гражданин»

...Не сегодня, так завтра война кончится, уймется воинский пыл, затихнут благородные страсти и не явится ли тот ужасный момент, когда все эти журналы и газеты, начиненные нигилятиной, возьмут верх над всеми остальными образами мысли в русском обществе? О дорогие и доблестные братья, русские офицеры, бога ради, имейте в виду эти минуты и остерегайтесь их, как опасного искушения... Наша интеллигенция, наши либералы и прогрессисты учили нас и учили ложно и вредно, учили, растлевая, учили, развенчивая идеалы, учили, вооружая против бога... Не смущайтесь либеральными и нигилистическими журналами и газетами. Они вас ненавидят, ибо вы заставили нас их возненавидеть и полюбить бога, Россию и вас такой любовью, которая может спасти Россию, если не оскудеет.

«Гражданин»

А. ВЕКСЛЕР,
руководитель Кунцевской археологической экспедиции

Раскопки на "проклятом месте"

Кунцевское городище в Москве

— Да чего ж его бояться — этого места-то, бабушка?
— Как чего, родимый? Ведь, не даром же оно слывет проклятое место! На путном народ православный не проваливается, да еще во время обедни. Говорят, и доселе тут в ночное время иногда слышутся колокола, да голоса поющие...

М. Воскресенский. Проклятое место. М., 1838

Самая важная достопамятность Кунцевской местности, принадлежащая глубокой, незапамятной древности, есть небольшое древнее городище, называемое окрестными поселянами городком, а москвичами проклятым местом.

И. Забелин. Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873

ВЕЛИКИ КОНТРАСТЫ времени в Москве. До сих пор на территории огромного города есть места, хранящие память не только о веках, но и о тысячелетиях. Таково Кунцево — западные ворота города, где буквально рядом с олимпийскими спортивными новостройками столицы находятся интереснейшие памятники ее прошлого.

С середины XV века известны по документам земли Кунцева. Веками владела ими крупнейшая дворцовая знать — Мстиславские, Милославские, Нарышкины. В густом старом лесу Кунцева охотились на медведей и волков московские цари. А откуда само название?

С полной уверенностью не ответить на этот вопрос. Известный историк Москвы XIX века И. Е. Забелин предлагал ряд толкований: куна — чаша, природная котловина по берегу реки, здесь куноворот (круговорот) Москвы-реки. И, наконец, кунка значит милая, а кунеть — хорошеть (куницей при сватовстве называли невесту). Не за редкостную ли живописность еще в древности прозвали это место Кунцевом? «Нет ничего ему подобного красотой», — писал о Кунцеве Н. М. Карамзин.

Достопримечательность Кунцева — старинный парк с вековыми деревьями. Самый могучий из его дубов — тысячелетний, в четыре обхвата — описан К. А. Тимирязевым в его «Жизни растений». Остался он на полотне А. М. Васнецова. Великан простоял до начала XX века, пока удар молнии не разбил огромное дерево. Дуб сгорел, но корневища его глубоко вросли в подножье холма, у подъема на древнее городище.

И сейчас у изгиба Москвы-реки в Кунцевском парке, как остров над глубокими оврагами, высится этот обособленный мыс с земляными валами и рвами, покрытый угольно-черной землей — напластованиями седой древности. Межевая опись Кунцева 1649 года уже называла его «городище» (суффикс «ищ» издавна употреблялся для обозначения старины: дворище — место бывшего двора; городище — место оставленного города, покинутых укреплений). Во времена Московской Руси это городище, окруженное валами, приобрело мрачную славу, чему немало способствовали «чертовы пальцы» (окаменелые моллюски) и «громовые стрелы» — наконечники древних стрел. Окрестные жители, обнаруживая их у обрывов городища, связывали свои находки с местопребыванием здесь «нечистой силы».

Оттого и роман ужасов писателя прошлого века Михаила Воскресенского, основное действие которого происходило на холме, назывался «Проклятое место». Даже сейчас, в наши дни, кунцевские старожилы хранят старинные предания о том, что здесь провалилась церковь и ушла в глубину метров на пятьдесят.

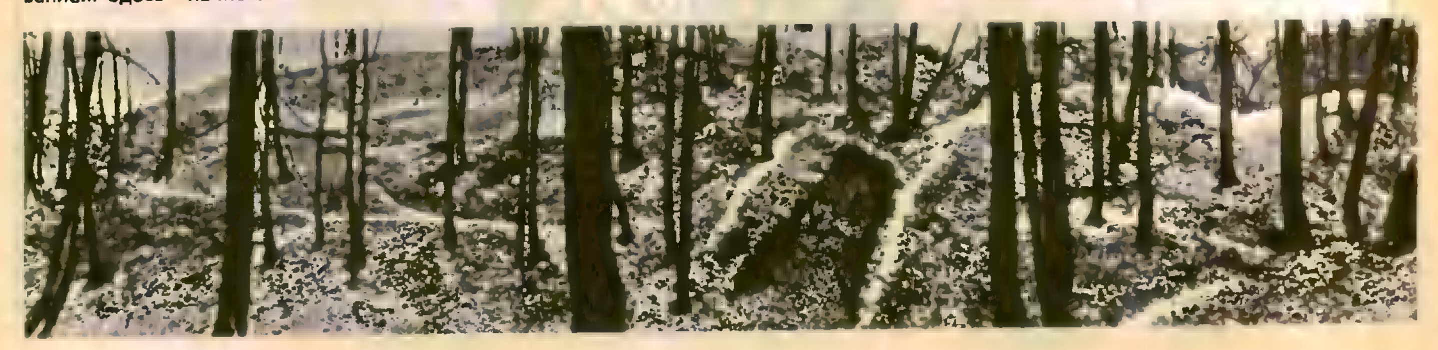
Городище давно привлекало внимание исследователей. Первое описание его как языческого капища сделал историк Зориан Доленга-Ходаковский, современник А. С. Пушкина (великий поэт даже называл себя «Новый Ходаковский»).

В своем сочинении «План путешествий по России для отыскания Древностей Славянских» Ходаковский настойчиво проводил мысль о том, что московские городища — это «языческие священные ограды и никогда не были военными или городскими и сельскими укреплениями». Комментируя этот труд, Забелин замечал, что «ни одно из городищ своим положением в глухой чаще леса и вообще своей природной обстановкой не может в такой степени уносить наше воображение в эту таинственную, мифическую, заманчивую славянскую систему Ходаковского, как именно городище Кунцевское».

Кстати, и сам Забелин в 40-х годах прошлого века был свидетелем того, как в Троицын день на противоположном Кунцеву берегу Москвы-реки крестьянская молодежь из дальней деревни Терехово, приблизившись к городищу, швыряла в реку традиционные зеленые венки. Зачем же было идти к городищу, когда у жителей Терехова был «свой» берег реки? Забелин предположил тогда, что это пережитки языческого требища у «проклятого места». Он считал, что «кунцевское городище есть памятник глубочайшей древности, показывающий, что эта сторона была заселена с незапамятных времен, задолго до того времени, с которого мы начинаем свою историю».

Первые специальные археологические разведки провел на древнем памятнике уже в первые годы Советской власти профессор Московского университета В. А. Городцов. Однако значительные раскопки городища произведены были лишь в наши дни экспедицией Музея истории и реконструкции города Москвы.

...Густые заросли кустарника, крапива в рост человека — это место на окраине старинного парка и сегодня кажется своеобразным затерянным миром. Расчищены площадки для раскопок, разбита сетка квадратов — для точной фиксации находок и сооружений, снят дерн, и с каждым пластом начинается продвижение в глубь столетий, в исчезнувший древний мир. На площади в 1200 квадратных метров найдены многочислен-

ные разновременные сооружения, сделаны сотни находок.

Как показали исследования, городище было заселено уже в VI—V веках до нашей эры, затем поселение просуществовало без видимых перерывов весь период раннежелезного века, до VII—VIII веков нашей эры. Вначале небольшой поселок патриархального рода располагался на верхней площадке мыса, но вскоре жители его начали осваивать и склоны, сооружать на них плоские уступы, ставить дома и мастерские, устраивать загоны для скота.

Экспедиция делает вскрытия на вершине холма, на террасах, прорезает валы и рвы. В основании террас, под мощным намывом земли с верхней площадки, были расчищены первоначальные — углубленные, овальные—жилища. По краю верхней площадки и террас, где грунт в заполненных ямах отличался от других мест, проступили контуры оборонительных конструкций — бревенчатая стена тына и плетень. Опасность набега грозила постоянно, и обитатели холма непрерывно совершенствовали свою систему укреплений: надсыпали валы, углубляли рвы, ставили новые линии кольев. За укреплениями скрывалось главное богатство — скот. На раннем этапе скотоводство было основой экономики поселения, что подтверждается статистикой собранных костей — подавляющее большинство принадлежит домашним животным. Среди костей диких животных, трофеев древних охотников, встречены медведь и кабан, лось и северный

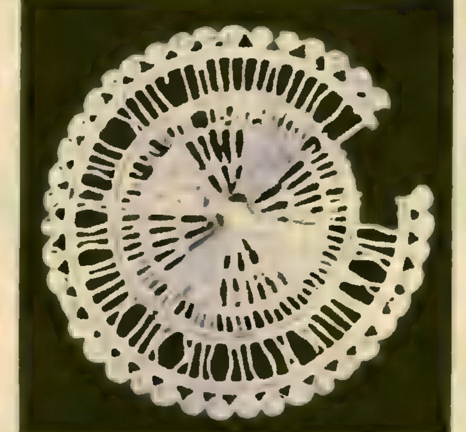

олень, лисица и куница — такова была фауна территории будущей Москвы.

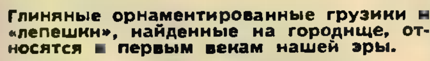
Непосредственное ощущение эпохи передают вещи, они живо рассказывают о прежней жизни за могучими валами холма. Находки со всей очевидностью позволяют судить о хозяйстве и быте поселения скотоводов и охотников, рыболовов и древних металлургов раннежелезного века. На московской земле в те далекие времена были развиты ткачество и керамическое производство. Древняя грубая лепная посуда была покрыта отпечатками тканей и сетки — так для плотности уминалось глиняное тесто. Верх сосудов покрывал разнообразный орнамент. Уникален глиняный штамп для нанесения узоров на сырую, до обжига, глину. Но встречена при раскопках и привозная, видимо из южных земель, керамика — с блестящим черным лощением. Явно иноземный характер имеют и стеклянные бусы с тонкой прокладкой золота внутри. Предметом же торгового обмена на эти вещи была скорее всего пушнина.

Обитатели поселка умели резать по кости — мастерски сделаны охотничьи костяные наконечники для стрельбы из лука, прекрасно отделаны иглы, приколки, пряжки. Красивы ажурные металлические украшения — миниатюрные колокольчики, застежки-фибулы, подвески, изготовленные здесь же, на городище. Неоднократно встречаются инструменты литейщиков — глиняные тигли для плавки, льячки — сосуды для разлива расплавленного металла. Любопытно, что на городище найдена и крошечная, умещающаяся на ладошке, игрушечная льячка — точная копия настоящей. Забавна и другая игрушка—глиняная погремушка в форме рыбы, в ней до сих

Глиняные орнаментированные грузики и «лепешки», найденные на городище, относятся к первым векам нашей эры.

Кунцевское городище. Общий вид.

Кунцевские медные кресты и образок. XII—XV вв.

Идут раскопки...

Солярная бронзовая бляха. III—V вв.

Глиняные статуэтки и орнаментированный «кирпичик». IV—VI вв.

пор звенит песок. Этой детской игрушке из раннего слоя поселения более двух тысяч лет.

Кунцевское городище относится к дьяковской археологической культуре (так условно называют памятники подобного типа по впервые описанному городищу у села Дьяково близ Коломенского — на восточной окраине современной Москвы). На археологической карте столицы отмечены признаки целой серии таких поселений: здесь, в районе будущего города, располагался своеобразный центр древних племен. Так, ближайшее к Кунцевскому городище находилось в садах на речке Сетуни, невдалеке от нынешней киностудии Мосфильм. Другое городище — Мамоновское—располагалось несколько ниже по течению Москвы-реки, на территории современного Нескучного сада. Следы дьяковского поселения с характерной «сетчатой» керамикой зафиксированы в последние годы на Боровицком холме в Кремле. Таким образом, раннее заселение территории Московского Кремля также можно отнести ко второй половине I тысячелетия до нашей эры.

При раскопках Кунцевского городища в слое середины I тысячелетия нашей эры встречены серпы, зернотерки, коса-горбуша, зерна злаков, свидетельствующие о возрастании роли земледелия у его жителей.

На основе земледельческого хозяйства складывались и религиозные культы дьяковских племен. Изображения расходящихся лучей, свойственных культу солнца, источника жизни, найдены на различных предметах. Такова ажурная «солярная» бронзовая бляха, найденная в Кунцеве, — великолепный образец древнего прикладного искусства. Археологические находки позволяют говорить о распространенности культа великого женского божества, воплощения богини плодородия. Это и их глиняные статуэтки, и стилизованные символические изображения на предметах из металла, кости, глины. Предстоит изучить целый ряд таких ритуальных атрибутов первобытных верований дьяковцев, установить их несомненные земные корни.

Нвходки иа древнем городище рассказывают о длительном, сложном пути экономического развития населения Москворечья, непрерывном совершенствовании ремесла. Высокого уровня достигает оно к началу II тысячелетия нашей эры. Именно в это время ремесленники московской земли стали объединяться в таких старых укреплениях, как Кунцевское городище. Здесь, под защитой валов на речных дорогах им легче было сбывать свою продукцию. Именно многовековому развитию ремесла обязан своим зарождением и раннефеодальный город Москва с центром на Кремлевском холме и своим посадом. А древнейшим соседом Кремлевского «града» было Кунцевское городище.

Изыскания в области древней топонимики, изучение больших коллекций из раскопок дьяковских городищ еще не прояснили до конца вопрос об этническом происхождении их обитателей. Исследователи отмечают в дьяковской культуре финно-угорские и балтские элементы. Однако несомненно, что поздние слои XI—XII веков на городище связаны со славянами-вятичами. Кунцево дало разнообразную керамику этого времени, изготовленную на гончарном круге, уникальный поливной сосуд, на котором рельефным штампом оттиснуто изображение славянского мифического Китовраса — крылатого получеловека-полуконя с мечом в руках. Эпохой домонгольского нашествия датируется трубчатый замóк сложной конструкции, состоящий из трех десятков деталей. Среди предметов этого комплекса — украшения, орудия труда и инструменты, характеризующие высокое развитие ремесла. Железные ножи со стальной наваркой на лезвии, топоры, шиферные пряслица-кружки, надевавшиеся на веретено, металлическое навершие клинка с узорным «травным» орнаментом — все это великолепные образцы доброго мастерства и прикладного искусства летописных славян.

В центральной части верхней площадки славянскую основу многослойного Кунцевского городища прорезают остатки христианского храма и связанное с ним большое кладбище. Датируются они, по-видимому, не позднее XIII — начала XIV века.

Очевидно, не случайно при широком вскрытии городища не было обнаружено жертвенное место его ранних обитателей, хотя такие глинобитные площадки-жертвенники известны на нескольких дьяковских городищах. И. Е. Забелин высказывал предположение, что первую церковь на Кунцевском городище соорудили именно там, где был языческий жертвенник. Как тут не вспомнить, что со времен князя Владимира христианские храмы сооружали на месте языческих требищ, и церковь Василия в Киеве стала на холме, где прежде стоял Перун «древян». Христианский принцип такого распространения веры, по-видимому, соблюдали и на Кунцевском холме. Недаром на склоне близ места храма археологи проследили мощные отложения в виде сброса угля, золы, обожженной глины. Вполне возможно, что это следы разрушенного языческого жертвенника.

Средневековые русские погребения на городищах обычно не радуют археологов значительными вещевыми находками. Не то оказалось в Кунцеве. С погребальным комплексом был связан ряд важнейших находок — монет и крестов. Монеты — медные «пулы» и серебряные копейки, чеканенные в Москве и в Твери, дали довольно точные даты погребений. Особенно интересной оказалась коллекция из двух десятков крестов, выполненных с высоким профессиональным мастерством и являющихся прекрасными произведениями раннемосковской мелкой пластики. В средневековье это было искусство, неразрывно связанное с народным творчеством. В его тематике своеобразно отражались особенности местных культов. Например, на многих крестах изображен святой Никита — «бесов мучитель»: он избивает беса длинной палкой, ухватив «нечистого» за уши. Дата креста — XV век. Нужно вспомнить, что именно в это время легенда о Никите становится символом освобождения Руси от татарского ига.

Интересен и другой, более ранний крест. Дата его по известной коллекции В. И. и В. Н. Ханенко, собранной в прошлом веке, определяется XIII веком. Это половина складного креста — энколпиона. В центре его внушительное и монументальное изображение святого в епископском облачении, держащего Евангелие в левой руке. Такой иконографический тип характерен для Николы Зарайского. Древнейшая икона Николы Зарайского начала XIV века находится в Третьяковской галерее. По мнению специалистов, иконография Николы Зарайского — это русская переделка образа византийского епископа, трактуемого как защитника русской земли от иноземных захватчиков. Недаром на одном из изображений Николы в Оружейной палате Кремля имеется надпись: «Николай — заступник роду крестьянску». Вот почему этот святой так высоко почитался в Москве и почему именно у церкви Николы Зарайского, «что у старого Каменного моста — на Троицкой площадке», устраивались торжественные встречи воинов-победителей.

Древнейшее живописное изображение Николы Зарайского связывают с Киевом — считают, что его привез киевский боярин Родион Нестерович, переселившийся в Москву при Калите и основавший церковь Николы на Киевце. Однако кунцевская находка говорит о том, что в мелкой пластике образ Николы Зарайского появляется раньше правления Калиты.

Среди находок художественной литой пластики интересен образок со сложной композицией, на лицевой его стороне семь скорченных фигурок, обрамленных нарядным орнаментом. Этот сюжет связан с церковной легендой о «семи отроках из Ефеса», известной с V—VI веков. Семь мальчиков-христиан забрались в горную пещеру, спасаясь от преследования императора-язычника Деция. Здесь они «чудесно» заснули и проснулись спустя три столетия уже при полном торжестве христианства. Образок с семью отроками был народным полуязыческим амулетом-оберегом, считалось, что он охраняет во время сна от непредвиденных опасностей.

Легенда эта стала популярной в Древней Руси, семь рельефных, резных белокаменных фигур отроков украшают фасад прославленного Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Характерно, что ажурный растительный орнамент кунцевского образка совпадает с одним из мотивов резьбы на Георгиевском соборе — памятнике владимиро-суздальского зодчества. В образке явно прослеживается влияние искусства Владимирской Руси, традиций таких высокоразвитых центров культуры, как Киев, Владимир, Суздаль.

Десять полевых сезонов провела на городище экспедиция Музея истории и реконструкции Москвы. Многолетнее археологическое исследование памятника подошло к завершению. Двадцать веков оставили в земле свои характерные следы. Разновременные культурные напластования дают представление о развитии ремесла и торговли на московской земле, об изменении в характере материальной и духовной культуры ее жителей, о переменчивой земной судьбе религиозных верований.

Кунцевское городище — древнейшую земляную крепость в Москве — ждет интересное будущее. Предполагается сделать его объектом открытого музейного показа с восстановлением утраченных деталей, экспонированием многочисленных находок. Загадочное «проклятое место» станет поучительным заповедным музеем.

этимологические заметки

✦ ХАДИС ✦

«Хадис» — в исламе изречение Мухаммеда или короткое сообщение о каком-то его поступке. Произошло от арабского «хад» — «рассказ».

✦ ХАЛИФ и ХАЛИФАТ ✦

«Халиф», также «калиф», религиозный глава мусульман, до X века совмещал всю полноту светской и духовной власти. Слово восходит к арабскому «халифах» — «преемник», «заместитель» (Аллаха).

✦ ХАНААН ✦

В Библии часто встречается это слово в смысле «обетованная страна». «Ханаан» — так в древности, во II тысячелетии до нашей эры, называлась территория Палестины и Финикии. Можно предположить, что в основе этого слова финикийское «ханна» — «милость», первоисточник одного из наиболее популярных женских имен — Анна. В родстве и мужское имя Ганнибал, означающее «милость бога Ваала».

✦ ХАОС ✦

Сегодня «хаос» — «беспорядок», «неразбериха». В древнегреческой же мифологии этим словом обозначали пустоту, существовавшую до сотворения мира. От греческого «хайно» — «зевать» и возникло греческое же «хаос» — «пустота». Порождения Хаоса — Гея (земля), Тартар (ад), Эрос (любовь), Эреб (мрак), Никс (ночь).

✦ ХАРИТЫ ✦

Так назывались греческие богини изящества, дочери Зевса — Аглая, Эвфросина, Талия. В Древнем Риме их называли грациями. Слово «хариты» произошло от греческого «хариэс» — «радость», красота».

✦ ХАСИДИЗМ ✦

Название этого религиозного движения в иудаизме происходит от древнееврейского «хасид» — «благочестивый».

✦ ХЕДЕР ✦

Так называлась иудейская начальная школа — от древнееврейского «хедер» — «комната».

✦ ХЕРУВИМ ✦

Название этого ангельского чина восходит к древнееврейскому «херувим» — множественное число от «херуб» — «бык».

✦ ХИЛИАЗМ ✦

«Хилиазм» — учение о предстоящем тысячелетнем царстве божьем. Слово произошло от греческого «хилиой» — «тысяча», откуда идет «кило» (в словах «килограмм», «километр»).

✦ ХИМЕРА ✦

В древнегреческой мифологии — огнедышащее чудовище, олицетворение вулкана. Слово происходит от греческого «химайра» — «коза».

✦ ХИРОМАНТИЯ ✦

«Хиромантия» — гадание по линиям на ладонях рук. Слово это сложное. Первая его часть — греческое «хеир» — «рука». Вторая — греческое же «мантейа» — «пророчество». Первая часть слова входит и в термин «хиротония» — «рукоположение священника», где вторая часть — «тонос», — «тон», «звук», «веревка», «струна», «связь».

✦ ХЛЫСТЫ ✦

Название этой секты, возникшей в России в конце XVII века, по-видимому, искаженное «христы». Есть, однако, мнение, что произошло оно от одного из обрядов этой секты: фанатично настроенные сектанты хлестали себя жгутами или прутьями.

✦ ХОДЖА ✦

Древнерусские «хозя» и «ходжа» — «господин», а также «домовой» и «злой дух». Отсюда и слово «хозяин» — заимствование из однозначных тюркских «хожа», «хужа», «хозя» (впервые в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, 1472 г.). Первоисточник же — арабское «хаджж» — паломничество в Мекку и мусульманской святыне Кааба или в Медину к гробу Мухаммеда. Мусульманина, совершившего такое религиозное путешествие, называли «ходжа» или «хаджи». От этого слова возникло и «ханжа» — «святоша».

✦ ХОРАЛ ✦

Латинское название религиозного песнопения восходит к греческому «хорос» — «хор», далее к «хюреус» — «танцую», «пляшу в хороводе». В Древней Греции хор и пел и танцевал. Отсюда «хореография» — «балетное искусство».

✦ ХОРУГВЬ ✦

«Хоругвь» — церковное знамя. Древнерусское «хоругъ» — «знамя», «стяг» (впервые в Ипатьевской летописи 1425 г.) — заимствование (через тюркское посредство) из монгольского «орунга» — «знамя», «знак». Есть и иные мнения, сближающие слово то с турецким «куйрук» — «хвост», то с готским «хругга» — «палка», «посох».

✦ ХРАМ ✦

Церковнославянское и старославянское «храмъ» соответствует древнерусскому «хоромъ» — «дом», «строение», «крыша».

Есть гипотезы, сближающие слова «хором» и «храм» с древнеиндийскими «хармьям» — «крепость»; «карман» — «кожа», «шкура»; с «хоронить», «похороны»; с хеттским «каримми» — «храм».

✦ ХРИСТОС ✦

«Христос» — древнегреческое слово, означает «помазанник», от глагола «хрио» — «мазать», «красить», «колоть». «Хризма», также «хриса» — «мазь», «жир». Имя Иисус восходит к древнееврейскому «Иехошуа», так же «Иошуа», что значит: «помоги, бог», «спаси, бог». Это имя было среди евреев довольно распространенным.

✦ ХРИСТИАНСТВО ✦

Слово «христианство», как и «христианин», восходит, конечно, к имени «Христос». Здесь все ясно. Но вот: «христианин» — «крестьянин» — случайно ли это созвучие? В давние времена на Руси эти слова были синонимами. На форму «крестьянин» повлияло, по-видимому, и слово «крест».

✦ ХТОНИЧЕСКИЕ БОЖЕСТВА ✦

Так объединенно называются различные боги и божества, имеющие отношение к земле: боги земли, владыки преисподней, также боги земледелия, плодородия. Греческое «хтонос» — «земля». Отсюда «автохтоны» — коренные жители какой-либо страны.

✦ ЦЕРКОВЬ ✦

«Церковь», как и немецкое «кирхе», английское — «чёрч», восходят к древнегреческому «кюриаке», что значит «принадлежащий богу»; «кюриаке хэмера» — «воскресенье», дословно: «день божий». Основа — «кюрос» — «сила», «власть» и «кюриос» — «господин», «хозяин», «владыка». В родстве имя персидского царя Кира (VI в. до н. э.), а в древнегреческой мифологии — имя волшебницы Цирцеи.

✦ ЧАДРА — ПАРАНДЖА ✦

Шариат повелевает мусульманкам закрывать лицо и скрывать фигуру чадрой. Слово это произошло от персидского «чадор» — «покрывало». Синоним — тюркское «паранджа».

✦ ЧАРЫ, ЧАРОДЕЙ ✦

«Чародей» — синоним слов «волшебник», «колдун». Основа — славянское «чаръ» — «колдовство», отмечается в русских памятниках с XI века. Полагают, что оно в родстве с древнегреческим «кернос» — «жертвенный сосуд», от «керас» — «рог», «арка», «острие», «вершина», «крыло». Есть связь и с древнеиндийским «кароти» — «делать», «приводить в исполнение». В родстве литовское «керас» — «волшебство».

✦ ЧЕРТ ✦

Есть несколько версий происхождения этого слова: родство с «чары»; с «черный», «чернить»; с «черта»; с литовским «кюрети» — «длиться» или «керети» — «околдовать», «сглазить», «икирус» — «враждебный» или «икурус» — «противный».

✦ ЧЕТКИ ✦

«Четки» — шнурок с шариками для отсчета молитв. Восходит к «чту». Отсюда «читать», «почитать», «почтение», «честь», «счет», «считать». В родстве литовское «скайтыти» — «считать», «читать»; древнеиндийские «четати» — «мыслить», «понимать» и «кетас» — «мысль», «умысел», «желание».

✦ ЧУДО ✦

Слово «чудо» и его производные «чудак», «чудовище», «чудотворец» и другие восходят к «чути» — «слышать», «ощущать» (отсюда «чуткий») и далее к «чу». Впервые встречается в памятниках XI века и сохранилось как междометие. В родстве «кудесник». Древнейшие родственники индоевропейского корня «кеу» — древнегреческое «коео» — «понимать» и латинское «кавео» — «остерегаться». «Кавеа!» — так в Древнем Риме предостерегали об опасности.

В. СУПРЫЧЕВ,
кандидат
геолого-минералогических наук

самоцветный гороскоп

Уважаемые товарищи!

Человек я — не суеверный. Наоборот, даже уверенный в себе, в своих силах и жизнерадостный. Но вот что произошло. Недавно у меня умерла бабушка, которую я очень любила. Перед смертью она подарила мне перстень с изумрудом (она носила его не снимая лет пятьдесят) и сказала, что он должен мне принести счастье и чтобы я тоже с ним никогда не расставалась. Однако после смерти бабушки у нас в семье пошла как бы полоса неприятностей. И одна моя знакомая сказала, что все это из-за того, что я ношу не свой камень. Раз я родилась в феврале, то моим камнем должен быть аметист, а изумруд для тех, кто рожден в мае. Как может влиять на жизнь человека камень — она мне толково объяснить не смогла. Я понимаю, конечно, что это какое-то суеверие, но откуда оно пошло, каковы его истоки — это, по-моему, интересно. Не могли бы вы рассказать об этом на страницах журнала!

Л. КОНСТАНТИНОВА
г. Куйбышев

Рисунки Е. Федоровой

Начать ответ на это письмо мне хотелось бы с высказываний двух людей. Вот слова писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, относящиеся к концу прошлого века: «Самоцветный камень, отливающий разными цветами радуги, казался человеку той каплей, которая концентрировала в себе интенсивные краски... природы, глубокую синеву неба и горячий блеск солнца... Самоцвет являлся чем-то таинственным, и около него сложилась густая сеть легенд, поверий и сказок, дошедших до наших дней».

А вот что сказал знаменитый химик Антуан Лавуазье в 1772 году: «Во все времена люди связывали идею совершенства со всем, что представляется редким и ценным, и они убедили себя, что все, что стоит дорого, что вне их возможностей, что трудно добываемо, должно якобы сочетать в себе редкие качества... Драгоценные камни тоже удостоились этого энтузиазма, и не прошло еще ста лет с тех пор, как им приписывались чудодейственные свойства. Одни медики рекомендовали принимать их внутрь при некоторых болезнях и вводили их в свои рецептурные формулы; другие уверяли самих себя, что достаточно носить их в кольцах, амулетах и т. д., и ожидали от них исключительного действия на живой организм. Многие физики, опередившие свой век, все же в большей или меньшей степени разделяли эти предубеждения. Даже сам Бойль, знаменитый Бойль, подобно своим современникам, приписывал камням лечебные свойства...»

Вера в магическое значение камней уходит корнями в древние цивилизации Индии, Месопотамии и Египта. Причем магия самоцветов была тогда частью астрологии. Считалось, что судьба человека зависит, во-первых, от соответствующего положения светил на небосводе. А во-вторых, с каждым знаком Зодиака необходимо было связывать определенный самоцвет. В конце IV века епископ острова Кипр Епифаний Саламинский как комментарий к библейскому тексту написал трактат «О двенадцати камнях на ризе первосвященника». Он был переведен с греческого на коптский, латинский языки, а затем на армянский, грузинский (в X в.) и русский.

Позднее на эту же тему создают свои фолианты Исидор Севильский (630 г.), византийский писатель Пселлос (XI в.), Мехиар Айриванский (XIII в.) и другие. Каждому из двенадцати камней они назначали определенный месяц, в котором он якобы проявляет особую магическую силу. Один из древнейших памятников письменности Киевской Руси «Изборник», составленный в XI веке для князя Святослава Ярославича, содержит различные переводные произведения по христианской догматике, риторике, поэзии, медицине. Там же перечисляются и 12 камней, соответствующих месяцам года: сапфир, яшма, гиацинт, агат, аметист, хризолит, берилл, оникс, сердолик, топаз, изумруд, халцедон. Между прочим, именно этот календарь был наиболее популярным на протяжении многих сотен лет.

После крестовых походов в Европе стали появляться «Самоцветные календари», «Апостольские камни», «Месяцев рождения», «Камни дней недели», «Камни имен» и т. д. Они много раз переписывались от руки, названия камней в них искажались, заменялись. Списков этих было великое множество — греческие, русские, итальянские, американские, еврейские, индийские и другие. В Москве в 1908 году вышел сборник «Свет Египта», в котором сообщалось: «Людей предохраняют от превратностей судьбы следующие камни...» И далее перечислялись самоцветы и соответствующие им зодиакальные созвездия. Например, родившимся под знаком Стрельца советовали носить бирюзу, Козерога — черные и пепельные камни, Рыбы — красный коралл...

Международная ассоциация ювелиров лет 20 назад «утвердила» «Список камней месяца рождения». Однако несмотря на авторитет ассоциации этот «список» признают далеко не везде. Например, в Шри Ланке в городе Канди ювелирная фирма «Сварна и сыновья» предлагает рекомендацию «Ваши счастливые камни», где и порядок их по месяцам другой, и одни камни заменены другими. Зато в ней подробно говорится о качествах, которые должны перейти с камня на их обладателя. Гранат, например, гарантирует дружбу и верность, аметист — искренность, изумруд — супружеское счастье, лунный камень — здоровье, долголетие, богатство... Неплохая реклама!

«Самоцветные календари» можно встретить в ювелирных магазинах Сирии, Японии, Польши, Югославии и других стран. «Мода» на них появилась и в нашей стране. Правда, модницы уже сбились от обилия разных календарей и не знают, «какому верить». Ведь любой из них отражает в первую очередь коммерческие интересы ювелиров и возможности данной страны.

Небезынтересно вспомнить некоторые легенды о самоцветах. В «Истории» Аракела Тавризского, писавшего о событиях в Армении и Персии в XII веке, сообщается, в частности, о «чудесных» свойствах аметиста: «Носящий его не подвергается проказе, чесотке и подобным болезням; имущество и благосостояние его не оскудевают. Носить этот камень полезно для благоразумия. Владеющий аметистом может пить вино, сколько ему заблагорассудится, разум никогда не покинет его». Рассказывает об аметисте и русский лечебник XVIII века: «Сила этого камня такова: пьянство отгоняет, мысли лихие удаляет, добрым разум делает и во всяких делах помощен... воинских людей от недругов оберегает и к одолению приводит... ускромляет мощность и не допускает того, кто его носит, в памяти отходити». Этот фиолетовый самоцвет особенно любили в средние века. Его носили богатые вельможи, князья католической церкви. На Руси его называли «архиерейским камнем». Католики и православные украшали аметистами предметы религиозного культа. В Оружейной палате Кремля хранятся «Морозовское Евангелие», иконы «Вседержитель» и «Смоленская богоматерь», украшенные аметистами. Лиловый огонь аметиста горит в средневековых русских и украинских митрах, панагиях, наперсных крестах.

Не меньше преданий связано с сердоликом. Его часто награждали эпитетами — волшебный, магический, сказочный. Это любимый камень народов Востока. Мусульмане издавна вырезали на сердолике астрологические знаки, короткую молитву или стих из Корана, а турки, персы и славяне — свое имя. Бытовало поверье, что сердолик повышает настроение, создает благополучие, отводит от владельца злых духов и болезни. У Пушкина было два перстня с сердоликовыми вставками. Один из них ему подарила жена генерал-губернатора Новороссии и Крыма Е. К. Воронцова. Поэт очень любил его и даже посвятил этому подарку стихотворения «Талисман», «Храни меня, мой талисман». Любили сердолик Байрон и Гёте, каждый из них отразил эту привязанность в стихотворениях «Сердолик», «Сердоликовый талисман».

Вы, видимо, обратили внимание, что в обоих случаях немалое значение отводилось целебным качествам камней. Это неспроста. Многие народы на протяжении веков верили именно в лечебные свойства самоцветов. Существовало множество лечебных бытовых амулетов. В собрании Эрмитажа есть резной сардоникс — «Медицинский амулет». На камне вырезан летящий Персей с мечом в одной руке и с головой Горгоны Медузы в другой. С тыльной стороны камня вырезаны по-гречески слова заклинания: «Беги, подагра, Персей тебя преследует». Не перечислить легенд и преданий о врачующих и охранительных свойствах камней-самоцветов. Так, считалось, что красные камни — сердолик и гематит — останавливают кровотечение, желтая яшма излечивает желтуху...

Самоцветы нередко встречаются и в рецептах древней медицины. Порой они в самом деле помогали излечению той или иной болезни. Но происходило это не от их действительных лечебных свойств. Зачастую тут действовало самовнушение. Например, страдающий бессонницей мог излечиться, поверив врачу, что ему помогут в этом изумруд, подвешенный у изголовья, или окаменелые аммониты — «рога Аммона», положенные под кровать. И сейчас иногда некоторые больные, страдающие базедовой болезнью, искренне верят в лечебное свойство янтарных бус, причем подчас они на самом деле чувствуют некоторое улучшение. Но дело здесь не в янтаре, а в самовнушении. Современная фармакология признает эффективность отдельных минеральных веществ для лечения различных заболеваний. В состав некоторых лекарств входят такие минералы, как самородная сера, глауберова соль и другие. Извлекаются из минералов, горных пород, минеральных вод и рассолов и используются в производстве медикаментов бор, йод, калий, кальций, магний, мышьяк, сурьма, ртуть. И все это на основе достижений науки.

Весьма распространены были поверья о том, что жемчуг и бирюза могут предвещать несчастье и даже смерть их владельцев. «Несчастливым» числился и благородный опал.

Современные минералогия и химия установили материалистический источник этих суеверий. Опал не любит яркого освещения, от длительного пребывания на свету он начинает терять воду, «наливается молоком» и мутнеет. Жемчуг влаголюбив; пока он соприкасается с телом носящего его, процесс обезвоживания замедляется. Не удивительно, что на пожилых людях (кожа которых суше) жемчуг усыхает быстрее и может «умереть». Бирюза очень пориста, легко впитывает масла и жиры и под воздействием углекислого газа тускнеет, дряхлеет. Естественно, что на руках тяжело больных людей (как это было, между прочим, с царем Иваном Грозным) бирюза порой «погибала» даже раньше, чем ее хозяин, «предвещая» тем самым и его смерть.

Объяснима и склонность людей к тому или иному камню в зависимости от его окраски. Есть поговорка: «Цвет — витамин для души». Установлено, что длительное созерцание красно-оранжевых тонов увеличивает артериальное давление крови и частоту пульса, а синий или зеленый цвета, наоборот, успокаивают человека, замедляют сердцебиение. Медицинская статистика выяснила также, что нежно-голубой и зеленый цвета нравятся людям с уравновешенной психикой, а их антиподы предпочитают красный.

Так играют ли на самом деле какую-то положительную роль в жизни человека самоцветные камни?

Несомненно. Но не из-за их легендарно-мистических свойств. Как миниатюрные произведения искусства — в перстнях, серьгах, брошах, медальонах — они удовлетворяют эстетическим чувствам, создают настроение, напоминают о дорогих людях, знаменательных, радостных событиях.

ГОД АЙНИ

В апреле этого года исполняется 100 лет со дня рождения таджикского писателя, ученого и общественного деятеля Садриддина Айни. Эту дату отмечают не только в нашей стране: в связи с юбилеем Международная организация по вопросам просвещения, науки и культуры при ООН (ЮНЕСКО) объявила 1978 год годом Айни — прогрессивное человечество не забывает лучших своих представителей, тех, кто заботился о просвещении народа и освобождении его из духовного рабства, кто внес свой вклад в мировую науку и культуру. Именно таким был Садриддин Айни. Судьба его удивительна. Потомок ходжей из таджикского селения Соктари, скромный учитель мусульманской школы, он половину своей жизни — до сорока лет прожил в Бухарском эмирате, который не зря считался заповедником мусульманского средневековья. Айни не был безучастным свидетелем этого «царства мрака», где в неприкосновенности жили обычаи, «приличествовавшие эпохе Чингисхана». Испытавший на себе весь ужас эмирского беззакония, ненавидевший эмира, он одним из первых поднял голос против тирана. Он утверждал пользу светских знаний в противовес мусульманскому богословию.

Весть об Октябрьской революции Айни встретил с надеждой и радостью. Он написал в 1918 году «Марш свободы», ставший первой советской таджикской песней, которую пели на мотив «Марсельезы»:

О рабы, поднимайтесь из праха!
Сбросьте цепи покорства и страха!
Красным знаменем мир озаря,
Засияла свободы заря!

В 1920 году Айни принял участие в бухарской народной революции, свергнувшей эмира. Он стал в ряды строителей новой жизни. «Сорокалетним писателем встретил я Октябрь, — говорил в одном из своих выступлений Айни, — и в этом возрасте поступил в школу Октября. Эта школа воспитала меня, и, пройдя ее, я словно заново родился...» Своими произведениями Айни разъяснял землякам политику Советской власти, призывал отказаться от вековой покорности судьбе и взять ее в свои руки. Он положил начало таджикской советской литературе, перебросив мост от культурного наследия прошлого к культуре нового типа — социалистической. Теперь он нес народу не просто просвещение, а свет новой, социалистической идеологии.

На книгах Айни воспитывалось классовое сознание тысяч мусульман-бедняков. В его повести «Одина», в романах «Дохунда», «Рабы» — яркая картина общественной жизни в моменты величайших социальных сдвигов, в них опыт революционной и созидательной работы народа в новую эпоху, рассказ о поисках правды и о счастье обретенного нового мира. Айни писал о своем романе «Рабы»: «Эта книга о прошлом написана как завет для будущего, потому что история только тогда имеет смысл, когда в руках у людей она становится орудием борьбы за будущее». Не случайно творчество Айни находит сегодня внимательных и заинтересованных читателей в странах Азии и Африки, судьбы которых близки историческому прошлому таджикского народа. Не зря и многие писатели этих стран называют Айни своим учителем. Лучшие произведения Айни переведены на восточные и западные языки, ученые исследуют его творчество, мировая печать посвящает ему статьи.

Не только писателем и просветителем вошел Айни в мировую культуру. Энциклопедическая образованность, глубина знаний, исследовательский талант сделали его видным ученым. Его очерки о бухарских эмирах мангытской династии и об истории бухарской революции легли в основание таджикской советской исторической науки. Труды, посвященные классикам мировой литературы Рудаки, Фирдоуси, Саади, Бедилю, Навои, — образцы литературоведческой науки. По праву он стал в 1951 году первым президентом Академии наук Таджикской ССР и оставался на этом посту до конца жизни.

Биографы Айни часто употребляют слово «первый». В народе его называли устод, что значит мастер, учитель. Таким он остался в памяти людей — мастер своего дела, учитель тех, кто стремится к истине, к знанию. Мастер и учитель, он боролся за торжество разума и справедливости — прекрасная миссия просветителя и гуманиста.

В этом году в Душанбе в издательстве «Ирфон» выйдет книга о Садриддине Айни Радия Фиша и Рахима Хашима. Мы предлагаем нашим читателям одну из ее глав в сокращении.

МНОГО РАЗ АЙНИ видел одутловатое с набрякшими подглазниками лицо этого совсем еще не старого человека, правда, не близко, а во время его выездов на охоту, в загородный дворец или на пятничную молитву в окружении свиты, скороходов, телохранителей, лицо всегда надменное и брезгливое. Во взгляде чуть прищуренных миндалевидных глаз, одновременно цепких и невидящих, как у хищных кошек, было нечто животно инстинктивное, независимое от логики или морали, и потому внушавшее страх и гадливость. И надо же, чтоб именно теперь, когда, подводя итог своей жизни, он начал «здание возводить из старых кирпичей», чтоб «в нем устроить пир в честь ушедших друзей», ему снова привиделось это лицо убийцы его братьев и стольких близких людей. Именно сегодня в предрассветный час привиделся ему эмир бухарский — генерал-лейтенант русской императорской службы, кавалер ордена Александра Невского и тень бога на земле Сейид Алимхан бинни Сейид Абдулахад.

Вопреки обыкновению, Айни долго лежал в постели с открытыми глазами, не чувствуя, что мельчайшие брызги редкого в Самарканде майского дождя, отскакивая от приоткрытой рамы, падают ему на лоб, и только резкий трамвайный звонок привел его в себя. Неподалеку от дома, где в двадцатые годы ходил паровичок-кукушка с вагончиками, перевозивший товары, а иногда людей, теперь дребезжал трамвай.

За окном, глядевшим на северо-восток, было еще темно. Собственно, всю свою жизнь, сколько помнил себя, он вставал до света. И в родном кишлаке Соктари, и в Махаллои Боло, откуда была родом его мать и где в раннем детстве проводил он зимы, все поднимались раньше солнца. Когда он, по выражению отца, вошел в ряды сыновей, после праздника обрезания, мать понемногу стала приучать его и к ранней молитве, ему тогда было лет пять. Ну а в Бухаре от крика сотен муэдзинов, вслед за эмирским призывавших горожан на молитву во все триста с лишним мечетей, нельзя было не проснуться до рассвета.

В благословенной Бухаре — одном из центров мусульманского мира — тех, кто уклонялся от молитвы, загоняли палками и плетьми.

До сорока с лишним лет он был верующим человеком. Но и после того как на смену религиозной вере пришла убежденность в безграничных возможностях свободного человека, привычка вставать до восхода, ко времени первого намаза, осталась. В утренние часы, когда умственные силы еще свежи, а суета нового дня не успела стереть картин и образов, возникших перед ним с такой отчетливостью, как привидевшееся сегодня лицо последнего бухарского эмира, ему работалось всего лучше.

Но в это майское утро 1948 года не было привычной ясности в мыслях. Ка-

К столетию со дня рождения Садриддина Айни

На рассвете

Радий **ФИШ**,
Рахим **ХАШИМ**

залось, они вышли из повиновения. Перескакивая друг через друга, вычерпывали из темных колодцев памяти что попало, не сообразуясь с заказанным с вечера порядком, и он с удивлением почувствовал в них неутоленную ненависть и гнев. Неужто их снова вызвало нежданно явившееся к нему в полудреме лицо Алимхана?! А ведь он считал, что за тридцать лет они перегорели и сгинули вместе с канувшим в небытие эмиром. Что, собственно, значил эмир сам по себе?

И как только он понял, что с ним происходит, явилось спокойствие. Для художника гнев и ненависть опасны, они слепят, иссушают душу, подобно дующему из раскаленной пустыни «афганцу». Двадцать восемь лет назад, когда он писал «Историю мангытских эмиров Бухары», он еще мог себе позволить им вылиться. «Гнусность была, повидимому, наследственной чертой этой династии»,— так писал он, но и тогда уже ощутил в конце своего труда необходимость объясниться: «Быть может, читатели упрекнут автора за то, что он с полной оглаской говорит о недостойных пера вещах, сочтут его бестактным и невоспитанным. Что поделать, мы тоже огорчены. Большинство летописцев Востока, в особенности выпестованных при дворе, низкопоклонничали и лицемерили перед живыми и мертвыми, а потомков оставили в неведении о муках и страданиях прошлого. Вот почему мы, люди Востока, и особенно туркестанцы, из поколения в поколение опускались столь низко и при всех недостатках считали себя совершенством, спесиво гордясь неведеньем и беспечностью... Мы поступили иначе, запачкав чистые страницы кровью и гноем. Но зато есть надежда, что вскрытые нами язвы заживут и исцеление израненного тела нашего станет возможным».

В той книге он был историком недавних времен, воистину сочившихся кровью и гноем. И ненависть, и гнев его понятны. Теперь же перед ним иная задача, да и труд, если только суждено будет его завершить, предназначен для совсем иных людей, что будут жить после него. Они не представляют ни времени, ни нравов его молодости. Пусть же события и люди возникнут перед ними естественно, с той обнаженной простотой, с какой они возникали в его собственной жизни, и сами, без его подсказки, вызовут те же чувства, что вызывали в нем. Нет, ни эмир, никто другой даже во сне не в силах исказить гневом и ненавистью столь тяжко давшуюся ему гармонию внутреннего мира.

Он встал, погладил ладонью коротко стриженную седую бороду, накинул на плечи халат, накрыл бритую голову тюбетейкой и вышел на террасу-айван во внутренний дворик.

Дождь перестал. Очистившееся небо заметно посветлело, лишь предутренняя пастушья звезда — Венера запуталась в ветвях и листве виноградника. «Шаббарыш, руз-табиш» — припомнилась ему таджикская поговорка — «ночью пролилось, днем озарилось». Не было радостней приметы для бухарского крестьянина весной. Впрочем, радоваться было рано, день только начинался, а земляки его были суеверны. Привидься им такой сон, который чуть было не испортил сегодня ему настроение, большинство из них сочли бы себя осчастливленными, но побоялись бы его кому-то рассказать. Кто они такие, чтобы осмелиться увидеть даже во сне повелителя правоверных? Может, к ним и сам Аллах является по ночам? Узнай о таком сне какой-нибудь блюститель благочестия — пожалуй, и головы не сносить.

Он только усмехнулся. Сам корен-

ной бухарец, он теперь удивлялся, как могли они жить в убеждении, что мир естественно разделен на мясников и овец, и со страхом, но покорно — на все милость божья — позволяли себя и доить, и стричь, и резать. Разве могли бы эмиры со всем их воинством держать в повиновении миллионы, если б не предательство того единственного образованного сословия, к которому он сам когда-то принадлежал и которое презирал больше всех? Простодушный, невежественный люд питал к каждому, кто мог прочесть божье слово, превеликое почтение, ибо верил, что всякое знание, как и всякое ремесло, священно. На что же почтенные употребили свое знание? Скрепили своими печатями фетву, гласившую: «Жизнь и смерть, имущество и честь подданных безраздельно принадлежат его величеству эмиру». Они-то ведали, что творят! Знали, что такое установление противно всем шариатским законам!

Употребление знания во зло — преступление, коему нет оправдания. Не зря его отец Сейид Мурад-ходжа говорил: «Наука в руках безнравственности подобна мечу в руках пьяного».

Но ведь среди грамотных людей, да и среди духовенства находились и такие, что, может, и не цеплялись когтями корысти за полы власти и готовы были рисковать головой, лишь бы не осквернить совесть беззаконием, пусть мало, но были... И об их судьбе должны знать те, кто живет после них.

Жизнь человека коротка, а память еще короче. Время рушит стены, стирает с лица земли города. Лишь над тем, что запечатлено в слове, оно не властно.

Слава богу, он владел даром слова. Теперь лишь бы успеть!

Если можно извлечь назидание из той жизни, которую он знал лучше любого из смертных, ибо была она его собственной, то, приложив ладонь к сердцу, надо признать: прежде всех он обязан этим отцу. Его он видел земными глазами недолго — всего одиннадцать лет, но отец успел заложить в основание его души кирпичи такого обжига, что ни один из ударов судьбы, выпавших на долю сына, не оставил на них трещины.

Перед его мысленным взором возник далекий осенний день 1888 года, когда, держась за одноцветный отцовский халат, он трусил на осле по дороге из Соктари в Бухару и сердце его замирало от предвкушения встречи с прославленным городом. Ласково пригревало послеполуденное октябрьское солнце, ветерок относил назад облака пыли из-под копыт смирного белого осла, шедшего неторопливо, но ходко... Среди бахчей и на полях стояли толстые стволы шелковиц с культями обрубленных ветвей. Проехали Вобкент — последнее большое селение перед Бухарой.

Когда до города оставалось около фарсанга, по-нынешнему меньше девяти километров, осел деловито сошел с дороги и остановился в тени плакучей ивы, свесившей свои светло-зеленые косы до самой земли.

Сейид Мурад-ходжа усмехнулся и ударами плетки заставил животное вернуться на дорогу...

— Прошлый раз я останавливался под этим деревом, — пояснил он. — Сошел с осла, съел лепешку, дал ему передохнуть. Вот он и хочет, чтоб я снова дал здесь ему отдых. Год прошел, я думать забыл, а он помнит.

Отец помолчал.

— Смотри, сынок, осел памятливее человека, забывающего все, что он слышал и видел.

Лицо Садриддина залила краска. Он понял, о чем напоминал ему отец.

Как-то знакомый отца попросил Садриддина что-то ему передать, а он забыл, о чем была просьба, и сказал отцу первое, что пришло в голову. Когда это обнаружилось, отец при госте надрал ему уши.

— Ты виноват вдвойне: забыл слова почтенного человека да еще и солгал. Вперед запоминай, что видел и слышал. Не понял — переспроси, но не лги. Иначе сраму не миновать... Сказал бы мне честно, забыл, мол, и я не стал бы тебя позорить перед гостем.

Оскорбленное чувство собственного достоинства, столь развитое в их роду, заставило Садриддина запомнить этот урок до конца дней.

К самаркандским воротам столицы они подъехали, когда стало совсем темно. Отец изо всех сил подгонял ишака — задержись они еще немного, пришлось бы ночевать в поле за городом: через полтора часа после захода солнца, когда в мечетях заканчивалась последняя, пятая молитва — хуфта, все городские ворота запирались, а ключи отсылались миршабу — «князю ночи», в чье безраздельное распоряжение поступала до утра священная Бухара.

Кроме тусклой коптилки в караульном помещении близ ворот во всем городе не видно было ни огонька. Дома, так же как в Соктари, стояли здесь в глубине дворов, огороженных высокими глинобитными стенами. Узкие извилистые улочки между глухих стен были пустынны, из похожих на гробницы темных дворов ни звука не доносилось. Лишь гулкий цокот копыт их осла нарушал мертвую тишину. Ветер, шелохнув листву, донес до их слуха стук барабана и тонкий металлический звон.

Отец встревожился и снова принялся подгонять осла. Причину его тревоги Садриддин понял позднее: грохотом барабана и звоном треугольника ночные стражники — шагбарды, вооруженные палками, окованными железом, давали знать добронравным горожанам, что они могут спать спокойно — их охраняют. Подозрительные будут тут же задержаны и предстанут перед недреманным оком князя ночи.

Подозрительным считался любой, кто попадался им на пути в неурочный час: таких отводили в помещение миршаба, а на утренней заре выгоняли чистить печи в городских банях и лишь потом отпускали домой. То был законный порядок. Но нередко задержанному ночью на улице приписывали какое-либо преступление, и тогда вернуть свободу можно было лишь за немалую мзду. Того же, кто не мог или не хотел платить, упекали в тюрьму или сдавали в сарбазы — эмирские солдаты.

Наконец на фоне неба показались очертания, похожие на крепость медресе Мир-Араб, где жили братья Садриддина — родной и двоюродный.

Отец спешился, положил на землю переметную суму и повел осла в караван-сарай.

Только он скрылся во тьме, как стены медресе озарились мутным пляшущим светом, послышались голоса людей и гулкие удары, которые он принял было за барабан, но, когда зазвучали еще и зурны, понял — это бубны. Любопытство пересилило страх, и, взвалив на плечо суму, Садриддин пошел на звуки. За углом медресе его взгляду открылась выложенная каменными плитами небольшая площадь между медресе и соборной мечетью, освещенная пламенем костра и расставленных прямо на камнях плошек с маслом, в которых чадя горели тряпки. У костра сидели в ряд музыканты, перед ними пели и танцевали мальчики с фальшивыми косичками. Прибывавшая с каждой минутой толпа наверняка смяла бы и певцов и музыкантов, если бы ее не отгоняли от костра палками люди в коротких халатах. Отец объяснил, что это есаулы — личная охрана Абдулахад-хана, недавно вознесенного на белом войлоке на эмирский престол.

Абдулахад считал себя поэтом и подписывал свои стихи «Оджиз», что значило «бессильный» и вполне соответствовало поэтическому дару их сочинителя. Но тот, кому пришло бы на ум так истолковать эмирский псевдоним, рисковал головой. Эмир выбрал себе поэтическое имя из благочестия: мол, власть земная бессильна перед властью небесной. К тому же давать прозвище или брать себе имя по противоположности среди острых на язык бухарцев считалось признаком утонченности. К примеру, одного тучного проповедника, с трудом поднимавшегося на кафедру в мечети, весь город звал Тощим муллой. Абдулахад, видимо, хотел одной стрелой пронзить двух куропаток.

Зная пристрастие своих подданных к музыке и поэзии, он в подражание прославленным властителям прошлого собирал при дворе поэтов, музыкантов и ученых, где они увядали подобно вырванным из почвы растениям. Эмир был ревнив и держал их взаперти, как невольниц своего гарема-урды, и без высочайшего дозволения не смели они никому читать свои стихи, услаждать кого-либо своим искусством или посвящать в науки. Талантливые страшились этой эмирской милости, как смертельной напасти, а эмир не считал грехом привлекать ко двору неблагодарные таланты и силой.

Но чтобы ублажить своих подданных, останавливаясь в каком-либо частном доме, он устраивал гулянья с певцами и музыкантами попроще. Такое увеселение и увидел десятилетний Садриддин в свой первый приезд в Бухару.

Отец и сын вошли в главные ворота медресе Мир-Араб, свернули направо к узкой извилистой лестнице. Здесь стояла такая непроглядная тьма, что Садриддином овладел страх. Еле передвигая ноги, он поднимался по бес-

конечным ступеням на голос отца, пока не оказался на площадке.

Мурад-ходжа, как и положено воспитанному человеку, ногтем тихонько постучался в дверь.

Келья, где жили братья, звалась в медресе «обиталищем дивов». Она была расположена на верхнем этаже внутри угловой башни и не имела окна, а дверь открывалась в темную прихожую. На следующий день он увидел, что в высоченном куполе кельи есть отверстие, забранное решеткой, но и оно выходило не на улицу, а на еще больший купол мечети при медресе, который нависал над головой устрашающей черной бездной. Лишь в солнечный полдень через отдушину падало на пол пятно света величиной с плошку, сверкающее в полутьме подобно глазу во лбу сказочного чудовища...

Посреди кельи, как и у них в Соктари, стоял сандали — укутанный ватным одеялом низенький табурет над наполненным горячими углями углублением. На сандали горела тонкая бухарская свечка. Сейид Акбар сидел, засунув ноги под одеяло, а Мухиддин раскладывал плов по глиняным мискам.

— Асселям алейкум!

Братья почтительно склонились в ответ на отцовское приветствие, приложили руку к сердцу.

— Алейкум селям! Как мой отец? — спросил Сейид Акбар.

— Как матушка? — подхватил Мухиддин. — Не притомились ли вы, отец, в пути?

— Слава Аллаху, все хорошо.

Мухиддин проводил отца на почетное место лицом к двери, усадил за сандали и накрыл ноги одеялом, а сам сел спиной к выходу. Садриддин расположился напротив Сейида Акбара, по левую руку от отца.

Плов, которым Мухиддин принялся их потчевать, оказался на удивление жирным и ароматным, да еще с курицей!

— Откуда у вас куриное мясо? — спросил отец.

Старший брат промолчал. А Сейид Акбар-ходжа с довольной улыбкой, словно только и ждал вопроса, принялся рассказывать.

Сейид Акбар-ходжа был сверстником старшего брата, учеником медресе и одно время по просьбе отца даже учил Садриддина каллиграфии, то есть по всем нормам требовал почтительного к себе отношения, но Садриддин его недолюбливал. В свои десять лет он уже понимал, что двоюродный брат не отличается ни ученостью, ни талантом. Прописные буквы выходили у него вкривь и вкось. Тем не менее он кичился своей образованностью.

Из рассказа двоюродного брата выходило, что эмир Абдулахад, останавливаясь в чьем-либо доме, ввел, кроме гулянья, еще один обычай: разделял трапезу с учениками ближайшего медресе. Один из эмирских поваров появлялся в медресе и во все горло оповещал его обитателей: «Кто сварил плов, пусть несет к месту пребывания его величества!» Главный повар двора снимал со всех котлов пробу, отбирал лучший, остальные отсылал назад. Зато тому, кто сподобился чести угодить эмиру, наполняли котел пловом из эмирской кухни и жаловали вдобавок десять таньга.

Когда стало известно, что эмир остановился неподалеку от медресе Мир-Араб, во всех его ста сорока трех кельях принялись за варку. Не все ученики могли слишком часто позволить себе такую роскошь, как жирный плов, но тут в надежде на эмирскую милость залезали в долги к мясникам и бакалейщикам.

В тот вечер плов, сваренный братьями Садриддина, удостоился высочайшей чести: он был выбран из ста сорока трех пловов и поднесен эмиру. А тот, что они сейчас ели, был прислан из эмирской кухни.

Как только отец понял, в чем дело, он отставил миску. На скулах у него заиграли желваки. Садриддин испугался, что он прибьет братьев. Но отец молчал. После ужина он долго не ложился. Опустив голову на грудь и закрыв глаза, словно дервиш, предающийся медитации, он вздыхал, иногда поднимал голову, но тут же снова опускал ее, точно боялся, что не справится со своим гневом.

Сон быстро сморил утомленного дорогой Садриддина; он проснулся от того, что старший брат зажег свечу. Было еще темно, но отец уже собирался в дорогу.

— Вставай, Садри, поедешь со мной в кишлак. Не то привыкнешь здесь вместе с этими холуями вылизывать эмирские блюда.

Это было так неожиданно — ведь отец обещал ему показать город, сводить к любимому дяде-мулле,— что Садриддин заплакал. Долго умолял он хоть ненадолго оставить его в Бухаре погостить, и Мурад-ходжа наконец смягчился. Строго глядя ему в лицо, он сказал:

— Ну хорошо! Смотри только не уподобься вот этим! Не то не являйся мне на глаза!

Мухиддин поднял отцовскую переметную суму, чтоб отнести ее вниз, но Сейид Мурад-ходжа взял ее из рук сына. Вышел из медресе в сопровождении сыновей, забрал в караван-сарае осла и, не проронив ни слова, уехал.

Таков был Сейид Мурад-ходжа, да будет земля ему пухом!

Отцовский наказ запал Садриддину в душу. С годами отвращение к искательству стало чертой его натуры и помогло сохранить независимость духа среди всеобщего раболепия.

Все это верно. Но вот вопрос, который, конечно, не мог прийти в голову десятилетнему Садриддину, все чаще вставал перед ним сейчас, когда он был уже старше своего отца: откуда взялись эти взгляды у самого Сейида Мурада-ходжи? Почему он с такой брезгливостью отстранил миску с пловом, удостоиться которого полагали за честь ученые богословы и их ученики? Ведь отец был человеком глубоко верующим, а эмир как-никак считался не только светским властелином, но и главой мусульманской общины — имамом.

Сейид Мурад-ходжа знал грамоту, сам несколько лет учился в медресе и оставил его только по бедности. Читал наизусть стихи Джами, Хафиза, Бедиля. Впрочем, в Гиждуванском уезде или, как говорили в Бухаре, тюмене, да и в соседнем Вобкентском тоже, песни на стихи классиков распевали и неграмотные крестьяне. Было среди них немало и знатоков «шаш-макома» — классической системы народных ладов, разработанной еще музыкантами XIII века.

Сейид Мурад-ходжа и сам слагал стихи, хотя не считал себя стихотворцем. Когда его двоюродный брат Хидоят поставил в Соктари мечеть, он по всем правилам классической поэтики сочинил рубаи — четверостишие, в котором сообщалась дата постройки.

> Хидоят-хон прославлен мастерством.
> Непревзойден он в зодчестве своем.
> В «год курицы» мечеть построил эту.
> Дай курице его «воды с зерном».

В Бухаре народ вел счет времени по 12-летним циклам, где год обозначался именем животного. Год курицы шел десятым. Но этого было мало, чтобы определить дату. Каждая буква арабского алфавита одновременно могла обозначать и цифру — согласно ее порядковому номеру в алфавите. Эта система счета называлась «абджад». Слово «мург» — курица — по абджаду равнялось числу 1240; прибавив «обудана» — «воду и зерно», получали 1303. Таков был год постройки мечети по мусульманскому летосчислению[1]. Счету абджад Сейид Мурад-ходжа обучил Садриддина, когда тот еще не умел и читать.

Что касалось шариата, отец мог утереть нос самому мулле. Сейид Мурад-ходжа, хоть и был простым крестьянином, вел свое происхождение от древнего рода соктаринских ходжей. Ходжа — по-арабски означает «хозяин». Когда арабский полководец Кутейба ибн Муслим в начале VIII века огнем и мечом утвердил власть халифа в долинах Кашкадарьи и Зеравшана, он повелел местным жителям выделить половину домов для постоя арабских воинов, чтоб они могли следить, не уклоняются ли туземцы от предписаний ислама, не грешат ли прежними заблуждениями. Этих воинов, которые жили в их домах, бухарцы обязаны были не только поить и кормить, но вдобавок почтительно именовать «ходжами». Со временем они растворились среди местного населения, усвоили его язык, но звание «ходжей» закрепилось за потомками арабских завоевателей, и они продолжали пользоваться особым почетом. В какой бы бедности ни пребывал «ходжа», он мог жениться на любой женщине, но свою дочь никогда не выдавал за «неходжу».

Но Сейид Мурад-ходжа, как видно из его имени, был еще и сейидом — потомком самого основателя ислама — пророка Мухаммеда. В правоверной Бухаре сейидство было столь уважаемо, что эмир Абдулахад, тоже числившийся в потомках пророка, на вопрос одного из чиновников русского царя, отчего он ставит слово «сейид» впереди всех своих имен, титулов и званий, отвечал: «Эмиром я могу быть сегодня, а завтра меня могут свергнуть, и я окажусь в ничтожестве. Но звания сейида у меня никто не отнимет, ибо оно родовое». Впрочем, претендентов на звание потомка Мухаммеда в Бухаре находилось столько, а генеалогия была так запутана, что при последних эми-

---

[1] Мусульманское летосчисление начинается с 622 г., когда состоялось переселение пророка Мухаммеда из Мекки в Медину — хиджра.

рах глава мусульманского духовенства шейх-уль-ислам ничем другим, кроме разбора жалоб и претензий на сейидство, не занимался.

Словом, родовитостью Сейид Мурад-ходжа мог считаться выше самого эмира, ибо тот, будучи сейидом, все же происходил не от первых в Средней Азии мусульман-арабов, а из узбекского племени мангыт, принявшего ислам на несколько веков позднее. Между тем Мурвд-ходжа никогда не хвалился своей родословной, напротив, зло высмеивал тех, кто родовитостью и званиями пытался прикрыть свое ничтожество, подлость и корыстолюбие. Он ненавидел официальное духовенство: раисов, деревенских имамов и особенно казиев, осуществлявших именем шариата судебную власть. Их он считал нечестивыми посредниками зла и был убежден, что они не минуют ада.

В праздничный месяц поста рамазан бедные ученики бухарских медресе мечтали отправиться в какое-либо селение, где не было имама или учителя, чтобы давать уроки, а в конце месяца получить от крестьян за труды немного денег и подарки. Но для этого нужно было сподобиться благоволения казия, ибо направить в кишлак учителем или муллой мог только он.

Старший брат Садриддина учился в Бухаре вместе с сыном одного из казиев. Однажды в рамазан он зашел к нему вместе с товарищами и, очевидно, приглянулся отцу соученика, потому что получил на месяц место учителя в кишлаке.

Как дошла эта весть до Сейида Мурада-ходжи, неизвестно, но она вывела его из себя. Придя домой, он попросил шурина тут же поехать в город за Мухиддином.

— Я и сам бы поехал, да боюсь позора! Не дай бог, отколочу его при муллах.

Когда через три дня Мухиддин вошел в дом и почтительно склонился в приветствии, отец вместо ответа схватил спрятанную под сиденьем палку. Еле его успокоили.

Совладав с собой, Сейид Мурад-ходжа сказал:

— Казии — свиньи, всюду вынюхивают падаль, сами жрут и другим скармливают. Ученик медресе, который ест из их рук, становится свинским отродьем. Хочешь быть человеком — довольствуйся черствой лепешкой, что я тебе даю, и миской воды. А нет — между нами все кончено, быть отцом свиньи не желаю.

Один из казиев был родом из Соктари. Вместе со своим потомством он владел едва ли не половиной земли, находившейся в частных руках, драл с батрачивших на него бедняков три шкуры и помогал эмирским чиновникам грабить крестьян.

Все тяжбы и споры разбирал опять же казий, разумеется, в пользу богатых, взимая с народа мзду за каждое решение, скрепленное его печатью.

Не трудно догадаться, отчего в кишлаке терпеть не могли казиев. Женщины между собой иначе как адским топливом их не называли, по их словам, дым от горящих в аду казиев усиливал жар адского пламени.

Почтение, каким были окружены сейиды и ходжи, быть может, помогло Сейиду Мураду сохранить голову на плечах, несмотря на крамольные мысли, которые он, как человек вспыльчивый и прямой, не стеснялся высказывать вслух. Но понять, откуда у него такие взгляды, это не помогало.

Очевидно, ответ нужно было искать не в его происхождении, а в жизни, в самом кишлаке Соктари.

Расположенный в одном фарсанге от Гиждувана, неподалеку от реки Зеравшан, Соктари утопал в зелени фруктовых садов. Щедро орошаемые водами канала Мазрангон, его земли были едва ли не самые благодатные в Бухарском эмирате. Не зря Зеравшан означает «осыпающий золотом» — его воды позволяли выращивать на соктаринских землях все — от пшеницы и риса до овощей. Но большинство крестьян или вовсе не имели земли, или имели ее так мало, что вынуждены были, дабы прокормиться, подрабатывать ремеслом — ткать, плотничать, резать по дереву. Не посвященные в мастерство батрачили или же брали землю исполу, за четверть урожая, и потому назывались чайрикерами — «четвертниками».

Коренным населением считались таджики и соктаринские ходжи. Потомками арабских колонистов числились и выходцы из Гиждувана и иранского города Мешхеда. Таджики обрабатывали эмирские земли, узбеки из Ургенча занимались мелкой бакалейной торговлей. А специальностью ходжей было чтение исцелительных молитв.

Соктари славился также заклинателями дивов и прочей нечистой силы. Сюда привозили сумасшедших — их лечили не только молитвами, но и плеткой. Соктаринские ходжи помоложе разъезжали со своими заговорами и заклинаниями по всему эмирату и наведывались домой раз в две-три недели.

В отличие от многих других селений в Соктари зимой и летом была открыта школа. Имелось даже небольшое медресе при мечети.

Учить детей считалось делом богоугодным. И крестьяне всеми силами старались отправлять своих сыновей на учебу в Бухару. Но курс обучения продолжался там 18—20 лет. Немногие выдерживали — кто из-за бедности, кто из-за неспособности к ученью. Они возвращались в деревню недоучками, становились полуграмотными кишлачными муллами или заклинателями да знахарями.

Как-то в полдень десятилетний Садриддин сидел на берегу Мазрангона. День был душный, земля курилась зноем, деревья стояли оцепенелые — листик не шелохнется. Канал обмелел. Но рядом с его мутной водой, в тени вековой чинары все же дышалось легче.

С другой стороны канала на взмыленной лошади подъехал серый от пыли всадник, в котором Садриддин с трудом узнал Махмуда из рода мешхедских ходжей. В детстве он выучил Коран, и потому к его имени добавлялось почтенное звание кори — чтец.

Садриддина одолело любопытство: куда это он ездил в такую жару? Когда Кори Махмуд отвел лошадь во двор и вышел к каналу умыться, Садриддин не удержался и спросил его об этом.

— В дальний кишлак. Хоронил моего больного, — ответил Кори Махмуд, натирая руки мыльным корнем.

— Выходит, родные покойного не рассердились, что ваши молитвы не помогли, и пригласили вас на похороны?

Кори Махмуд кинул на него веселый взгляд и промолчал.

Умывшись, перешел через канал по мостику и присел рядом с Садриддином под чинарой.

— Люди достойны удивления, сынок. Если больной поправляется, верят, что я помог, и одаривают подарками. Если умер, говорят: «Бог взял» — и зовут на похороны, угощают поминальным пловом. Мулле дают аршин бязи с погребальных носилок, мне снимают штуку кисеи, а несчастных омывальщиков мертвых, хотя они ни в чем не виноваты, на похороны не пускают — приносят, мол, несчастье. Никто тебе этого, кроме меня, не скажет. Как говорится, ни один араб не признается, что его пахтанье прокисло. Запомни, сынок, тебе пригодится: ты ведь тоже из рода ходжей.

Откровенность Кори Махмуда действительно сослужила Садриддину хорошую службу. Она помогла ему понять, отчего отец презирает заклинателей духов — ишанов, которые заявляют о своей связи с небесными силами, собирают вокруг себя последователей — мюридов, чтобы те на них работали в надежде на заступничество, если приключится беда. Отец называл их обманщиками, хотя сам верил в существование оборотней и дивов.

Неподалеку от отцовской усадьбы высился поросший густым колючим кустарником холм со множеством могил и большой пещерой. Этот холм считался священным местом—мазаром, о нем рассказывали всяческие легенды. Говорили, что в пещере живет див — семиголовый дракон. Ночью, когда все спят, он, мол, выползает к Зеравшану на водопой, по пути глотая живьем всех, кто попадется навстречу. Опускает одну челюсть до дна, а вторую держит на поверхности и перекрывает воду, пока не напьется. Боится же див только ветра и, когда он задует, начинает стенать и выть.

В самом деле, по ночам с холма доносились странные звуки, похожие на плач.

Однажды осенью мать с братом уехала погостить к родным в Махаллои Боло, и они остались с отцом одни. Под вечер Сейид Мурад-ходжа вышел в сад, а Садриддин, расстелив поудобней циновки, улегся на глинобитном возвышении — суфе, где пили чай, принимали гостей, а в жаркие ночи спали, и размечтался об ослике, которого ему давно хотелось заполучить. Темнело. Остророгий месяц нырял в бегущие облака. Тени деревьев сгустились, придвинулись к дому. В лунном свете Садриддину привиделся хорошенький серый ослик. Вдруг его очертания исказились, ослик превратился в человека о семи головах, и тень его росла с каждым мигом. Садриддин завопил во весь голос. На крик прибежал отец.

Когда, успокоившись, Садриддин рассказал ему, в чем дело, отец рассмеялся.

— Не бойся! Человек выше и сильней всех творений Аллаха на земле! Никакой див не может причинить ему зло. Шейх Джами, ученый и поэт, писал: «Не бойся дива, он вреда не причинит, а бойся людей дивоподобных». Шейх Джами знал, что говорил.

— Что же это за дивоподобные люди, где они обитают?

— Повсюду. В Соктари ими пруд пруди. Пугают народ всякой нечистью, а потом пишут заговоры да молитвы — они, мол, эту нечисть отгоняют, берут за это деньги, наживаются на обмане.

— А как же вой и плач на холме?

— Плачут в кустарнике шакалы, ты их видел. А как получается вой, завтра пойдем поглядим с тобой вместе.

Назавтра, прежде чем идти на холм, Сейид Мурад-ходжа поставил перед сыном пустой кувшин:

— Дунь в него!

Садриддин дунул. Послышалось гуденье.

У входа в пещеру отец объяснил:

— Ветер в тысячу раз сильней твоего дыхания, а пещера куда больше кувшина. Вот почему, когда ветер загонит в нее воздух, раздается громкий вой.

С того дня Садриддин перестал бояться и темноты и одиночества. Побившись об заклад с соседскими мальчишками, как-то даже отправился на мазар ночью и в доказательство воткнул среди кустарника свой ножик.

Логика отца и слова великого Джами навсегда избавили его от страха перед оборотнями и дивами. Но лишь десятилетия спустя он понял: обилием ишанов и заклинателей и необычным для Бухарского эмирата распространением грамотности, как это ни кажется странным, его родной кишлак обязан одному и тому же источнику.

Соктари издавна был центром дервишского ордена Кубравия, основанного одним из самых прославленных проповедников суфизма — шейхом Наджмаддином Кубра. Он родился и жил в Хорезме, у стен которого и погиб, выйдя 3 июля 1221 года на бой с монгольскими завоевателями. Однако проповеди и основанный им орден остались жить, и влияние их вышло далеко за пределы родного края. Среди его учеников были такие подвижники и мужи науки, как «Султан Улемов» — отец великого поэта Джалаледдина Руми, проповедник и стихотворец Маджаддин Багдади, поэт и ученый Фаридаддин Аттар и многие другие, разнесшие его славу по самым отдаленным уголкам мусульманского мира.

Шейхи Кубравии отрицали предопределение и признавали человеческую волю совершенно свободной, а каждого человека — ответственным за все его поступки. Тем самым они сводили роль бога к механическому распределению воздаяния за зло и добро. Соктаринские наставники этого ордена отличались смелыми для своего времени рационалистскими воззрениями. Так, шейх Мухаммед Хусейн писал, что всякая вещь в мире подчинена закону развития и изменения, проходит через определенные стадии, обнаруживая на каждой ступени новые качества и свойства... Развивая суфийское учение о справедливости, шейхи Кубравии с особой строгостью различали дозволенное — хелал и недозволенное — харам. Всякое даяние носителя власти суфии полагали безусловно запретным, ибо его богатство было приобретено насилием. Дозволенным они считали лишь то, что добыто честным личным трудом.

Одним из последних знаменитых шейхов Кубравии в середине XVII века был Мир-Хюсейн-бен-Мевляна Паенде из Соктари. Призванный в Бухару для участия в публичном диспуте, он сразил своей логикой прибывшего из Ирана Мевляну Юсуфи Карабегия, по словам летописца, «не имевшего себе равных в умозрительных науках философа и астронома с обкусанной бородкой», — и тот признал шейха своим наставником. Став пламенным приверженцем ордена Кубравия, Юсуфи Карабегий сочинил дошедший до нас «Трактат о сокрытом», где развил суфийское учение о человеке и пришел к весьма радикальным выводам. Он был убежден в познаваемости земного мира, который получает отражение в мозгу человека посредством зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. И говоря о духовной сущности человека, писал: «Береги свое сердце — оно величественнее и лучше тысячи Кааб» [2].

Хотя цели соктаринских шейхов вели в потусторонний мир, их воззрения вобрали в себя многие нравственные принципы трудовых низов, в особенности ремесленников.

...Садриддин вдруг поймал себя на мысли, которая показалась ему столь неожиданной, что он удивленно оглянулся по сторонам, точно кто-то рядом произнес ее вслух.

Все было по-прежнему во внутреннем дворике, окруженном высокими стенами. Лишь солнце успело подсинить бездонное самаркандское небо да явственней стал шум просыпавшегося для нового дня города.

Мысль, которая пришла ему в голову, нужно было хорошенько обдумать. Но прежде следовало привести себя в порядок.

Он пошел к умывальнику. Тщательно вымыл красным туалетным мылом руки до локтей, шею. Сполоснул лицо.

Вернувшись на айван, поднял синий стеганый колпак, пощупал оставленный ему с вечера фаянсовый чайник с зеленым чаем. Как обычно, ему с вечера был оставлен завтрак, завернутый в пеструю салфетку и подвешенный на металлической цепочке, чтоб не достали кошки. Он снял салфетку с крюка, развязал ее. В тарелке, кроме куска супового мяса и вареной репы с морковью, лежали два крутых яйца.

Взгляды Сейида Мурада-ходжи, служившие ему единственной опорой, покуда ветер свободы не развалил стены духовной темницы, в которой был заключен его народ, те нравственные принципы, которые отец сызмальства внушал своим сыновьям, во многом совпадали с заповедями наставников Кубравии минувших столетий. Вот что пришло в голову Садриддину.

В самом деле, основатели общины скрупулезно следовали принципам «ризки хелал» — учению о дозволенном пропитании. Не потому ли отец с презрением отверг эмирский плов и чуть было не отколотил палкой Мухиддина, когда тот принял подачку от казия. Старые шейхи Кубравии утверждали, что человек — высшее из творений Аллаха на земле. И отец почти буквально повторил их слова, когда учил Садриддина не бояться дивов и оборотней, сославшись при этом на Джами, который тоже был суфийским шейхом.

Старые шейхи Соктари славились рационализмом. И Сейид Мурад-ходжа всегда старался истолковать явление, которому окружающие приписывали сверхъестественный смысл, с помощью логики и прямо-таки научно объяснил сыну, отчего из пещеры слышится вой.

Основатели ордена Кубравия вопреки ортодоксальному исламу считали волю человека свободной. И отец учил сыновей отвечать за каждый поступок, не уповать и не сетовать на предопределение, а полагаться на разум и труд.

Согласно учению о «ризки хелал», дозволенным считалось лишь то, что добыто честным трудом. Сейид Мурад-ходжа, всю жизнь кормившийся трудом своих рук, больше всего на свете страшился, как бы ненароком не присвоить плоды чужого труда. Он не считал себя при этом праведником и презирал заклинателей и ишанов, которые без конца повторяли какую-либо суру Корана, сидели по сорок дней в темноте, кричали, вопили и вертелись, утверждая, что таким образом достигают слияния с божеством и молитва их будет услышана в высшем мире. Они повторяли слова старых шейхов о познании и созерцании, но понимали в этом столько же, сколько обезьяна, повторяющая движения плотника, понимает в плотницком мастерстве. Изречения древних превратились в их устах в бессмысленный набор слов. Цель у них была одна — привлечь к себе как можно больше невежественных, суеверных людей, записать их в число своих мюридов, то есть вручивших им свою волю, чтобы пользоваться влиянием и властью, получать дары и подношения и заставлять их безвозмездно работать на себя, жертвовать земли и имущество. Вот из-за чего ишаны без конца грызлись между собой. Один говорил: «Сегодня ночью во сне я поверг ниц такого-то», — называя ишана-соперника. «Вчера я в мыслях уничтожил такого-то», — имея в виду человека, который не верил в его сверхъестественные способности, что, по мнению ишана, было смертным грехом.

Власти и казенное духовенство обирали народ силой, а ишаны и заклинатели — обманом, пользуясь бесправием и невежеством. Вся разница состояла в том, что подношения им делались как бы добровольно, и это скрывало грабительскую сущность их «святости». Потому-то Сейид Мурад-ходжа и называл их дивоподобными людьми.

[2] Кааба — священный храм в Мекке, главная святыня мусульман, и с точки зрения правоверного богословия утверждение Карабегия звучало неслыханным святотатством.

Мысль о том, что нравственные принципы Сейида Мурада-ходжи и безнравственность ненавистных ему ишанов уходили корнями в одну и ту же почву, бесспорно содержала противоречие. Но то было противоречие истории.

Протест городских низов против насилия феодалов принял в суфийской доктрине религиозную форму. Иначе и быть не могло. В средние века чувства масс были вскормлены исключительно религиозной пищей, и потому их собственные интересы неизбежно облекались в теологические одежды. Но это обусловило и начавшееся в средневековье вырождение суфийского движения в ишанизм — самое черное и невежественное сектантство. Из протеста против насилия суфизм превратился в орудие этого насилия.

Впрочем, многие ли идейные движения прошлого, сохранив свою форму, уберегись от подобной участи? Повторять слова учителей вовсе не означает блюсти верность их принципам. От неумеренного повторения слова со временем утрачивают смысл, подобно тому, как на старой, долго ходившей по рукам монете стирается указанная на ней стоимость. В беспрестанно меняющемся мире простое повторение таит в себе измену.

Он очистил от скорлупы лежавшее на тарелке яйцо. Разрезал ножиком его голубоватую белизну, обнажив яркую свежесть желтка.

Взять хотя бы это яйцо. Пролежи оно десятки лет в земле, что могло бы от него сохраниться? Разве что скорлупа. Но расколи ее, и в нос ударит зловоние.

Он отодвинул от себя тарелку. Взял чайник, пиалу и пересел на диван к рабочему столу.

Вплоть до двадцатого столетия длились в Бухаре средние века — то было средневековье, так сказать, заповедное, отгороженное от мира горными хребтами и пустынями и самой прочной из преград — стеною фанатичной нетерпимости.

Казалось, стена должна была рухнуть после того, как воинство эмира было разбито солдатами русского царя, но, превратив Бухару в колонию, царь силой своего оружия лишь помог укрепить пошатнувшуюся было эмирскую власть: она позволяла без лишних хлопот и расходов вывозить из Бухары ее богатства — каракуль, шелк, хлопок — и беспрепятственно сбывать там товары русских промышленников.

Для удобства грабежа колониальные власти проложили железную дорогу и телеграф, учредили торговые конторы и банки. Эмир не в силах был противиться приказам из Петербурга, но постарался отгородиться от «дьявольских новшеств» полосой отчуждения. И не зря: против воли тех, кто их насаждал, они стали тем ручьем, что исподволь подточил устои заповедного бухарского средневековья.

Не одно столетие продолжался упадок Бухары. Если в начале второго тысячелетия здесь творили великолепные поэты и среди них Рудаки, историки Наршахи и Белами, Ибн Сина, по «Канону» которого училась медицине средневековая Европа, то в конце тысячелетия о том, что в Бухаре некогда преподавали медицину, свидетельствовало лишь название медресе «Дор-уш-шифо» — «Дом исцелений», а учащиеся в нем годами изучали толкования толкований комментариев на комментарии Корана.

Некогда величественные постройки пришли в запустение. Казалось, все творческие силы народа замкнулись и окостенели.

Но в замкнутости этой таилась и другая сторона. Ничтожным было число действительно ученых людей, не запятнавших свою совесть корыстью и холуйством. Но они хранили остатки древних знаний, давно утраченных в иных краях. Не иссякло в Бухаре мастерство умельцев, исчезнувшее в странах, развивших промышленность и новую науку. Устоды — мастера по-прежнему были объединены в ремесленные братства: у каждого свой писаный устав-рисоля, излагавший предания, обряды и церемонии, правила и нравственные нормы, за нарушение которых полагалось немедленное изгнание из цеха. Эти ремесленные цеховые братства, некогда породившие суфийское движение, и после вырождения его в ишанство сохранили немало из принципов и философских максим, добытых его лучшими умами. Вот это воистину достойно было удивления.

Из поколения в поколение род Садриддина, возделывая землю, занимался и ремеслом. Как только управлялись с урожаем, Сейид Мурад-ходжа становился за ткацкий стан в специальной пристройке из сырцового кирпича во внутреннем дворе. Изготовлял он и хлопчатобумажную ткань — карбос, из нее шили для всей семьи подкладку на одеяла и тюфяки, наволочки, скатерти и пестрядь — она шла на халаты, рубахи и штаны. А цветная ткань — алача на верх и подкладку для ватных халатов. Краску для нее Сейид Мурад-ходжа тоже делал сам: желтую — из живокоста, черную — из гранатовых корок, красную — из марены. И только оливковую и синюю покупал у красильщиков — для них требовалась индиго, которая потому так и называлась, что привозили ее из Индии.

Но ткал он только для домашних нужд. А на продажу выделывал из дерева мельничные колеса. Плотницкое ремесло по традиции считалось главным у сoктаринских ходжей.

Дед Садриддина славился на всю округу как мастер вытачивать из цельных стволов карагача резные столбы для айванов в жилых домах и мечетях.

Когда в одном из бедных кишлаков соседнего тюменя обрушилась мечеть, он починил ее и так украсил, что не стыдно было поставить на одном из столбов свою метку: «Сработано Сейидом Омаром ходжой Соктаринским». В селении не было ни одного грамотного. Плотник, умеющий писать, произвел такое впечатление, что весь кишлак собрался, чтобы попросить его стать имамом в той самой мечети, на которой он расписался, «дабы по его благодати» и у них появились грамотные люди. Дед согласился лишь после того, как узнал, что это не помешает ему по-прежнему заниматься ремеслом. В тамошних краях, не то что в Соктари, плотники требовались всегда.

Селение, в котором дед Садриддина обновил мечеть, называлось Махаллои Боло. А дочь человека, у которого он поселился, — ее звали Завара — стала женой Сейида Мурада-ходжи и матерью Садриддина.

В одном дворе с семьей Сейида Мурада-ходжи жил его двоюродный брат. Родители нарекли его Хидоятом, но все соктаринцы звали его Усто-амак — «дядя-мастер». Он и правда был мастером на все руки: столяр и плотник, резчик по дереву и рисовальщик. По заказу штукатуров, красильщиков тканей и гончаров он рисовал орнаменты. Он иглой выкалывал узоры на бумаге, а потом ее прикладывали к глине или ткани, посыпали угольной пылью и затем, сняв бумагу, раскрашивали образовавшиеся рисунки.

Часами мог смотреть Садриддин, как Усто-амак, сидя у себя на айване, мастерил двери. Двери были предметом особой заботы и гордости каждого хозяина в долине Зеравшана. Не только те, что вели в дома или комнаты, но даже двери в сарай или хлев украшались прекрасной глубокой резьбой.

Дядя умел так отполировать крепкие, как железо, карагачевые доски, что в них, хоть и чуть мутновато, но отражался весь окружающий мир. Затем он наносил узоры, тонкие и изящные, будто выведенные кисточкой, а не стальными стамесками. С Садри он обращался как со взрослым, подробно отвечал на его вопросы, достав из кожаной папки образцы узоров — их у него было множество, — объяснял, как каждый называется, какие он придумал сам, что внес в них нового.

— Усто-амак, у кого вы научились своему искусству? — спросил однажды Садриддин.

— Твой отец и твой дядя тоже мастера. Были ими и деды наши, и прадеды. Перенимали друг у друга, насколько хватало способностей. Я тоже научился плотничать, глядя на работу своего деда, а дальше пришлось выдумывать самому. Первые узоры для резьбы я снял с могильных камней возле нашей мечети, а уж потом стал сочинять, по своему разумению, новые. Лишь тот подмастерье хорош, который умеет дополнить искусство учителя. Если бы все только повторяли добытое прежними мастерами, искусство давно бы перевелось.

Быть может, Усто-амак так серьезно разговаривал с племянником потому, что собственные сыновья не оправдали его надежд. Садриддин слышал, как он жаловался отцу:

— Мой старший, Сейид Акбар, считает ремесло для себя зазорным. Младший еле выучился читать, а ремеслу и вовсе не желает учиться. Не зря его у нас прозвали Парвардигором. Станет муллой-недоучкой, и выйдет не мулла и не человек, а просто осел.

— Уж лучше быть просто ослом, чем муллой! — откликнулся отец.

Усто-амак и Сейид Мурад-ходжа были близки не только по крови: их объединяли и отношение к людям, и общие мысли и убеждения.

«Права учителя, даровавшего свет, больше прав отца, даровавшего жизнь». Когда Садриддин Айни привел это правило в своей первой книге «Воспитание юношества», написанной для первой в Бухаре новометодной таджикской школы, он думал о них обоих, сумевших

передать ему лучшее из того, что сохранил на многотрудном историческом пути его народ. Их отношение к мастерству, их взгляды на жизнь стали тем первым светом, без которого он был бы слеп, как котенок.

И в это весеннее утро 1948 года, сам уже старик, он с сыновней благодарностью и благоговением обращался мыслью к этим людям, чей прах давным-давно истлел в земле, но которые были живы, покуда жив он сам, и, если хватит у него сил свершить задуманное, быть может, будут живы и после него.

Сколь многих на спине земли мы почитаем живыми, а они мертвы, и сколь многих во чреве земли мы считаем мертвыми, а они живы. Так, кажется, сказал один из старых мудрецов, которого сам шейх Наджмаддин Кубра почитал среди своих наставников.

Садриддин налил чаю в пиалу и, не спеша глотая обжигающую светло-желтую влагу, принялся наводить порядок на своем рабочем столе, перед которым сидел, поджав под себя ноги. Он разобрал заметки, испещренные арабской скорописью.

В 1935 году во время перестройки самаркандского дома, в новой комнате, которую дети на русский лад называли кабинетом, поставили большой письменный стол с тумбами. За ним он принимал гостей. Но работалось ему лучше всего в старой мехмонхоне. На ее потолке он видел злоключения всех героев своих книг. Не мог он их покинуть, как не мог отказаться от собственных детей.

К какому-то юбилею ему преподнесли письменный прибор из мрамора, похожий на гробницу. Пускай себе стоит на новом столе. Он пользовался старой стеклянной чернильницей — она свободно умещалась на коленях — и школьной деревянной ручкой с прямым стальным пером.

Покончив с чаем, он выложил тряпицу из темной байки, которой вытирал перо, и перочинный ножик для подчистки — перечеркиваний и помарок он терпеть не мог. Пересчитав листы белой бумаги, он аккуратно выровнял их перед собой тоненькой стопкой. Бумагу он расходовал бережно. Когда-то в старой Бухаре она была недешева для его тощего кошелька, а после революции сначала и вовсе исчезла из продажи. На первую рукопись, которую он закончил, перебравшись в Самарканд,— «Историю эмиров мангытской династии» — пошли узкие длинные полосы разноцветных типографских обрезков.

Он взял в руку выдолбленную тыквочку, украшенную узорными разводами и до блеска отполированную его ладонями. Вытащил резиновую пробочку с бахромой, высыпал на ладонь щепоть зеленого табака — «наса» — и отправил ее под язык.

Взял чистый лист, вывел заголовок: «Отец». Отложил в сторону. Написал на другом листе «Усто-амак». И задумался.

О противоречиях истории легко рассуждать, когда они стали далеким прошлым. Но тем, чью собственную жизнь они переломили пополам, превратили бывших друзей во врагов, старые истины в ложь, неспособность к изменению в измену, тугодумие в преступление, не просто рассудить, где тут судьба, где тут вина, а где закономерность.

Он ненавидел духовенство, потому что знал его, пожалуй, лучше, чем кто-либо. И немало сделал, чтобы суть этого сословия стала бы ясной всем. Так стоит ли теперь, пускай он трижды прав, говорить о том, что шейхи Кубравии или какие-нибудь другие, которые были хоть неофициальным, но все же духовенством, в своих еретических по отношению к исламу воззрениях когда-то выражали народный взгляд на мир, облекая его в религиозную форму?

То, что изжито для тебя, нередко кажется изжитым и для других. Но и теперь еще кое-где по кишлакам ишаны да заклинатели морочат людям голову. Ведь кто-то же им верит. Не будет ли он в таком случае неправильно понят?

Положим, тех, кто мог бы его неправильно понять, можно переубедить, хотя бы и пришлось для этого сочинить специальную научную работу. Но вот беда, коль ложно истолкуют. Тут наука бессильна, он знал это по собственному опыту...

О чем писали русские газеты и журналы в январе 1878 года

Мезенцы (жители Мезенского уезда Архангельской губернии. — **Ред.**) по отношению к церкви вообще, можно сказать, нерадивы. Войдите вы в церковь в воскресный или праздничный день, вы увидите там чиновников, купцов, детей, женщин и, по счету, мезенских мещан,— взрослые и старые редко, очень редко бывают в церкви, а многие и совсем не бывают. В этом нерадении к церкви проглядывает какая-то религиозная индифферентность: «а что, в церковь идешь?» — спросишь знакомого мезенца, идя в церковь; «а чего я там не видел?» — слышится в ответ... Для него, кажется, не существует день воскресный или праздничный,— он не стесняется работать и в эти дни, как в будни. На замечание ваше, что грех, мол, работать в праздник, в ответ непременно услышите: «когда и поработать, как не в праздник!» И действительно, здесь некоторые работы откладываются исключительно на праздник...

Такое нерадение мезенцев к церкви заметно отражается и на поразительной бедности мезенских городских церквей... К заявлениям местного священника о таковой бедности храма мезенцы относятся совершенно равнодушно, как будто это не их дело... Не лучшее отношение мезенцев и к местному духовенству... Где же кроется причина такой индифферентности мезенцев ко храму божьему и служителям его? По нашему мнению, причина такого холодного отношения к церкви и духовенству кроется в далеком прошлом, занесенном сюда первыми поселенцами — по большей части зараженными разными ересями и расколом.

«Гражданин»

...Съезды (волынского духовенства. — **Ред.**) представляли собой собрания людей, желающих повидаться с родными и знакомыми, поговорить о домашних делах, покричать, показать себя и т. п., а потому нередки были такие явления на съезде, что при вотировании какого-нибудь вопроса члены съезда положительно не знали, о чем идет речь, и если произносили свое «да» или «нет», то потому что надобно что-нибудь сказать.

«Голос»

В первых числах ноября прошлого года в тифлисское политическое управление была представлена двадцатирублевая фальшивая бумажка, которую бывший служитель монастыря хотел сбыть в городе. Утром, 28 ноября, в окруженном солдатами оропсимском монастыре, находящемся вблизи эчмиадзинского, были произведены следствие и обыск. Следствие показало следующее: в октябре 1876 года были перевезены из Тифлиса в оропсимский монастырь две машинки для изделий фальшивых ассигнаций трехрублевого и двадцатирублевого достоинства. Перевезли их какой-то армянин Констан и русский Емельянов по предварительному соглашению с настоятелем этого монастыря Овакимом, монахом, еще молодым, низенького роста с лукавым взглядом и вечно укутанным в ризу лицом. Емельянов, который хотел оставить монастырь, за несколько дней до открытия преступления был убит монахами и зарыт во дворе. Во время обыска найдены в монастыре, за исключением станков, 90 штук двадцатипятирублевых бумажек, несколько трехрублевых и около восьми пудов хорошей почтовой бумаги для печатания ассигнаций. В начале еще следствия настоятель, признаваясь во всем чистосердечно, вытащил из сапога пучок новых бумажек двадцатипятирублевого достоинства. Настоятель монастыря вместе со своим соучастником монахом Авсатуром преданы гражданскому суду.

«Пчела Армении»

Кадры из фильмов:
«Поезд».
«Этого нельзя забыть».
«Дороги жизни».

Имя польского режиссера Ежи КАВАЛЕРОВИЧА давно и хорошо известно в нашей стране. Созданные им фильмы «Целлюлоза» («Дороги жизни»*), «Под фригийской звездой», «Тень» («Кто он!»), «Настоящий конец большой войны» («Этого нельзя забыть»), «Поезд» («Загадочный пассажир»), «Мать Иоанна от ангелов», «Фараон» с успехом шли на советских экранах, давая нередко повод для интересных и плодотворных дискуссий. Однако в последние годы в творчестве режиссера наступила продолжительная, затянувшаяся на шесть лет пауза: только сейчас после долгого перерыва на экраны Польши выходит его новый фильм «Смерть президента».

Это интервью с режиссером было записано в дни X Международного кинофестиваля в Москве по горячим следам только что завершенной работы:

"Меня интересуют проблемы веры..."

Ежи КАВАЛЕРОВИЧ

— Эти шесть лет я ничего не снимал, потому что у меня не было замысла, который был бы интересен для меня самого. Вымышленные сюжеты меня больше не привлекают. Мне хотелось сделать картину, которая рассказала бы правду об эпохе. Я сделал современную картину, действие которой происходит в прошлом.

Я собрал обширнейшую документацию, связанную с обстоятельствами гибели первого польского президента. Мне ничего не пришлось дописывать в этой истории. Все, что говорят герои фильма,— подлинные, документально зафиксированные тексты. Я отказался от всех привычных драматургических схем. С самого начала зритель знает, что президент будет убит, так что напряжение картины строится не на ожидании развязки. В фильме нет и любовной истории: все герои — мужчины, женщин нет вовсе. Но хотя в картине нет внешней динамики, нет занимательного сюжета, она все равно построена на неослабевающем внутреннем напряжении — напряжении политических правд, которые отстаивают герои.

Габриель Нарутович, который представляет в картине демократию, либерализм, прогресс науки, был президентом всего считанные дни. Его выбрали 9 декабря 1922 года, а 16 декабря он был убит. Причем реально президентская власть была в его руках и того меньше: в четверг Пилсудский передал ему государство, в пятницу был его первый рабочий день на президентском посту, а в субботу он поехал открывать ежегодную художественную выставку, где и был убит.

В этой картине я стремился дать анализ всех тех сил, которые всегда сталкиваются в борьбе за власть. И хотя все они выдвигают лозунги свободы и демократии, смысл, который вкладывается в эти слова, нередко бывает диаметрально противоположным. Здесь нельзя было ни коснуться и многих сопутствующих проблем: той роли, которую сыграла в этих событиях церковь, а также роли нацменьшинств, которых в то время в Польше было восемь миллионов из 30-миллионного населения. Именно голоса этих меньшинств привели Нарутовича на пост президента, к которому он лично никак не стремился.

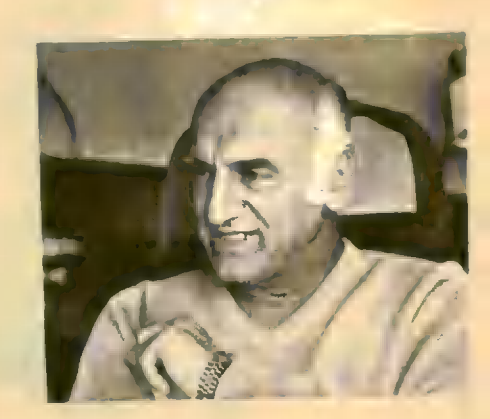
Он был гениальным инженером, его имя знала вся Европа, по его проектам были построены гидроэлектростанции в Швейцарии, Италии, Испании, Турции. Сорок лет его жизни прошли в эмиграции, в Швейцарии — он не мог вернуться, иначе бы его сразу же арестовала царская охранка за связь с террористической группой, пытавшейся подготовить покушение на царя.

После возвращения на родину он в течение девяти месяцев был министром иностранных дел. Потом его выдвинули на президентский пост в противовес кандидатуре графа Замойского, которого поддерживала мощная католическая парламентская группа. В руках церкви имелись весьма веские аргументы против Нарутовича: он был атеистом. Однако вопреки воле церкви Нарутович был избран.

А церковь была огромной силой. В течение полутораста лет, пока польский народ не имел своего государства, по сути, единственной организацией, объединявшей поляков, была католическая церковь. Здесь верующий человек слышал польскую речь, молился по-польски, исповедовался на польском. В момент, когда происходят события фильма, когда Польша уже четыре года существовала как самостоятельное государство, церковь играла в ней главенствующую роль. На первом месте был Христос, на втором — орел, на третьем — президент. В своей картине я никак не сглаживал остроты существовавшего политического конфликта, в ней показана вся вина церкви в его исходе.

Я не старался заставить зрителей полюбить президента или, напротив, проникнуться к нему ненавистью. Я просто хотел, чтобы каждый объективно посмотрел на то, что представляет собой борьба за власть, к каким страшным последствиям она приводит. Я делал свою картину против национализма, шовинизма, фашизма, против всех тех уродливых деформаций демократии и свободы, которые существуют и в современном мире...

Если говорить о прежде сделанном мною в кино, то окажется, что сделал в кино я мало. Наверное, потому, что от

* *В скобках даны советские прокатные названия фильмов.*

фильма к фильму я шел как бы прыжками, никогда не повторял ни тем, ни формальных решений; открыв для себя одни законы, тут же забывал их, чтобы искать новые.

В первых своих картинах я стремился поднимать большие темы, ставить общественно важные вопросы. А затем сделал фильм очень камерный, психологический, заведомо берущий не то, что считается большой темой, а частный случай, касающийся лишь нескольких человек. Называлась картина «Настоящий конец большой войны», и речь в ней шла о последствиях войны, но не политических, а психологических, моральных — тех, от которых наше поколение никогда не сможет уйти. Раны заживают, но следы все равно остаются. И больнее всего они проявляются там, где дело касается человеческих чувств. Мне хотелось сказать, что это тоже очень важная область, жизненно важная.

Меня всегда интересовала Библия, интересовала религия. Многие мои фильмы связаны с проблемами веры, я думаю говорить о них и в дальнейшем — эта тема всегда дает толчок движению мысли. Не так давно я читал «Житие протопопа Аввакума», оно только несколько лет назад впервые было переведено на польский. Я явно недостаточно знаю то время, фон эпохи, и сам протопоп характер очень русский, но мне кажется интересным сделать фильм об этом человеке. Его родило время раскола, но сам он как герой, как личность несет бунт против всех догм, против всех схем.

Случай, когда любовь и вера в жизни человека сталкиваются в конфликте, дает материал для настоящей драмы, для большой трагедии. Наверное, поэтому я взялся ставить «Мать Иоанну от ангелов». Я делал эту картину и против догм католической религии, и против всех античеловеческих догм.

Нередко героем моих фильмов был ксендз. Но меня он интересует не как слуга церкви, я хочу понять его как человека, как мужчину: он сколько угодно может говорить о любви, но сам лишен права любить. Любовь для него запретна. То есть ему отказано в том важнейшем, что заложено в природе человека.

В «Матери Иоанне» я столкнул двух людей, находящихся в подобной ситуации. Он ксендз, она монахиня. Им нельзя любить. Их положение противоестественно, без любви нет жизни.

В моей предпоследней картине — «Магдалена» — речь идет о том же, что в «Матери Иоанне», хотя ситуация там обратная. «Магдалена» — это как бы компиляция из «Матери Иоанны» и более поздней моей картины «Игры», хотя здесь нет ничего, что могло бы напоминать ту или другую ленту. Но здесь та же внутренняя тема.

«Магдалену» я делал в Италии. В этом фильме снова речь идет о любви женщины и католического священника — тема для Италии очень злободневная. В то же время там шла продолжающаяся и сейчас дискуссия о том, имеет ли право священник жениться: в католических странах она очень остра, и мнения по этому поводу сталкиваются весьма резко. Так что «Магдалену» можно рассматривать как аргумент в этой дискуссии. Аргумент, естественно, в пользу разрешения брака для священников.

В «Магдалене», кроме того, противопоставляются два типа церкви — старая и новая. Старая церковь стремилась взять себе человека целиком, полностью. Новая скорее похожа на конвейер, пропускающий через себя поток верующих, на пункт самообслуживания: зашел, помолился, можешь ехать дальше.

Герой фильма начинает как священник в старом костеле, а затем, спасаясь от любви, бежит из него в новую церковь, стоящую возле автострады. И там, в этой толчее жизни, он теряет тебя.

Женщина находит его и здесь, приезжает за ним. Она хочет знать, почему он бежал. Он кажется ей человеком, не похожим на других — он иной, он особый, он так прекрасно говорит людям о любви.

Фильм драматичен, в нем много сцен очень напряженных, трагических. У героя есть две возможности выбора: сохранить любовь, но тогда он должен сбросить рясу священника. Или остаться священником. Выхода он найти не может. Ни от того, ни от другого он отказаться не в силах. И тогда он выбирает самоубийство, то есть совершает грех, который католическая вера считает самым страшным.

Сейчас у меня есть несколько замыслов, каждый из которых кажется мне важным. Один из них связан с Евангелием. Церковью канонизированы четыре Евангелия — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Мне хочется сделать фильм по неканоническому евангелию — Евангелию от Иуды. На эту тему интересную книгу написал писатель Генрих Панас. Он пишет об Иуде как человеке, который пошел за Христом, потому что был влюблен в Магдалину. Христа и апостолов Панас рассматривает как политическую организацию, намеревавшуюся поднять восстание против римского владычества. Причем свою точку зрения писатель аргументирует многими фактами и документальными свидетельствами.

Другой мой замысел — экранизация романа Сикорского «Аустерия». Он рассказывает о хасидах, иудейской секте. Секта была необычайно замкнута, по существу, она заточила себя в добровольное гетто. Я родился в Западной Украине, где было немало хасидов. Я жил вблизи от них, у меня сохранилось немало воспоминаний о том времени, о тех людях. Хотелось бы обо всем этом рассказать.

И, наконец, третий замысел, над которым я думаю уже много лет,— это 13-серийный телевизионный фильм по «Камо грядеши» Г. Сенкевича. Название это знает весь мир, но знает его по помпезным боевикам типа «Клеопатры» и «Бен-Гура», и мало кто подозревает, что этот роман написал польский писатель и что за него он получил Нобелевскую премию. И интересовали Сенкевича, когда он писал эту книгу, вещи гораздо более серьезные, чем гладиаторские бои и слащавые любовные сцены, какие во множестве демонстрирует одна из крупнейших голливудских киностудий «Метро-Голдуин-Майер».

В многосерийном телефильме есть возможность передать аромат и глубину философского романа Сенкевича. И, может быть, показать фон эпохи даже чуть полнее, чем в книге. Скажем, у Сенкевича нигде не появляется Петроний, автор «Сатирикона». Это был мудрый человек, атеист, материалист. Он не верил в бога, но верил в красоту и поэзию. Мне хотелось бы показать и его.

Хочется уйти от штампов исторических мелодрам, от всяческой бутафории, кинематографического грима. Можно вообще обойтись без грима. Скажем, взять сегодняшнего длинноволосого молодого человека, бородача, какие есть в любом городе мира, привести его в Древний Рим и вместе с ним искать ответ на вопрос: «Камо грядеши?» — «Куда идешь?»

Этот вопрос всегда актуален для человека в его нравственном становлении, в его выборе, самостоятельном, ответственном и свободном, своего жизненного пути.

Записал А. ЛИПКОВ

Кадры из фильмов:
«Кто он?»
«Мать Иоанна от ангелов».

100 лет со дня смерти
Н. А. НЕКРАСОВА

Карающая лира

И. ПОДОЛЬСКАЯ

МНОГОТЫСЯЧНАЯ ТОЛПА провожала 11 января 1878 года гроб с телом Некрасова на Волково кладбище. Россия хоронила гражданина, подчинившего свою жизнь и поэзию служению народу. В 70-х годах историческая роль Некрасова уже определилась — если не в русской поэзии, то в истории русской общественной мысли.

Некрасов писал о том, в чем видел смысл и наполнение своей жизни:

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет...
(«Умру я скоро. Жалкое наследство...»)

Это особое значение Некрасова и послужило причиной спора, разгоревшегося над его могилой между радикально настроенной молодежью и произносившим речь Достоевским. Плеханов, очевидец событий, вспоминал: Достоевский «выставлял только сильные стороны поэзии Некрасова. Между прочим, он сказал, что по своему таланту Некрасов был не ниже Пушкина. Это показалось нам вопиющей несправедливостью.

— Он был выше Пушкина! — закричали мы дружно и громко.

Бедный Достоевский этого не ожидал. На мгновение он растерялся. Но его любовь к Пушкину была слишком велика, чтобы он мог согласиться с нами. Поставив Некрасова на один уровень с Пушкиным, он дошел до крайнего предела уступок «молодому поколению».

— Не выше, но и не ниже Пушкина! — не без раздражения ответил он, обернувшись в нашу сторону. Мы стояли на своем: «Выше! Выше!» Достоевский, очевидно, убедился, что нас не переговорит, и продолжал свою речь, уже не отзываясь на наши замечания»[1].

Этот спор, который приверженцы Некрасова стремились разрешить тут же, над свежей могилой, шел не столько о Некрасове и Пушкине, сколько о назначении поэзии, каким сформировалось оно в сознании передового русского общества в 60—70-х годах прошлого века.

Добролюбов, ближайший сотрудник и единомышленник Некрасова, в статье «Литературные мелочи прошлого года» (1859 г.) писал о назначении литературы, каким видело его это поколение людей: с литературой может нас «помирить только вопль отчаяния, в котором будет и энергический укор, и мрачное сожаление, и громкий призыв к деятельности более широкой... Не надо нам слова гнилого и праздного, погружающего в самовольную дремоту и наполняющего сердце приятными мечтами, а нужно слово свежее и гордое, заставляющее сердце кипеть отвагою гражданина, увлекающее к деятельности широкой и самобытной»[2]. Так был утвержден принцип гражданственности литературы, символом которой стала поэзия Некрасова.

За несколько лет до этой декларации Добролюбова Некрасов предвосхитил его мысли в стихотворении «Блажен незлобивый поэт...», написанном в день смерти Гоголя, 21 февраля 1852 года. Осмысливая судьбу Гоголя, Некрасов идет к широкому обобщению, порывая с нормами, установленными предшествовавшей ему литературной традицией. На полюсах его системы ценностей обозначаются понятия

«спокойного искусства» и «карающей лиры» — два пути, два предначертания судьбы поэта. Трансформируется у Некрасова и самое понятие «толпы», «черни»: основным признаком ее становится гражданское равнодушие, чуждость народным интересам. Альтернатива, стоящая перед поэтом, бескомпромиссна: признание «сильными мира» или упорное, вечное противостояние им, обличение их «страстей и заблуждений». Воскрешая «странную любовь» Лермонтова к России, Некрасов дает ей психологическое обоснование и утверждает, что истинный поэт «проповедует любовь враждебным словом отрицанья...»

Любовь-ненависть, любовь-вражда — вдохновители некрасовской музы.

Для Некрасова «высокая» поэзия — поэзия гражданственная, и это новое, предопределенное временем значение словно упраздняет круг традиционных лирических тем, не связанных с народными нуждами. «Высокое» отступает перед «низким», перед требованиями реальной жизни, поглощающими помыслы гражданина. Некрасовский гражданин стремится пробудить поэта от призрачных, келейных мечтаний: «Послушай: стыдно! Пора вставать! Ты знаешь сам, какое время наступило...»

Осознавая поэзию как служение высоким целям добра и правды, народного блага, Некрасов создает лаконичную формулу, отразившую насущную потребность исторического момента: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Эта формула изменяла само понимание поэзии и ее целей. Исторический момент сформировал и самого Некрасова, и поэт имел все основания сказать о себе: «Время вывело меня на широкую дорогу».

---

[1] Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 2. М., 1958, стр. 208.
[2] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 3 томах, т. 2. М., 1952, стр. 64.

Н. А. Некрасов.
Портрет работы
художника А. Волошина.

По-видимому, новое отношение к литературе — как к силе, действенно влияющей на общество, — привело Некрасова к мысли о создании журнала, который мог бы сплотить вокруг себя лучшие умы России, стать трибуной демократических идей.

В 1846 году появилось объявление о подписке на «Современник». В нем говорилось: «Современник», основанный А. С. Пушкиным, а впоследствии с высочайшего соизволения перешедший в распоряжение П. А. Плетнева, с 1847 года подвергается совершенному преобразованию. Редакция «Современника»... переходит к профессору С.-Петербургского университета А. В. Никитенко. Издание же сего журнала... приняли на себя И. И. Панаев и Н. А. Некрасов...

Все, могущее интересовать публику и соответствующее программе, направлению и достоинству журнала, будет постоянно иметь место на страницах «Современника».

Так через десять лет после гибели Пушкина обрел новую жизнь «Современник», первый русский журнал демократического направления. Задачи журнала были бесповоротно определены помещенной в первом номере программной статьей Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Критик писал: «Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости...»[3].

Издательская деятельность выводила Некрасова на историческую арену, поставив его в центр общественно-политической борьбы той эпохи. Есть известная доля правды в строках, которые он написал о себе в конце жизни:

Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.
(«Зине»)

Задачи журнала — сначала «Современника», а затем, с 1868 года, «Отечественных записок» — поглощали его силы, почти не оставляя времени для стихов. В 1855 году поэт писал: «Стихи мои — плод жизни несчастливой, у отдыха похищенных часов, сокрытых слез и думы боязливой». И все же именно синтез поэзии с журналистикой, впервые осуществленный в творчестве Некрасова, создал оригинальный сплав, составляющий ядро Некрасовской поэзии. «Поэт-журналист», Некрасов почти не касается «вечных» тем, он пишет о насущном и злободневном; его стихи почти всегда сюжетны и нередко остро публицистичны. За частным сюжетом, случаем, вырванным из гущи народной жизни, встает в стихах и поэмах Некрасова жизнь крепостной России со всеми страшными и уродливыми ее подробностями. В тех случаях, когда поэт «передоверяет» повествование кому-то из своих персонажей, оно становится еще более страшным, так как возникает разительное несоответствие между эпически-спокойным тоном рассказчика и неподдельным ужасом его исповеди. Так рассказывает Орина о судьбе своего Ванечки, не оценивая и не имея возможности оценить всю чудовищность этой судьбы, потому что она — одна из многих — обычна и повседневна. Ужас кроется и в простодушном тоне рассказа, противоречащем его содержанию. Краткое авторское резюме, завершающее рассказ Орины, несет в себе огромную смысловую нагрузку, обнажая привычность народного горя, его глубину и неиссякаемое к нему терпение:

Мало слов, — а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

Тон стихов неузнаваемо меняется, когда в них звучит голос автора: появляется безудержная энергия обличения, строки ядовитой сатиры, как и в гражданских стихах Лермонтова, «облитых горечью и злостью». В таких стихах автор предстает как участник событий, как единственный протестующий свидетель. «Народ безмолвствует» — тем громче среди всеобщего молчания звучит голос страстного протеста, неприятия зла и готовности бороться с ним. Поэт не только обличает угнетателей, но и взывает к самому народу, неустанно внушая ему, что пора пробудиться от векового сна, что терпение его бесплодно и постыдно. Оно повергало поэта в отчаяние, но он упорно продолжал искать в народной среде силы, способные к возмущению, сопротивлению, действию. И свято верил в то, что такие силы появятся. В знаменитой «Железной дороге», многие строки которой в известной мере звучат как завещание молодому поколению, Некрасов пишет о терпении народа уже по-иному. Здесь он воспринимает его как необходимый этап, как стадию развития и постепенного накопления сил:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!
Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

Более всего, пожалуй, с темой народного горя и «терпенья безмерного» связаны в лирике Некрасова религиозные мотивы. Это не случайно, так как терпению учит и само христианство. Поэт пишет об облике современной ему России: «Те же напевы, тоску наводящие, с детства знакомые нам и о терпении новом молящие, те же попы по церквам» («Как празднуют трусу»). Некрасов не оставил прямых свидетельств о своем отношении к религиозным вопросам, и уже одно это говорит о том, что они не имели для него первостепенного значения. Психологический склад поэта, совершенно чуждый покорности судьбе, также наводит на мысль о равнодушии к религии. По-видимому, не поощрялись религиозные настроения и в доме его отца, Алексея Сергеевича Некрасова. Один из крестьян рассказывал, что он «на могилу жены никогда не ходил, в церкви тоже никогда не был — не любил молиться и не выносил попов, хотя в праздник принимал их, поил водкой и давал денег».

Однако отец был для Некрасова воплощением отрицательного начала, и в отношении поэта к нему преобладало неприятие. В стихотворении «Родина» Некрасов пишет об отце, «угрюмом невежде», жизнь которого «бесплодна и пуста, текла среди пиров, бессмысленного чванства, разврата грязного и мелкого тиранства...». Может быть, именно как следствие отталкивания от отца, стремления ни в чем не быть похожим на него возникают в ранних стихах Некрасова вопросы о «божественном», духовном начале в человеке. В одном из стихотворений сборника «Мечты и звуки» поэт пишет:

Не все постигнул ум надменный,
Не все светло для мудреца,
Есть много таин во вселенной,
Ключи которых у творца...
Мудрец! пред богом прах твой ум...
(«Истинная мудрость»)

Ю. Казмичев. Н. Чернышевский у Н. Некрасова.

[3] В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3 томах, т. 3. М., 1948, стр. 641.

Однако в этих ранних, незрелых и несамостоятельных стихах Некрасов еще полностью зависит от литературной традиции, а потому они не дают оснований для выводов о его собственном отношении к религии. Оно обнаружит себя значительно позднее.

В 1855 году Некрасов пишет стихотворение «Влас» — о пробуждении «божественного» начала в душе грешника. Вера Власа по-народному простодушна, как и его видения загробной жизни. Раздав имущество бедным, Влас ходит «в армяке с открытым воротом, с обнаженной головой», в веригах и «просит он на божий храм»:

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —
И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной...

Это стихотворение высоко оценил Достоевский, увидев в нем предельно искреннее выражение религиозной идеи. Несомненно, однако, что не религиозная идея руководила Некрасовым: он раскрыл во «Власе» этическое мироощущение народа, уходящее корнями в многовековую веру.

После «Власа» церковь и все связанное с отправлением культа обычно появляется в стихах Некрасова уже не как проблема веры, но либо как непременный атрибут крестьянской жизни, либо как близкое с детства воспоминание. Нередко деревенская церковь выступает составной частью сельского пейзажа, проливающего мир и покой в усталую душу блудного сына — горожанина. Именно таким предстает этот пейзаж в стихотворении «Тишина»:

...Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенек тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.

Да и бог у Некрасова очень нетрадиционен: в нем то и дело пробиваются черты «народного заступника»; это «бог угнетенных, бог скорбящих, бог поколений, предстоящих пред этим скудным алтарем» («Тишина»). Это бог-заступник, к которому обращается и сам поэт, охваченный общим с народом порывом веры:

«Милуй народ и друзей его, боже! —
Сам я невольно шептал: —
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему,
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, боже, тебе».

(«Молебен»)

Этот патриархальный бог, принимающий живое участие в делах народа, в крещении и свадьбах, сборах урожая, похоронах, преображается у Некрасова в бога недоступного и безразличного к мирским делам, едва только он меняет сферу обитания: деревню на заоблачные выси. В нем тотчас же появляется что-то отчужденно-враждебное, и Некрасов не скрывает иронического к нему отношения. Он заканчивает стихотворение «На смерть Шевченко» характерными в этом смысле строками:

Кончилось время его несчастливое,
Все, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалося.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалася.

Бог же деревенский, домашний, наделенный чертами русского фольклора, привычный для крестьянина, как домовой за печкой, вызывает интерес поэта как своеобразное проявление народного мироощущения. Дистанция между богом

Н. А. Некрасов в период «Последних песен». Картина художника И. Н. Крамского.

русской деревни и мужиком очень коротка: услышав гром, мужик автоматически крестит лоб, почти не думая о боге; он крестится, завидев церковь; согрешив, он тоже крестится по привычке, вовсе не помышляя об искуплении вины, и, перекрестившись, продолжает грешить:

— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!
«В день теперя не отплюешься,
Как его прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь!»
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш.

(«Коробейники»)

Некрасовская традиция даст знать о себе много лет спустя в пронзительных строках Блока:

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А, воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери
Икнув, ногою отпихнуть....

Но то, что у Некрасова звучит иронически, у Блока обретает трагедийный смысл — он пишет о пошлости, для которой не остается святынь.

Свойственное подчас русской литературе насмешливо-недоброжелательное отношение к попу, дурачащему народ, в целом не характерно для Некрасова. Некрасовский поп так же патриархален, как и бог, которому он служит, почти так же беден, как и его прихожане. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» есть глава под названием «Поп». К попу приходят герои поэмы в поисках «счастливого» — того, «кому живется весело, вольготно на Руси». Поп, живущий поборами с прихожан, простодушно говорит крестьянам:

Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние
Не брать — так нечем жить...

И крестьяне относятся к нему сочувственно: он кормится за их счет, но ведь и ему приходится туго: «Зимой, в мо-

розы лютые, и в половодье вешнее иди — куда зовут!»

Цензор, прочитав «Кому на Руси жить хорошо», написал о главе «Поп»: «Рассказ попа, каково жить у нас священнику, самого грустного свойства. Кроме претерпеваемого им материального недостатка, переносимых хлопот и забот, весьма тяжелого свойства, он жалуется на неуважение крестьян, сложивших о попе и членах его семейства непристойные поговорки, сказки, почему они сами могут судить... приятно ли живется на Руси попу. В общем своем содержании и **направлении** означенная первая глава этой поэмы **не заключает в себе ничего противного цензурным постановлениям**, так как собственно сельское духовенство представляется **униженным**, вследствие необразованности мужика, бедным, вследствие окружающей его среды, так что в этой поэме выливается только **гражданская скорбь** на беспомощность сельского населения и его духовенства»[4].

В целом цензор был прав, хотя в поэме Некрасова «выливалась» не только «гражданская скорбь», но, как и во всех его произведениях, содержался настойчивый, неуклонный призыв к протесту. Этот протест прежде всего вызывали «три дольщика — бог, царь и господин». Некрасов видел, что эти патриархальные отношения крестьянства с богом и попом ложатся тяжелым бременем на плечи русского мужика.

С годами в стихах Некрасова все чаще появляется образ сильной личности, способной к решительному действию и даже бунту, готовой идти «в огонь за честь отчизны, за убежденье, за любовь...» («Поэт и гражданин»). В 1865 году он пишет стихотворение «Памяти Добролюбова» — и в конкретном образе уже проглядывают обобщенные черты борца за народное благо, сурового аскета, подчинившего свою жизнь борьбе за счастье родины. Отсюда одический пафос стихотворения, его патетичность и «высокая» лексика:

Но слишком рано твой ударил час,
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Историческая ситуация обрекает такого человека на гибель, а потому в лирике Некрасова борец за народное счастье, как правило, предстает в терновом венце. Этот венец — символ обреченности, а вместе с тем единственной и высшей награды:

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

(«Мать»)

Для поэта очевидна «невозможность служить добру, не жертвуя собой». Поэтому даже Голгофа у Некрасова всегда добровольна и осознается как награда, а не наказание, ибо в ней — итог жизни, физически уже обреченной и все-таки бессмертной. Так вводит Некрасов в русскую поэзию тему героической гибели и гражданского подвига, предсказывая их великое значение для будущего России. Увлеченный гражданским подвигом, он пишет поэмы «Декабрист» и «Русские женщины», пишет стихотворение «Н. Г. Чернышевский», в котором произносит трагические слова:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

Призывая сеять «разумное, доброе, вечное», Некрасов предъявлял огромные требования к поэзии, и в первую очередь к своей. В стихах он постоянно исповедуется и кается — в том, что мало сделал, что слово его прозвучало недостаточно громко, кается в минутах слабости и неуверенности в победе общего дела. И в соответствии с этим его муза появляется то в терновом венце, как «муза мести и печали», то «обесславленной», «присмиревшей», «иссеченной кнутом». В поэме «Рыцарь на час» (1862 г.) Некрасов с удивительной искренностью и горечью пишет о двойственности современного «рыцаря», о непродолжительности его бурных порывов, сменяющихся разочарованием и апатией. Как приговор этим «рыцарям» звучат последние строки поэмы:

Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

Спустя несколько лет Некрасов подписал суровый приговор и себе — после того, как в надежде спасти «Современник» произнес в Английском клубе оду в честь Муравьева-вешателя. В тот же вечер, 16 апреля 1866 года, вернувшись из клуба, он написал полные безнадежности стихи:

Ликует враг, молчит в недоуменье
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущенье,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял.

Раскаяние в вынужденном компромиссе не покидало Некрасова до последних дней его жизни. После «муравьевской оды» он начинает подводить итоги — так, словно злополучная ода навсегда запятнала его в сознании современников и в памяти потомков, словно она зачеркнула все прежде сделанное. В стихотворении «Умру я скоро. Жалкое наследство...» (1867 г.) поэт пишет о «неверном звуке», который порой исторгала из лиры его рука, и трижды, как рефрен, повторяет обращенную к родине мольбу: «За каплю крови, общую с народом, мои вины, о родина! прости!..» Не творчество, не борьба, а только эта общность с народом — чувство, пронесенное им через всю жизнь, — становится в глазах Некрасова его единственным оправданием.

Раскаяние продолжало терзать и неизлечимо больного Некрасова: поэту казалось, что он не выполнил заветов тех, кто сошел в могилу раньше его. В одном из последних стихотворений он писал о погибших друзьях, сконцентрировав в двух строках тяжелую психологическую драму: «...На меня их портреты укоризненно смотрят со стен» («Скоро стану добычею тленья...»).

В «Элегии» 1874 года Некрасов тоже подводит итоги, но уже по-иному. Его «Элегия» — своеобразная вариация темы державинского и пушкинского «Памятников». Однако речь здесь идет не только о посмертной славе, но прежде всего о гражданском идеале поэта и о назначении его музы:

...пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза...

Вопрос о посмертной славе для Некрасова второстепенен: для него важны сознание исполненного долга и вера в то, что семя, брошенное им в народную ниву, со временем даст всходы:

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...

Это исторически изменившееся понимание посмертной славы Некрасов формулирует в одном из стихотворений «Последних песен»:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

(«Зине»)

И он вовсе не противоречит себе, когда с грустью замечает: «...Я настолько же чуждым народу умираю, как жить начинал» («Скоро стану добычею тленья...»). Эти строки продиктованы не честолюбием, а извечным некрасовским чувством вины перед народом.

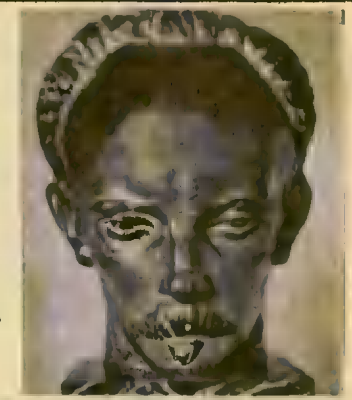
Некрасовская муза вышла из самых недр народа. Она изумляла, вызывала негодование и восхищение, тревожила совесть — и потому не позволяла забыть о себе. Она была активна, страстно призывала к действию и впервые в истории русской лирики выражала острый социальный протест. В России не было поэта, музу которого так безоговорочно называли бы его именем, как музу Некрасова.

Народ был главной темой Некрасова, его болью и его надеждой, и потому поэт мог с полным правом сказать о своей музе: «Сестра народа — и моя». Гражданский темперамент Некрасова, благородство помыслов, высокое поэтическое мастерство — все это непреходящие ценности, завещанные им потомками и оставившие глубокий след в творчестве русских и советских поэтов.

---

[4] Цит. по кн.: Г. А. Покровский. Поэт Некрасов и религия. М., 1929, стр. 29—30.

И. ЛАВРЕЦКИЙ

Хосе Марти.
Скульптор Хуан Хосе Сикре.

28 января исполняется 125 лет со дня рождения Хосе Марти — великого кубинского революционного демократа, поэта, прозаика, публициста, вся сознательная жизнь которого была посвящена борьбе за освобождение его родины от испанского господства.

В то время как все испанские колонии в Новом Свете завоевали независимость в первой четверти XIX века, Куба и Пуэрто Рико продолжали оставаться под пятой колонизаторов. Завоеватели и местные плантаторы — богатые креолы — превратили родину Марти в гигантскую сахарницу, содержимое которой наполнялось трудом десятков тысяч завезенных из Африки рабов, работавших от зари до зари на плантациях под надзором суровых надсмотрщиков. Несмотря на репрессии и террор колонизаторов, освободительная борьба на Кубе продолжала нарастать и 10 октября 1868 года вылилась в мощное восстание, положившее начало первой войне за независимость кубинского народа, которая продолжалась долгих десять лет. Хотя кубинцы в этой войне проявили чудеса героизма, победить испанцев им не удалось. В 1878 году кубинские патриоты были вынуждены подписать мир с Испанией взамен на амнистию и обещание реформ, которые так и не были осуществлены.

Когда началась война за независимость, Хосе Марти исполнилось 15 лет. Он учился в школе. Как и многие кубинцы, подросток был всецело на стороне мамбисов — кубинских патриотов, сражавшихся с оружием в руках.

21 октября 1869 года испанские власти арестовали юного Марти. Суд приговорил его за содействие мамбисам к шести годам каторги. Закованного в кандалы молодого патриота отправили на остров Пинос на каторжные работы. Но и в этих условиях Марти продолжал выступать против колонизаторов, сплачивая заключенных на борьбу с ними. В 1871 году власти высылают его в Испанию. Там он устанавливает дружественные связи с испанскими демократическими деятелями, поступает в университет, где изучает право, филологию и философию, публикует статьи, в которых разоблачает преступления колонизаторов на его родном острове. После окончания университета Марти в 1874 году уезжает в Мексику, где продолжает пропагандировать дело кубинских патриотов. Вскоре он совершает по их заданию подпольную поездку на Кубу, а затем направляется в Гватемалу. Здесь он преподает литературу, пишет статьи.

В 1878 году, воспользовавшись амнистией, Марти возвращается на Кубу и примыкает к революционно-демократическому крылу патриотов, возглавляемому Кубинским революционным комитетом (КРК), члены которого находились в США. Сторонники этого направления были полны решимости продолжать борьбу против Испании. Марти включается в подготовку нового восстания на острове. Он назначается одним из двух представителей КРК на Кубе. С началом восстания (так называемая «малая» освободительная война) колониальные власти вновь арестовывают его и высылают в Испанию, откуда он вскоре перебирается в Нью-Йорк.

Тем временем новое восстание на Кубе захлебнулось. Народ устал от длительной войны и нуждался в передышке. Марти понимал это, а также и то, что новый этап борьбы требовал более радикальных лозунгов. В своих многочисленных выступлениях в печати он сформулировал новую программу национально-освободительного движения, основанную на привлечении в патриотический лагерь широких масс трудящихся. Он выступил за полную отмену рабства, осудил расовую дискриминацию, потребовал проведения социальных преобразований, высказался за передачу земли крестьянам, за ликвидацию остатков феодализма на Кубе. «Прежде чем позвать народ к войне, — учил Марти,— нужно сказать ему, за кем и куда он идет и что будет с ним после победы».

На протяжении многих лет Хосе Марти выступает как неутомимый глашатай кубинской независимости. Он посещает латиноамериканские республики, пишет статьи, книги, читает лекции. Он — один из виднейших поэтов Латинской Америки, корреспондент крупнейших газет, его авторитет так велик, что ряд стран назначают его своим консулом.

Марти прожил всего 42 года. За столь короткую жизнь он написал чрезвычайно много. Собрание его сочинений превышает 35 больших томов. Он выступал по всем животрепещущим проблемам своего времени. Достаточно сказать, что он писал о Марксе, Дарвине, Пушкине, о русских революционерах, о Белинском, Тургеневе, Толстом, Верещагине. Четыре тома его сочинений посвящены актуальным вопросам латиноамериканской политики. Марти внимательно наблюдал за агрессивным курсом США, за событиями в этой стране, где он жил с 1880 года и где работал как редактор и корреспондент южноамериканских газет.

«Мы должны добиться независимости Кубы, иначе Соединенные Штаты, — предупреждал Марти,— захватят Антильские острова и отсюда обрушатся на земли нашей Америки... Я жил в недрах чудовища и знаю его нутро».

Марти, говорится в докладе Центрального Комитета КП Кубы I съезду партии (1975 г.), «было

ПОЭТ, БОРЕЦ, ВОЛЬНОДУМЕЦ

известно о давнем стремлении США завладеть Кубой при помощи экспансионистской политики «предопределенной судьбы», которая сочеталась теперь с новой тенденцией — стать империей, тенденцией, возникшей в результате капиталистического развития в Соединенных Штатах и разгаданной Марти с удивительной прозорливостью».

Поэт разоблачал ненасытную жадность и ханжество американских капиталистов. С гневом и возмущением писал он о преступлениях американского «желтого короля» (невольно вспоминается «Желтый дьявол» М. Горького). Марти осуждал панамериканизм, под флагом которого монополисты США стремились проникать в латиноамериканские страны.

В начале 1892 года по инициативе Марти создается Кубинская революционная партия. Он — ее признанный руководитель. Под руководством партии готовится новое антииспанское восстание на Кубе. Оно начинается 24 февраля 1895 года. Месяц спустя Марти с отрядом добровольцев высаживается на острове. 19 мая он был убит в сражении при Дос Риос, а два года спустя испанские войска навсегда покинули Кубу...

«Марти стал символом национально-освободительной борьбы против колониального владычества и империализма», — говорится в докладе ЦК КП Кубы I съезду партии. Его самоотверженная жизнь, его передовые идеи и героическая смерть оказали огромое влияние на последующие поколения кубинских патриотов.

Фидель Кастро с полным основанием назвал Хосе Марти вдохновителем отряда молодых революционеров, пытавшихся взять штурмом казарму Монкады в 1953 году. Тогда отмечалось столетие со дня рождения кубинского патриота, и кубинская прогрессивная молодежь провозгласила себя «мартианским поколением», обязуясь так же самоотверженно сражаться за свободу, как их славный предшественник.

Именно таких борцов за национальное, социальное и духовное раскрепощение, как Хосе Марти, имел в виду Второй секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, первый заместитель Председателя Государственного совета и Совета Министров, министр Революционных вооруженных сил Республики Куба товарищ Рауль Кастро Рус в своей речи на торжественном заседании в Москве, посвященном шестидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, когда он отмечал, что «знамя, впервые поднятое нашими отцами в начале войны за независимость, против колониализма, никогда не было более ярким олицетворением свободы, независимости и суверенитета, чем когда оно стало развеваться рядом с алым знаменем Советского Союза».

Реакционные круги Кубы пытались присвоить себе идейное наследие Хосе Марти, выдавая себя за его последователей, славословили в его честь, воздвигали ему памятники, устраивали пышные памятные церемонии. При этом реакционеры делали все возможное, чтобы выхолостить все прогрессивное и революционное из учения кубинского революционного демократа. В особенности они стремились скрыть его взгляды на религию и католическую церковь.

Марти был последовательным и решительным противником религии, сторонником отделения церкви от государства. Он разоблачал и осуждал антипатриотическое поведение католической церкви в период испанского владычества, ее тесное сотрудничество с колонизаторами, враждебные выступления клира против борцов за независимость.

Будучи сторонником научного мировоззрения, Марти считал, что все религии одинаково ложны. «Религии не вечны, они зарождаются, развиваются и умирают. Множественность религий указывает на несостоятельность их притязаний на «божественное происхождение», — писал Марти.

Марти выступал против религиозного воспитания в школе: «Поднимем это знамя и не опустим его никогда: начальное обучение должно быть научным». Считая, что интересы народа требуют отделения церкви от государства, Марти вместе с тем осуждал буржуазное толкование свободы совести, ничем не ограниченную реакционную деятельность церковников. Он призывал лишать политических прав тех служителей церкви, которые пользуются конституционными свободами, чтобы подорвать их.

Марти выражал надежду, что союзу «высших сфер» — церкви, армии, банкиров и правительства — нанесут поражение «новые классы» — трудящиеся.

Из богатого и разнообразного антиклерикального наследия Хосе Марти мы публикуем выдержки из его статьи «Отлучение падре Мак-Глинна», впервые увидевшей свет в 1887 году в Мексике. Американский священник Эдуард Мак-Глинн

(1837—1890 гг.) был отлучен Ватиканом от церкви за критику капиталистических порядков.

Другое публикуемое нами произведение Марти — «Крестьянин» — было написано поэтом незадолго до его гибели и издано посмертно. В нем наиболее полно отражены взгляды кубинского революционера на церковь и религию.

И еще одна черта в идейном наследии Хосе Марти, не утратившая своей актуальности и сегодня: его отношение к проблемам мира и войны. Об этом напомнил в своем выступлении в Гаване 29 января 1974 года на митинге советско-кубинской дружбы Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «Будущее человечества—это мир», — говорил славный сын Кубы Хосе Марти. «Было время, — добавлял он, — когда к войне прибегали как к первому средству решения конфликтов. Сегодня она уже последнее средство. Завтра война станет преступлением». «Завтра», о котором говорил Марти, — это, товарищи, наш сегодняшний день!»

Таким был Хосе Марти, которого его соотечественники с полным основанием называют Апостолом независимости Кубы.

■

Хосе МАРТИ

ОТЛУЧЕНИЕ ПАДРЕ МАК-ГЛИННА

Опубликовано в русском переводе в кн.: Хосе Марти. Избранное. Стихотворения, статьи, очерки. М., 1974, стр. 244—259. Перепечатывается с некоторыми сокращениями.

ИТАК, этот праведник, этот священник, беззаветно приверженный церкви; этот человек, сильный духом и телом, который в радости утолять чужие печали нашел верное средство забывать о собственных горестях; этот непреклонный служитель церкви, отстаивавший до конца свое человеческое право иметь собственное мнение о грозящих родине бедствиях и способах борьбы с ними и не пожелавший поступиться этим правом даже под угрозой папского отлучения, столь же бессильного запятнать достоинство подобного человека, как бессильна летучая капля удержаться на лезвии стального клинка; этот неустрашимый сердцем Мак-Глинн, в ком среди всеобщей скверны и растления нации снова вдруг ожил тот мятежный и высокий дух исследования, которому человечество обязано своим прогрессом, а народы — очистительными грозами, оздоровлявшими и освежавшими нравственную атмосферу целых стран; этот пламенный католик, который служит свободе со страстью Гуттена и Цвингли, что, однако, не охладило в его душе, как и в душе его прихожан, приверженности пышному католическому богослужению и горячей веры в церковные догматы, — этот подвижник предан анафеме: папа отлучил его от церкви.

Значит, тот, кто служит свободе, не может служить церкви? Значит, ныне, как восемь веков назад, человек, не желающий отрекаться от очевидной для него истины, перед которой церковь сама склоняется, когда бывает бессильна ее опровергнуть, все же должен в конце концов стать подлецом и отречься от своих убеждений, а если он заупрямится, тогда его ошельмуют и зароют после смерти, точно собаку: без молитвы и креста над могилой? Значит, церковь обращается против бедняков, на средства которых она существует, и против священнослужителей, исследующих ее недуги, а в горькие дни народных бедствий принимает сторону богачей, чтобы вместе с ними — словно еще не канули в вечность времена грозных отлучений и расцвета папской власти — обрушиться на тех, кто находит несправедливым миропорядок, позволяющий какому-нибудь пошлейшему субъекту сосредоточивать в своих руках без всякого употребления богатства, которых достало бы накормить пятьдесят тысяч голодных ртов? Значит, церковь ничему не научилась ни у истории, ни у свободы, ни у политической экономии? Значит, она все еще полагает, будто ныне, как и во время óно, можно управлять миром с помощью шушуканья, исповедален и подлости, с помощью тупоумных королей и грязных фавориток, с помощью кинжала и яда, застенков и копий, интриг и клеветы, прорицаний и отлучений, заговоров и предательства?

О нет! Мир вырос из пеленок. Сохранилась только щепетильность в вопросах веры, побуждающая сына следовать религии своих отцов, ибо в ней, в этой религии, звучит для него вечно живой голос и воплощена нетленная плоть его предков. Сохранилось также отупляющее разум клеймо, которым школа впервые метит юные души, навсегда испепеляя в них всякий живой росток, наподобие того, как выжигают шерсть на скотине, когда ставят тавро. Еще бы! Те, кому дано право первыми наставлять детей на жизненный путь, повелевают миром! Сохранилось в нашей душе и врожденное поэтическое чувство, которое тем громче говорит в человеке, чем менее он цивилизован, и которое, независимо от того, проявляется ли оно свободно или что-нибудь сковывает его, всегда находит для себя обильную пищу и стимул в религиозных мифах и в тех сложных символах, что созданы были изощренным и щедрым восточным умом; символах, не только кажущихся нам ликом божества, но и действительно являющих нам бога, — ибо этот бог — сам человек. И вот поэтому, то есть потому, что религиозные верования уходят корнями в самую сущность человеческого духа, религии продолжают существовать как среди первобытных, так и среди цивилизованных народов. Но где ныне полудикие, суеверные орды тугодумов-крестьян, одетых в посконные рубахи и веревочные лапти? Народ, вчера еще неотесанный и легко устрашимый, выходит на авансцену истории — и он хочет очистить храм человеческий от ядовитых гадюк и высохших мумий.

Ужели напрасно деятелен человек? Ужели не повзрослел — в пути от Дельф до Америки? Ужели ему, с его могучим разумом, просить совета и наставления у оракулов?

Религии все одинаковы: поставьте их в ряд — ни одна из них не будет ни на йоту выше другой; надо быть круглым невеждой, из тех, что сотнями выходят из стен университетов и академий, чтобы не признавать познаваемости мира. У всех религий один и тот же корень, все они одинаково требовали поклоне-

ния идолам, расцветали в силу одних и тех же достоинств, приходили в упадок вследствие одних и тех же пороков. Отдельные религии, которые в своем первоначальном виде необходимо возникают как потребность первобытных, слабых еще народов, в дальнейшем продолжают существовать как поэтическое предвкушение грядущего идеального счастья, неясно и в то же время упорно желаемого. У всех религий... есть свои чудеса, свои авгуры, свои оракулы, свои идолы, свои Джагернауты[1], карающие и свирепствующие, однако лишь до тех пор, пока люди верят, будто самостоятельность суждения и действия—это неотъемлемое свойство человеческого духа, его зрелое мужество — может быть противна слову божию. Когда же люди, отказавшись верить в это, двинутся на Джагернаута с дубиной, сорвут с него мантию и радужные одежды, сокрушат его толстое брюхо, сбросят с него зловещий венец, усыпанный сверкающими самоцветами, они, вместо слова божия, которому воздвигаются пышные храмы, не обнаружат ничего, кроме ветхого, источенного червями деревянного болвана с картонными, намалеванными руками и ногами, родного брата потешных карнавальных чучел. Именно так и поступили нью-йоркские католики, когда возмущенные бессовестностью, с какой официальная церковь торгует их правами свободных людей, подняли дубину на папскую власть, столь незадачливо отлучившую от церкви благочестивого священника.

В то утро, когда было обнародовано отлучение, католики вышли на улицы так, будто отправились на битву; но изображения святых по-прежнему спокойно висели в домах набожных женщин и ни одна из них не выбросила из молитвы ни единого слова. «Господи, за что они, эти алчные, эти прожорливые прихлебатели богачей, живущие грязными сплетнями, точно старые приживалки, за что они, эти интриганы, слетающиеся, как ведьмы на шабаш, в мраморный епископский дворец, за что отторгли они от алтаря лучшего из священников, человека, влюбленного в церковь, целителя наших душ? И почему, вопреки папскому отлучению, я ни в чем не раскаиваюсь? Напротив, совесть моя горит негодованием...» И люди в наспех надетых сюртуках, толпясь на тротуарах, ожесточенно били кулаками по газетным листам: «Значит, какой-то итальянец, который и понятия не имеет, где Нью-Йорк находится, станет нас учить, как нам здесь налоги собирать? Солнце не гневается, когда говорят, что на нем есть пятна, а сын свободной страны, видя приближение голода, не смеет подать совета, как отвести такое бедствие, — и лишь потому, что он носит одежду Христовых служителей, служителей того, кто принял смерть, чтобы избавить людей от страданий?» — «Ну как, доктор Смит, чувствуешь ты себя отлученным?» — «Нет, Джонс, мне кажется, я только теперь начинаю становиться настоящим католиком».

Вот почему вечером, к тому часу, когда отлученный утром от церкви Эдвард Мак-Глинн должен был выступить на воскресном собрании Общества борьбы с бедностью, тысячи празднично одетых католиков — бабушки, матери, отцы семейств, молодые люди и дети— стали стекаться со всех концов города и предместий, чтобы приветствовать отлученного падре!

То не были извергнутые европейскими городами отбросы, которыми здесь до отказа набиты зловонные дома окраин, эти копошащиеся живые башни, где люди кишат и роются, как черви в сыре. Нет, толпу составлял трудовой люд, но можно было заметить в ней и семью буржуа, и благородного журналиста, и серьезного бескорыстного мыслителя, и американцев ирландского происхождения, и рабочих-немцев, умеющих не только считать, но и читать; словом, здесь были прямые, честные люди, с самого детства разумно воспитанные в труде, твердо знающие, что не могут быть злом добрые дела, и потому с презрением, как от грязного комедианта, отвернувшиеся от того, кто карает людей за добро, прикрываясь при этом именем божьим.

О, книга трудовых будней! Наука, постигаемая нами за письменным столом, у верстака, за наборной кассой, с сапожной колодкой или с вожжами в руках! В труде истина раскрывается человеку столь властно и гармонично, что никогда никакому папе не удастся поколебать в душе работников ту высшую правду, которой научила их жизнь.

Итак, неужели даже сама свобода окажется бессильной одолеть давно уже прогнившую церковь? Неужели алчность снова будет торжествовать победу над правом? Как спрут, что из темноты тянется щупальцами к своей жертве, подбирался к республике извращенный католицизм. Вначале он явился бедной вдовой с сироткой за руку, прося подать Христа ради: «Не пожалейте на бедных сироток». Им дали землю, построили для них дома; благо центов, собираемых с ирландцев, хватает на все: на больницы, на монастыри, на богадельни, на каменные храмы и на мраморные дворцы. Поначалу, пока почва под ногами была еще зыбкой, сколько почтительности и уважения к свободе! Ах, да они ни о чем не просят, иметь бы только уголок, где славить господа? Государственные средние школы — как это прекрасно! Церковь и свобода отлично могут ужиться! Эти люди так и расплывались в сладких улыбках. А какая предупредительность, какая готовность посторониться, чтобы, упаси боже, не помешать кому-нибудь; и сколько внимания к чужим словам! Но партии как в политике, так и в религии, находят общий язык: единый интерес соединяет даже тех, кого разъединяет вера! И потому различные виды власти инстинктивно стремятся к союзу против людей, властью стесняемых. Церковь говорила политику: «Дай мне те земли, дай мне этот закон, дай мне такую-то привилегию, а я заставлю свою паству голосовать за твоего кандидата». Она говорила богачу: «Массы становятся все более непокорными; только церковь, суля им справедливость на небесах, еще может сдерживать их; объединимся же против масс». А бедняку она внушала: «Бедность — от бога. Что может быть благолепнее души, укрепляющей себя смирением? Там, на небесах, ждет тебя и покой и награда!» Но можно ли было в стране, где обнаженность и лихорадочный пульс жизни приучают человека смотреть в глаза жестокой реальности, можно ли было среди этих деятельных людей с крепкими мускулами, не терпящих лжи и знающих цену доброму удару кулаком, можно ли было здесь безнаказанно запродавать политиканам голоса католиков, заключать грязные сделки, сколачивать союзы богачей всех вероисповеданий, можно ли было здесь бесстыдно разглагольствовать о бедности Христа, а самим жить в пышных дворцах, ублажая себя жареными фазанами и дорогим вином и щеголяя шелковистым пурпуром своих ряс перед светскими дамами, падкими до церковных златоустов?

О, в этот вечер шумно было на улицах, прилегающих к Музыкальной академии! И все же в шуме этом чего-то недоставало: исчез, без остатка исчез былой страх перед анафемой! Если злоупотреблять громами небесными, они истощают силу свою!

А потом падре начал свою речь, начал после новой бури приветствий, когда женщины, вскочив на кресла, махали ему платочками, мужчины — шляпами, а дети — флажками и какая-то старуха, совсем уже немощная, стояла, простирая к нему дрожащие руки. Он начал ее величаво, как король, он был беспощаден, как правосудие, он стенал, как истязуемый плетьми, он издевался, обличал — и закончил спокойно. Это человек исполинского роста и могучего сложения. У него лицо Наполеона, смягченное, однако, обычным для священников выражением кротости. Чистосердечие в этом лице совмещается с воинственным задором. Такого человека легче обмануть, чем заставить покориться. В увлечении речи он часто отходит от темы, и если бы не это, его можно было бы отнести — по мощи языка и изяществу слога — к числу самых выдающихся ораторов. Речь его не пленяет лиризмом и не свободна от общих мест, какие можно услышать со всякой церковной кафедры, но это могучая, надежно сложенная твердыня, и там, где велеречивость не потопляет мысли, вы едва ли заметите швы между отдельными камнями. Он начал размеренно и веско, и слова его падали, как удары молотка.

«...Мы скорее дадим четвертовать себя, нежели отречемся от того, что говорит нам разум и что видят наши глаза, — кто бы ни потребовал от нас подобного отречения. Все, что притязает называться словом божьим, должно предъявить нам верительную грамоту разума. Истины, противной разуму, не существует. Именно потому, что церковь пытается поссорить истину с разумом и унижает ее своими сделками и компромиссами, именно потому, что церковь гонится за доходами, несовместимыми со священным саном, продавая совесть и свободу верующих врагам их — государям и правительствам — в обмен на власть и корыстные земные выгоды, и в тупоумии своем нападает на то, что освящено высшим и непререкаемым авторитетом Природы; именно потому, что восседающее в Риме правительство церкви своими нечестными злоупотреблениями, преступными дея-

[1] Джагернаут — одно из имен индуистского божества Вишну (прим. ред.).

ниями, тупостью и ошибками давно выхолостило из христианства самую сущность его — любовь, именно поэтому и нет ныне у церкви ни престижа, ни достойного пристанища, и нет на свете мошенников более нелепых, подвергающихся большему осмеянию, чем священники в католических странах. О, воистину, они освободили меня, воистину!»

Возглас этот был встречен неистовыми криками «ура». Генри Джордж, автор налоговой теории, за защиту которой папа предал Мак-Глинна анафеме, вскочил с мест, чтобы руководить овацией.

То была беспощадная речь. С высоты своего могучего роста Мак-Глинн бросил перчатку в лицо врагу. «Если вы хотите добиться от Рима справедливости, вам придется показать ему зубы! Много ли знают о делах нашего гражданского управления эти итальянцы, которые, не потрудившись даже прочитать книгу Джорджа, осудили ее только потому, что она всполошила богачей, а ведь они с богачами одна компания, эти люди, которые, сидя в Риме, отлучают от церкви священника, смеющего ратовать в Соединенных Штатах за изменение налоговой системы! Так неужели мы поставим родину свою на колени перед ними? Будьте, будьте католиками, но лишь до той минуты, пока можете оставаться ими, не изменяя своей родине! Посмотрите, что делает папа с католиками Ирландии, самыми ревностными, быть может, из всех: он их продает, продает протестантскому правительству Англии, чтобы заручиться его политической поддержкой! Посмотрите, что делает он с немецкими католиками, которые с львиной отвагой защищали его в своем парламенте: он бросает их в беде, обрушивается на них с бранью — продает их, продает протестантскому правительству Германии, ибо оно готово поддержать притязания папы на светскую власть!» И падре без всякого уважения называл имя Льва XIII и насмехался над сладостными титулами монсеньеров и преосвященств; и зал, слушавший его затаив дыхание, разражался по их адресу негодующим ропотом, свистом, глумливыми и бранными выкриками.

Потом он заговорил об истории своего конфликта с архиепископом, заговорил, давая выход тому, что давно накипело на сердце, рассказал о своих попытках отстоять отделение церкви от государства, о безнравственной кабале, в которой архиепископ держит приходских священников епархии, вынуждая их оплачивать право на приход вероломным обманом человеческого доверия, грязными инсинуациями и политическим вымогательством в исповедальнях и с церковных кафедр; о бабьих сплетнях, которыми тешатся сотрапезники за столом у архиепископа. Эта часть речи напоминала стол анатомического театра. Безжалостно были на нем выпотрошены один за другим все викарии и епископы.

«Отлучен!.. И кто же отлучает меня? Те, кто целыми днями толклись в ядовитой тишине архиепископских приемных и шипели, возмущаясь, как это я смел допустить к причастию бедную работницу, вошедшую в храм божий с тяжелым узлом? Те, кто запретил мне выступать в защиту Джорджа, чью налоговую систему я считаю правильной, и кто повелел приходским священникам епархии громить Джорджа со всех церковных амвонов и отлучать от причастия прихожан, одобряющих его взгляды? Те, кто нам, приходским священникам, отказывают в праве заявлять о своей политической позиции, если только не они нам ее навязали, — и это тогда, когда сами они с головой погрязли в различных политических махинациях; когда архиепископ открыто вступает в сговор с самой сомнительной из политических группировок Нью-Йорка; когда он посылал меня самого в Вашингтон похлопотать о местечке для одного из своих протеже; когда вот уже пять лет, как они всех поставили на ноги, чтобы добиться от правительства разрешения назначить в Вашингтон своего нунция, благо с его помощью легче будет втянуть церковь, которая в действительности должна быть независимой, в различные сделки и компромиссы, а в благодарность за это посягательство на свободу церкви и республики в Соединенных Штатах они некоему епископу-немцу посулили архиепископство?»

Раздробленные вражьи кости, вдребезги разбитые ханжеские личины, казалось, так и сыпались на сцену во время этих яростных наскоков!

Однако постепенно волнение оратора улеглось, и речь стала более спокойной: да и как могло быть иначе в этом зале, среди рукоплесканий, в которых слышались одновременно и любовь и клятва верности, среди почти непрерывных оваций, прорезаемых, точно стрелами, гордыми возгласами преданности. В подтверждение слов люди вздымали сжатые кулаки.

«Знаете, почему они отлучили меня? Потому, что я хочу, чтобы церковью управляли на благо беднякам, а не во вред им, и на пользу одной только церкви. Потому что я не сажусь за столы, где вершатся нечистые сделки и где люди тайком смеются над верой, которую сами же проповедуют с алтарей. Потому что я хотя и дорожу своей верой, но все же не настолько, чтобы ради послушания ее извратителям пренебречь священнейшей заповедью каждого гражданина республики. Потому, что, любя свою родину и свою веру, я не могу допустить, чтобы алчная курия, прикрываясь интересами церкви, подрывала свободу в моей стране. Вам говорят, что я иду против церкви? Это верно: двадцать семь лет я был священником в единственном нью-йоркском приходе, пользующемся среди верующих доброй славой и любовью, и все эти годы я неусыпно радел о вас и детях ваших, ибо не мог позволить, чтобы мой народ обманывали и чтобы эгоистичная церковная иерархия обогащалась за счет своих грязных махинаций. Это верно, ибо я считал, что духовенство должно вести такую же честную, святую жизнь, как в те времена, когда церковь была еще бедной. Это верно, ибо я всегда выступал против тех, кто своей алчностью и ненавистью к свободе внушает людям отвращение к католической церкви, кто украдкой присваивает громадные суммы из средств, стекающихся в казну от представителей всех вероисповеданий, а потом употребляет эти суммы на содержание никому не нужных учреждений и закрытых школ для одних католиков. Это верно, ибо я ратовал за упразднение системы церковноприходских школ, этих рассадников раболепия, где нам калечат душу чуть ли не от самой колыбели и где невежественные, грязные попы заботятся не о том, чтобы пробудить, но о том, чтобы навсегда усыпить разум ребенка. Это верно, ибо я не мог допустить, чтобы подрывали — а они стремятся именно к этому — систему народного образования, при которой дети евреев и дети христиан учатся за одной партой, не испытывая ненависти друг к другу!

Знаете, почему они отлучили меня? Потому что я видел, какую силу негодования накопило в человеческих сердцах несправедливое распределение богатств, и утверждал, что церковь должна стремиться к исправлению этой несправедливости, а не к тому, чтобы своекорыстно пользоваться ею. Они отлучили меня потому, что я считаю грешниками против бога всех тех, кто в грозное время надвинувшейся на нас ужасной катастрофы своей вызывающей беззастенчивостью провоцирует кровавый взрыв, предотвратить который могло бы единственно справедливое распределение богатств. Они отлучили меня потому, что я искренне верю: распределение налогов в зависимости от землевладения устранит резкие различия в состоянии граждан, введет в обращение значительные и доселе мертвые капиталы, обеспечит каждого кровом, с детства избавит людей от нищеты и озлобления и спасет нас от самого грозного и глубокого социального потрясения, какое когда-либо видел мир. Они отлучили меня потому, что я не пошел против собственной совести, как того требовал от меня папа, не клялся всуе именем господа моего, не отрекся от того, во что верю; отлучили потому, что я скорее взойду на костер, чем отрекусь!»

Видели вы когда-нибудь вздыбленный ураганом океан? Слышали грохот взлетающих к небу и рушащихся в бездну валов? Вот что напоминал приветственный клич, которым зал разразился в ответ на последние слова Мак-Глинна, клич, который затем прокатился по улицам Нью-Йорка, по всей стране — и не замолкает до сих пор. «И если станут вам угрожать, — продолжал, перекрывая овацию, громовой голос, — если вам станут угрожать отлучением от святого причастия, когда вы не пожелаете отречься от того, во что верите всем своим сердцем, отвергните это причастие!»

«Веди нас!», «За тобой — хоть на смерть!», «Ты для нас и архиепископ и папа!» Люди простирали к нему руки; матери подымали кверху детей, чтобы и они могли послать привет падре; а когда он покидал сцену, мужчины провожали его плавными взмахами рук; казалось, что они машут ему пальмовыми ветвями. Так начал свой поход этот человек, за которым идут целые города, и если ему не удастся очистить от скверны католическую церковь и примирить ее с республикой, он все же станет, быть может, одним из спасителей свободы.

Перевела с испанского

П. ГЛАЗОВА

Рисунки В. Иванова

Опубликовано в русском переводе в кн.: О. С. Терновой. Хосе Марти. М., 1966, стр. 176—180. Перепечатывается с некоторыми сокращениями.

КРЕСТЬЯНИН

НЕ ПОКАЗЫВАЙ эту книжку попу твоего селения, потому что он заинтересован в том, чтобы держать тебя в темноте, чтобы ты обо всем спрашивал его.

И так как он берет с тебя плату за то, что кропит водой голову твоего ребенка, за то, что говорит тебе, что ты муж своей жены, о чем тебе известно с тех пор, как вы любите друг друга; и так как он берет с тебя плату за то, что рождается ребенок, за то, что он благословляет женитьбу, молится за твою душу, за отпевание; и так как он, если ты ему не заплатишь, даже отказывает тебе в праве на погребение,— то он никогда не захочет, чтобы ты узнал, что все, что ты делал до сих пор, не нужно, потому что с этого дня он перестанет получать плату за все это.

И так как все это есть несправедливость, которая таким образом использует твое невежество, я хочу, крестьянин, ничего не требуя у тебя за свою книгу, поговорить с тобой, чтобы сказать тебе правду.

Я не требую, чтобы ты верил так, как я верю. Читай то, что я пишу, и верь, если это покажется тебе правильным. Первый долг человека состоит в том, чтобы мыслить самостоятельно. Поэтому я не хочу, чтобы ты нуждался в попе, ибо он не дает тебе мыслить.

Тогда приступим к беседе, честный крестьянин, зови свою жену и детей, читай им медленно, ясно и много раз то, что я тебе здесь говорю.

Для чего ты несешь крестить своего ребенка?

Ты мне ответишь: «Для того, чтобы он стал христианином». Но скажи мне, друг, делается ли все это тем, что кропят воду на голову твоего ребенка? Если бы все это делалось при помощи этого небольшого количества воды, все, кто был крещен, были бы добрыми. Ты видишь, что это не так.

Но даже если бы эта вода обладала такой силой, то зачем ты доверяешь в чужие руки голову твоего ребенка? Почему ты сам не кропишь его голову водой? Разве вода, которую кропит на голову ребенка честный человек, была бы хуже той, что кропит почти всегда порочный человек, который тебя заставляет жениться на своей бывшей любовнице, желая, чтобы твои, а фактически его дети были законнорожденными, говорит тебе, что ты должен дать им свое имя, а сам отказывается дать им свое имя?

Ты поступишь неправильно, если поверишь, что такой же, как и ты, человек лучше тебя. Человек, который значит больше, это не тот, кто знает латынь, не тот, кто носит на голове тонзуру. Потому что вор в тонзуре всегда ценится меньше, чем честный человек без тонзуры. Ценится больше всего тот, кто более честен, тот, кто больше работает, кто менее порочен, кто живет в любви с женой и детьми.

Так как человек не животное, созданное для наслаждения, подобно быку или свинье, а творение высшей природы, то, если он не обрабатывает землю, не любит свою жену и не воспитывает своих детишек, он, несомненно, снова начинает жить, как бык или свинья.

Даже если бы ты был преступником, то, когда у тебя рождается ребенок, ты поступаешь хорошо. Из-за него ты раскаиваешься, чувствуешь, что поступал плохо, даешь ему слово, что впредь будешь всегда честным; разве ты не помнишь, что творилось в твоей душе, когда у тебе родился первый ребенок? Ты был очень доволен, быстро ходил взад и вперед, боялся за жизнь своей жены, говорил мало, потому что не научили тебя говорить много (а необходимо, чтобы ты научился), но сердце твое было полно радости и томления. И когда ты увидел здоровым родившегося ребенка, то почувствовал, как глаза у тебя наполнились слезами; обняв свою жену, ты на мгновение представил себя светлым, как солнце, и сильным, как весь мир.

Но скажи мне, друг, может ли поп любить твоего ребенка сильнее, чем ты? Почему он должен его любить больше, чем ты? Если кто и желает добра ребенку твоей крови и любви, то кто лучше тебя самого пожелает ему этого?.. Зачем ты его подвергаешь опасности болезни, отрывая его на несколько часов от матери, везешь его для того, чтобы его благословил какой-то посторонний человек? Благослови его сам, ты это сделаешь лучше, чем он, так как ты его любишь сильнее, чем он. Поцелуй и обними его; крепкий поцелуй и сильное объятие — вот и все крещение.

Поп говорит также, что крестит твоего ребенка для того, чтобы он вступил в царство рая. Но он крестит новорожденного, если ты ему заплатишь деньгами, или зерном, или яйцами, или живностью. Если ты ему не заплатишь или не подаришь что-нибудь, то он не будет крестить. Таким образом, царство рая, о котором он тебе говорит, стоит несколько реалов или определенное количество зерна, яиц, птиц.

Какую необходимость или интерес ты можешь видеть в том, чтобы твой ребенок вступил в это царство? Какое мнение ты должен составить о человеке, который говорит, что сделает тебе великое благо, что имеет его в своих руках, что без него ты обречен, что от него зависит твое спасение, и из-за нескольких серебряных монет отказывает тебе в этом великом благодеянии? Разве такой человек не злодей, не эгоист, не скряга? Какое мнение ты составил бы о боге, если бы он действительно был тем, кто посылает подобных посланцев?

Такой бог, который торгует, продает спасение, все делает за деньги, посылает людей в ад, если ему не заплатят, а если заплатят, посылает в рай,— такой бог является чем-то вроде ростовщика, стяжателя, лавочника.

Перевел с испанского О. С. ТЕРНОВОЙ

ИЗ ИНОСТРАННОГО ЮМОРА

Два шотландца, потерпевших кораблекрушение, держатся за спасательный плотик. Один из них горячо молится богу:

— Спасибо тебе, господи, что уберег меня от гибели! Помоги же мне еще и выбраться отсюда живым и здоровым. Клянусь и обещаю тебе, что...

— Подожди, ничего не обещай, — останавливает его второй. — На горизонте показался какой-то кораблы..

●

— Дети мои, — обращается пастор к прихожанам. — Кто из вас читал 69-й псалом от Матфея!

Поднимается лес рук.

— Чудесно! — с ядовитой усмешкой говорит духовный отец. — Поскольку псалмов от Матфея вообще не существует, мне будет о чем сказать в сегодняшней проповеди!

●

Старушка говорит нищему:

— Я дала вам два пенса. Могли бы по крайней мере сказать спасибо!

— Черт побери! — взрывается нищий. — Прочтите, что здесь написано! Видите! Здесь написано, что я глухонемой. И вы хотите, чтобы из-за каких-то паршивых двух пенсов произошло чудо!!

●

Судно терпит бедствие. Капитан с мостика кричит столпившимся на палубе пассажирам:

— Есть среди вас кто-нибудь, кто искренне верит в бога и умеет хорошо молиться!

— Я могу... — с некоторым замешательством отвечает один пассажир.

— Отлично! — говорит капитан. — Начинайте немедленно, потому что у меня не хватает для пассажиров одного спасательного пояса!

КОМУ ОНИ ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЮТ?

И. АНИЧАС, доктор исторических наук

КАТОЛИЧЕСКИЙ КЛЕРИКАЛИЗМ — наиболее влиятельное политическое течение в литовской буржуазной эмиграции, последовательно выражающее и защищающее взгляды литовских буржуазных националистов, которые мечтают об «освобождении» Литвы, то есть о восстановлении капиталистического строя. Влияние клерикалов в буржуазной эмиграции обусловлено тем, что религия, несмотря на ее закономерный упадок, еще держит в плену своего мировоззрения мелкобуржуазные эмигрантские слои. Они цепляются за религиозные иллюзии, ища в них утешение в своей трагической судьбе.

Литовские клерикалы тесно связаны с международным католическим клерикализмом. Ведь Ватикан, хотя и приспосабливается к современным условиям, пытаясь в какой-то степени модифицировать свою тактику по отношению к коммунизму и странам социализма, весьма нуждается для ведения обострившейся идеологической борьбы на мировой арене в проверенных антикоммунистических кадрах, каковыми и является большинство деятелей литовской клерикальной эмиграции. К тому же она располагает весьма разветвленным аппаратом, основные звенья которого — зарубежные литовские католические приходы. Главная функция таких приходов и других центров «пастырской деятельности» — воспитание эмигрантов в духе клерикального антикоммунизма и антисоветизма.

Подавляющее большинство церковных и светских клерикальных организаций литовской буржуазной эмиграции находится в США. Их деятельность координирует американская федерация литовцев католического вероисповедания.

Некоторые организации литовской клерикальной эмиграции находятся в Италии. В Риме, например, с 1954 года действует так называемая Литовская католическая академия наук, выпускающая «труды», пропитанные духом клерикального антикоммунизма. Созданная в 1945 году при Ватикане коллегия святого Казимира систематически ведет идеологическую подрывную деятельность против нашей республики. Там же обосновались центры литовских монашеских конгрегаций салезианцев и марианцев.

Всестороннее изучение состояния упомянутых и многих других организаций литовской клерикальной эмиграции дает основание утверждать, что они переживают глубокий кризис. Большинство этих организаций немногочисленны, их личный состав почти не обновляется за счет молодежи. Различные группы клерикалов ожесточенно соперничают между собой. В их печати все чаще появляются пессимистические высказывания о кризисе основных клерикальных институтов. Только антикоммунистическая миссия, которую взяли на себя литовские клерикалы, еще в какой-то мере объединяет их основательно поредевшие ряды.

Клерикальные круги литовской буржуазной эмиграции всегда отличались самым оголтелым антикоммунизмом. Особо активно они поддерживают все акции международного империализма, направленные против мира и безопасности народов, против борьбы за социальный прогресс. Литовские клерикалы находились среди тех, кого международная реакция широко использовала в целях нагнетания психоза «холодной войны». И сегодня они вкупе с другими политическими силами международной реакции, заинтересованными в сохранении духа «холодной войны», пытаются клеветать на миролюбивую, подлинно интернационалистическую внешнюю политику СССР, направленную на разрядку международной напряженности, всячески стремятся помешать благоприятному развитию отношений между социалистическими и капиталистическими странами.

Существуют, однако, и некоторые специфические особенности, отличающие идеологическую подрывную деятельность литовской клерикальной эмиграции от других разновидностей антикоммунизма. Эти особенности прежде всего определяются тесными связями литовских клерикалов с Ватиканом, который, несмотря на ряд жестов в пользу разрядки международной напряженности, никогда не отказывался от вмешательства во внутренние дела социалистических стран под видом «борьбы с безбожным атеизмом» и «защиты свободы религии».

В соответствии с этим курсом клерикальные эмигранты, как и прежде, продолжают фабриковать клеветнические измышления о положении религии, церкви и верующих в СССР. Объективный процесс освобождения общественной жизни и сознания трудящихся нашей республики от влияния религии и церкви они пытаются представить как насильственное искоренение религии. Клерикальные идеологи тщатся доказать, будто «внутренне литовская нация остается католической» и пребывает в идейно-политическом, конфессиональном и этническом антагонизме с советской социалистической системой, с другими нациями, особенно с великим русским народом [1].

Клерикальные идеологи литовской буржуазной эмиграции всячески идеализируют роль католической церкви в истории литовского народа, объявляют ее носительницей национальной культуры, хранительницей нравственности и усиленно муссируют миф о мнимой опасности, которую будто бы несет с собой отход верующих от религии и церкви. Пропаганду атеизма они представляют как борьбу против национальной культуры и самобытности.

Политическая цель подобных измышлений—вызывать недоверие верующих к атеистам в Советской Литве, возбуждать враждебность у литовских эмигрантов, а также у населения капиталистических и развивающихся стран к коммунистическим и рабочим партиям, к СССР и другим социалистическим странам. Интересно, что, стремясь, как и другие церковники, найти выход из кризиса, переживаемого всеми религиями, и католицизмом в частности, литовские клерикалы признают существование процесса секуляризации в буржуазном обществе и в то же время отрицают его применительно к обществу социалистическому. Корни такой «непоследовательности», конечно же, в антикоммунистических концепциях. А они, как известно, прямо противоречат объективным процессам, поэтому-то для их обоснования необходимы злобные измышления и фальсификации.

В западном радиовещании на литовском языке, особенно в программах «Радио Ватикана» и «Радио Рима», много внимания уделяется идеологической обработке молодежи. Цель клерикалов — с помощью религии овладеть ее духовным миром, заставить отказаться от материалистического мировоззрения и коммунистических идеалов. При этом всячески муссируется лживая версия о том, будто литовская молодежь безрелигиозна только внешне, а в действительности сохраняет «религиозный дух».

Еще один расхожий миф, созданный клерикально-националистическими деятелями,— это «концепция» о так называемой «ассимиляции» молодых литовцев. Они подгоняют под него факты из жизни нашей молодежи, причем особенную ярость у них вызывает атеистическое воспитание.

---

[1] См.: Я. В. Минкявичюс. Католицизм и нация. М., 1971, стр. 254—255.

В Программе КПСС подчеркивается, что под черным знаменем антикоммунизма «объединились ныне все враги социального прогресса: финансовая олигархия и военщина, фашисты и реакционные клерикалы, колонизаторы и помещики, все идейные и политические пособники империалистической реакции».

В рядах антикоммунистов — и контрреволюционеры, и военные преступники, и клерикалы, бежавшие из социалистических стран. На службе антикоммунизма, в частности, пребывают некоторые философы, социологи, историки, литературоведы и другие интеллектуалы из литовской буржуазной эмиграции. Из-под их пера выходит немало антикоммунистических опусов, они же ведут из радиоцентров передачи, направленные против СССР.

В этой статье речь идет в основном о клерикальном течении литовской буржуазной эмиграции, ядром которого стали ксендзы, бежавшие на Запад в 1944 году вместе с отступавшей гитлеровской армией. Это были руководители католической церкви Литвы, часть священнослужителей, а также членов клерикальных организаций, распущенных после свержения буржуазного режима.

Ватикан воздействует не только на содержание пропаганды, ведущейся литовской клерикальной эмиграцией, но и на подбор и расстановку ее руководящих кадров. При этом на высшие посты, как правило, назначаются церковники, проявившие себя на антикоммунистическом поприще. Так, в первые послевоенные годы, в условиях обострения «холодной войны», были особо оценены «заслуги» епископа В. Бризгиса — этот пособник гитлеровцев был назначен духовным пастырем литовцев США и Канады. В 1965 году епископом литовцев-католиков в Западной Европе Ватикан назначил П. Бразиса. Свое политическое кредо сей иерарх изложил в лекции «Наши обязанности по отношению к преследуемой Литве», прочитанной тогда в Вашингтоне на конгрессе католиков-литовцев. Она представляла собой типичный образчик клерикального антикоммунизма, сдобренный грубыми фальсификациями.

После смерти П. Бразиса (1967 г.) Ватикан препоручил литовскую паству в Западной Европе А. Декснису, чье политическое кредо не отличалось от взглядов предшественника. Об этом, в частности, свидетельствовала его проповедь на богослужении, устроенном в палате представителей конгресса США 16 февраля 1971 года. В ней он молил бога и своих американских покровителей «вернуть свободу Литве».

В почете у «святого престола» даже те лидеры литовской клерикальной эмиграции, которые запятнали себя тяжкими преступлениями в годы войны. Так, бывшему капеллану карательного батальона, бесчинствовавшего в Белоруссии в годы гитлеровской оккупации, ксендзу З. Игнатавичюсу (умер в 1975 г.) Ватикан присвоил звание каноника, а в 1973 году — «камергера двора его святейшества»[2]. Ярый реакционер Ю. Балкунас, подвизающийся в США, был назначен в 1971 году «апостольским протонотариусом».

Даже II Ватиканский собор (1962—1965 гг.), внесший определенный вклад в дело поворота международного католицизма к политической реальности наших дней, по существу, солидаризировался с многолетней линией «святого престола» на поддержку вчерашних гитлеровских пособников в рясах. Хотя на этом форуме и присутствовали представители католического духовенства Литовской ССР, однако из-за различных махинаций деятелей литовской клерикальной эмиграции они не были допущены в качестве полноправных участников на I и II сессии собора. В результате католическую церковь Литвы на соборе представлял пособник гитлеровцев В. Бризгис. Опасаясь, как бы собор не получил объективной информации о положении католической церкви в Литве от истинных ее представителей, он сочинил, вручил Павлу VI и распространил среди делегатов меморандум «Церковь в Литве» — очередной пасквиль на литовский народ, избравший путь социализма, на положение верующих в Советской стране. Папа отнесся с «должным вниманием» к этой фальшивке и даже заявил, что «святой престол» не собирается ослаблять своих усилий по оказанию помощи католикам Литвы в их борьбе за свободу религии.

Чем объяснить такую позицию Ватикана, который, поддерживая нормальные отношения с католической церковью Литвы, не только не отказался от «услуг» ультраправых клерикалов из литовской эмиграции, но и оказывает им всяческую помощь, даже разрешает выступать от имени духовенства и верующих Литвы? Дело в том, что «святой престол», как и прежде, продолжает испытывать нужду в услугах «специалистов» по антикоммунизму и находит их среди клерикальной эмиграции.

Однако, несмотря на это, некоторые позитивные сдвиги в позиции Ватикана по проблемам войны, мира, мирного сосуществования иногда вызывают негодование среди ультраправых кругов литовской клерикальной эмиграции. Они, в частности, резко критиковали попытки сторонников «аджорнаменто» отказаться от методов оголтелого антикоммунизма, которые, по признанию самих защитников религии, нанесли большой ущерб католической церкви. С позиций «холодной войны» литовские клерикалы оценивают и стремление некоторых трезвомыслящих деятелей Ватикана нормализовать отношения с социалистическими странами. Клерикально-националистические организации побуждали эмигрантов посылать в Ватикан «письма разочарования».

При этом литовская клерикальная эмиграция возлагает также надежды на укрепление позиций католической церкви Литвы. По их мнению, это сила, которая способна помешать формированию коммунистического сознания литовского народа. Едва ли не яснее всех такие соображения высказал профессор Мюнстерского университета (ФРГ) Антанас Мацейна. «Разве нет основания бояться,— писал он,— что литовская нация, даже если и останется литовской, однако станет коммунистической? Разве нет основания беспокоиться о том, что влияние религии в Литве ослабевает и, таким образом, ослабевает единственный фактор, способный помешать усилению влияния коммунизма, сначала открывая дверь индифферентности, а потом и коммунизму». Соответствующая направленность деятельности клерикалов показывает, что этому вопросу они придают первостепенное значение[3].

С другой стороны, клерикалы бьют тревогу, будто пастырская деятельность в католической церкви Литвы «низведена до положения исчезающего явления», что после «освобождения», на которое они все еще надеются, «некому и не с чего будет начинать восстановление католической жизни». В связи с этим ставится задача готовить предпосылки для возрождения в «будущей Литве» такой системы католического клерикализма, какая была в годы буржуазно-фашистского господства.

Яростный антикоммунизм выветрил из голов ультраправых деятелей литовской клерикальной эмиграции какую бы то ни было способность здравого мышления. Они все еще ждут «переворота» в Литве и не перестают говорить о необходимости должным образом к нему готовиться. «Может быть, очень скоро в Литве многое изменится»,— писал епископ В. Бризгис еще в 1969 году и требовал быть готовыми начать работу по клерикализации Литвы. А клерикалы, основавшие в Риме активно действующий центр литовских салезианцев, одну из своих основных задач видят в воспитании и подготовке деятелей для «воскресающей Литвы».

Как известно, и прежняя, и недавно вступившая в силу новая Конституция СССР, и все наши законы всегда предоставляли и предоставляют равные права действующим в стране, в том числе в каждой союзной республике, религиозным объединениям.

«...В проекте нашей Конституции,— подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев в своем докладе «О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения» на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 4 октября 1977 года,— шире, яснее и полнее, чем где-либо и когда-либо, зафиксиро-

[2] Более подробно об этом см. в ст.: А. Марцинкявичюс. Правда об Игнатавичюсе. «Наука и религия», 1974, № 5 (прим. ред.).

[3] «Laisvė», Los Angeles, 1971, № 5 (88), p. 21—22.

ваны социально-экономические и политические права и свободы граждан и конкретные гарантии осуществления этих прав». Эта особенность новой Конституции нашла свое выражение в закреплении и дальнейшей конкретизации ленинских принципов свободы совести.

В недавно вступившем в силу Основном Законе нашей жизни статья 34 подчеркивает равенство всех граждан перед законом, в том числе и «независимо от... отношения к религии», а статья 52 не только — как и статья 124 прежней Конституции — признает за советскими людьми «право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду» и подтверждает факт отделения в нашей стране церкви от государства и школы от церкви,— но и обеспечивает дополнительные гарантии, исключающие какое-либо нарушение принципов свободы совести на практике. «Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями,— подчеркивается в статье 52, — запрещается».

Католическая церковь Литвы руководствуется установленными Ватиканом канонами, признает папу римского главой церкви. Управляющие епархиями поддерживают непосредственные связи со всемирным центром католицизма. Для осуществления одобренного II Ватиканским собором «обновленческого» курса в литовских католических епархиях создана коллегия ординаров. Для нужд культа издается богослужебная литература. Словом, созданы все необходимые условия для удовлетворения религиозных потребностей верующих.

Такова объективная действительность. Однако специалистам «психологической войны» нет до нее дела, указывал товарищ Л. И. Брежнев в том же докладе. «У них одна цель: помешать росту влияния социализма на умы людей, посеять любыми средствами недоверие и неприязнь к нему. Отсюда шаблонные выдумки, бессовестные фальсификации и прямая ложь о Советском Союзе в расчете на слабую осведомленность аудитории, на легковерных читателей, слушателей, зрителей».

Вот лишь несколько примеров того, как литовская клерикальная эмиграция фальсифицирует положение верующих и духовенства в Советской Литве. «Каждому лицу, не исключая и родителей,— утверждает эмигрантская пресса,— грозят три года тюрьмы за любые старания дать ребенку или юноше религиозное воспитание и обучать религии... Под наблюдением находится и каждый служащий, рабочий, учитель, студент, посещающий костел. Большинству вменено в обязанность следить друг за другом, но существуют и специальные сыщики. Подвергаются наказанию те, у кого в семье кто-нибудь практикует религию»[4]. «Проповеди можно произносить, но их слушает коммунистическая милиция и за их произнесение надо платить»,— уверяют эмигрантские писаки. «Ксендзы, особенно в городах, часто вынуждены жить на колокольнях и даже просто под навесами»[5]. Перечень подобных измышлений можно было бы продолжить, но они столь абсурдны, что даже не нуждаются в опровержении. Вся эта ложь предназначена в первую очередь для дезинформации «свободного мира» и для настраивания верующих западных стран против Советского Союза, социалистического строя, коммунистической идеологии. Другая цель этих фальсификаций — оказывать психологическое давление на духовенство и верующих в нашей республике.

Лишь немногие реакционно настроенные священнослужители старались в угоду международному клерикализму фабриковать «достоверную информацию» о мнимом «преследовании церкви» в Советской Литве. Для этого они незаконно стряпали, размножали и распространяли пасквили, содержащие выдуманные, провокационные слухи и клевету на советский государственный и общественный строй. Часть их пересылалась за границу и публиковалась там в клерикальных изданиях.

Ультраправых деятелей литовской клерикальной эмиграции приводит в бешенство каждый факт участия духовенства в общественной жизни Советской Литвы. Они, например, набросились на поэта Винцаса Стониса (псевдоним ксендза Казиса Житкуса) за то, что он в 1970 году выпустил сборник лирических стихов. Клерикальные издания напечатали клеветнические статьи, порочащие поэта. В. Стонис дал им достойную отповедь через нашу прессу. Клерикальных злопыхателей буквально потрясла статья ксендза Чеславаса Каваляускаса «Неизлечимый больной и цветущая ветка яблони на родине», которую в 1971 году напечатала газета прогрессивных литовцев в США «Лайсве». «Мы не можем,— писал он,— согласиться с одряхлевшими и безответственными крикунами, которые, прикрываясь пролитовскими лозунгами, хотят вернуть себе довоенную буржуазную Литву. В конце концов, что общего с Литвой наших дней имеют эти господа, давно оторвавшиеся от своей страны и от судеб своего народа? И по какому праву смеют они говорить от имени литовского народа, представляя интересы капиталистической системы чужих стран?»[6].

Жизнь показывает, что усилия литовской клерикальной эмиграции воздействовать на католическую церковь Литвы с целью превратить ее в антисоциалистическую организацию совершенно бесперспективны. Влияние социалистической действительности сильнее любых попыток идеологических диверсантов. Тем не менее было бы ошибкой игнорировать вредное влияние зарубежной клерикально-антикоммунистической пропаганды на определенную часть католического духовенства в республике и на некоторых верующих. Дезинформации и клевете клерикального и любого иного антикоммунизма необходимо, как подчеркивалось на XXV съезде КПСС, давать своевременный, решительный и эффективный отпор.

г. Вильнюс

---

[4] «Draugas», Chicago, 23. III. 1962.
[5] «Aidai», Boston, 1963, № 5, p. 219; «Floridas lietuviai», 1964, № 6—7, p. 25; передача ватиканского радио от 19. XII. 1967 г.
[6] «Laisve», New York, 31. VIII., 10. IX. 1971.

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки РСФСР

С этого номера редакция начинает публикацию отдельных глав из новой книги известного специалиста по новой и новейшей истории католицизма И. Григулевича «Папство: век XX», выходящей в нынешнем году в Издательстве политической литературы. Она представляет собой галерею политических портретов «наместников» святого Петра за последнее столетие — с момента утраты ими светской власти (1870 г.) в результате завершения процесса объединения Италии вплоть до наших дней. Предлагаем вниманию читателей сокращенный вариант второй главы этой книги, в которой дается портрет папы, заложившего в середине прошлого века основы политики современного Ватикана, чьи власть и могущество выходят далеко за пределы того старинного римского квартала, каким ныне ограничена его территория.

Джованни-Мария Мастай-Феретти, граф, родился в 1792 году в Сенигальи близ Анконы, родственник папы Пия VII. Важнейшие посты в церкви: член папской миссии в Южной Америке, епископ в Сполето и Имоле, с 1840 года — кардинал.

Избран папой 16 июня 1846 года, принял имя Пия IX. Прозвище — «Биллиардист». Противник объединения Италии. Автор «Силлабуса» («Список современных заблуждений»). Созвал I Ватиканский (XX Вселенский собор), принявший доктрину о непогрешимости папы. После занятия Рима итальянскими войсками в 1870 году объявил себя «узником» Ватикана, запретил верующим сотрудничать с итальянскими властями. Даже в привычной ко всему римской курии выделялся своим кумовством и семейственностью. Умер 7 февраля 1878 года. При погребении римляне пытались сбросить его гроб в Тибр.

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРЕЛАТА

Граф Мастай-Феретти родился, когда Франция была объята пламенем революции. Будущий Пий IX вначале думал посвятить себя военной карьере. В 19 лет добровольцем вступил в наполеоновскую армию, где дослужился до лейтенанта императорской гвардии. После крушения Первой империи будущий папа сменил французский мундир на австрийский, а затем перешел на службу в папскую гвардию Пия VII, с которым его связывали отдаленные родственные отношения. Вскоре эпилепсия, которой страдал молодой офицер, заставила его оставить военную службу. Без особого труда он сменил мундир на рясу. Став прелатом, Мастай-Феретти получил в 1823 году задание посетить Южную Америку в качестве неофициального агента курии для установления контактов с католической иерархией и руководителями республик, возникших после изгнания испанских колонизаторов. Возвратившись через два года в Рим, он делает быструю духовную карьеру. В 35 лет Мастай-Феретти — уже архиепископ Сполето, а потом в течение 16 лет занимает важный пост епископа Имолы, что в 1840 году приносит ему кардинальскую шапку. В бытность свою в Сполето он стал очевидцем восстания, организованного карбонариями. Оно было подавлено, а один из его участников — племянник Наполеона Луи Бонапарт — арестован. Мать последнего — бывшая королева Гортензия — при содействии Мастая-Феретти добилась освобождения сына из заключения. Впоследствии, став императором Наполеоном III, тот не забудет услуги, оказанной ему будущим папой Пием IX.

О Мастае-Феретти шла слава как о галантном кардинале. Он любил балы, пиршества и великосветские сплетни. В Имоле будущий папа подружился с настоятельницей монастыря святых даров Розой-Терезой Бренти. Дружба, видимо, была не только платонической, ибо стала предметом церковного разбирательства.

«Чувствен, но не особенно умен»,— отзывался о нем один из создателей «Священного союза» австрийский канцлер Меттерних. Это довольно точная характеристика Пия IX.

В те годы о Мастае-Феретти говорили, что он не чужд либеральному духу и даже симпатизирует идее объединения Италии. В 1846 году, когда умер 81-летний тиран и самодур папа Григорий XVI и в воздухе начало попахивать революцией, либеральствующий кардинал Мастай-Феретти оказался наиболее подходящим кандидатом в «наместники» святого Петра. Хотя для папы он был слишком молод — всего 54 года — Мастай-Феретти легко победил на конклаве своего конкурента статс-секретаря Ламбрускини, ибо курии нужен был молодой, предприимчивый глава, могущий отстаивать ее интересы перед надвигающейся новой революционной бурей. Мастай-Феретти принял имя Пия в честь Пия VII, своего родственника, при поддержке которого он начал церковную карьеру. Ему повезло. На конклав, в котором участвовали 52 кардинала, опоздал архиепископ миланский Гайдрик, у которого были инструкции Меттерниха отвести кандидатуру Мастая-Феретти. Правом отвода еще со времен средневековья пользовались Испания, Франция и Австрия.

Впрочем, страхи австрийского канцлера оказались напрасными. Одним из первых актов нового папы была энциклика «Кви плюрибус», в которой он осудил коммунизм как греховную доктрину к радости Меттерниха и русского царя. Именно эту энциклику имели в виду Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», причисляя папу и силам старой Европы, объединившимся для «священной травли коммунизма». Но ни террором, ни заклинаниями остановить революцию было невозможно. Опасаясь народного восстания, Пий IX, как отметил Энгельс, «предпринял некоторые весьма сомнительные попытки проведения реформ» [1]. Он амнистировал политических заключенных, разрешил вернуться в Папскую область эмигрантам, допустил издание оппозиционных газет и даже учредил нечто вроде парламента — государственный совет. При нем в Риме было введено газовое освещение, построена первая в папских владениях железная дорога, что тоже отмечалось как проявление «либерализма». Ведь Григорий XVI считал подобные новшества дьявольским изобретением. Энгельс писал по этому поводу, что «в Италии мы являемся свидетелями удивительного зрелища: человек, занимающий самое реакционное положение во всей Европе, представитель окаменевшей идеологии средневековья — римский папа — стал во главе либерального движения» [2]. Итальянские патриоты предлагали Пию IX возглавить борьбу за объединение страны, однако, напуганный размахом патриотического движения, тот быстро сбросил маску либерала и, подобно блудному сыну, вернулся в объятия феодально-абсолютистской реакции.

В своем выступлении (аллокуции) перед кардиналами 29 апреля 1848 года папа заявил: «Мы не можем не отвергнуть перед всем миром коварные, проникающие даже на страницы газет и книг советы тех, кто хотел бы, чтобы римский первосвященник встал во главе новой республики, которая должна объединить все народы Италии. Более того: движимые любовью к народам Италии, мы строжайше предупреждаем и призываем их всемерно остерегаться этих коварных советов, чреватых пагубными последствиями для самой Италии, хранить верность своим государям... и всегда оказывать им должное почтение» [3].

Пий IX выступил против освобождения оккупированных австрийцами северных областей Италии и попытался отменить собственные реформы. Это вызвало всеобщее возмущение в Риме. Спасаясь от народного гнева, папа 24 ноября 1848 года бежал в карете графини Сиаур в Гаэту, на территорию Неаполитанского королевства. В Риме народ провозгласил республику во главе с Мадзини и Гарибальди.

Из Гаэты папа-беглец обратился с призывом о помощи к Неаполитанскому королевству, к Франции, Испании и Австрии, которые в ответ послали против Римской республики свои войска. Там же он отменил все свои прежние реформы.

АВТОР «СИЛЛАБУСА»

Находясь в Гаэте, Пий IX заявил, что требования о введении новых порядков, которым он ранее пошел на уступки, преследовали цель — «разжигать смуты, уничтожать основы справедливости, добродетели, честности, религии и совести, распространить и насадить повсюду, нанося тем самым огромный ущерб всему человеческому обществу, ужасающую социалистическую или даже коммунистическую систему» [4].

С тех пор призрак коммунизма будет преследовать не только Пия IX, но и его преемников вплоть до наших дней.

Только когда Римская республика была задушена, Пий IX в апреле 1850 года возвратился в свою столицу, опираясь на французский гарнизон, «любезно предоставленный» в его распоряжение тогда еще президентом Второй республики Луи Бонапартом, на наемную швейцарскую гвардию и на «папских волонтеров» — пестрое сборище из наемников разных национальностей. Пий IX жил в постоянном страхе перед народом.

Его правой рукой и главой правительства Папской области в течение почти 30 лет был кардинал Джакомо Антонелли. Папа боялся его («мой сатана»,— говорил он об Антонелли) и в то же время держался за него. Несмотря на кардинальское звание, тот не был даже священником. Папский наместник глубоко ненавидел все прогрессивное, отличался ненасытной страстью к наживе и любовным похождениям. Родом из семьи торговца свиньями, Антонелли слыл за финансового гения, приумножившего путем различного рода спекуляций и финансовых махинаций не только капиталы папского престола, но и свои собственные. Ловкий кардинал оставил после себя огромное состояние, которое оценивалось в 100 миллионов скуди, из коих 30 миллионов было в бриллиантах и других драгоценных камнях.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 461.
[2] Там же, стр. 463.
[3] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии. М., 1955, стр. 86.
[4] Там же, стр. 90—91.

Брат всесильного кардинала, Филиппо, возглавлял ватиканский «Банко Романо», капиталом которого свободно распоряжались как сам Антонелли, так и его многочисленная родня. Другой его брат, Людовико, ведал хозяйственным управлением папских областей. Среди прочих сотрудников Пия IX следует отметить начальника полиции прелата Филиппо Нардони, человека с уголовным прошлым, сидевшего в молодости в тюрьме за растраты; военного министра бельгийца де Мэродэ и француза генерала Ламорисьера, командовавшего папскими зуавами, бывшего военного министра в правительстве палача июньского восстания парижских рабочих генерала Кавеньяка. Это был настоящий иностранный легион численностью в 10 тысяч человек — итальянцев, австрийцев, швейцарцев, ирландцев, бельгийцев и французов.

Сам Пий IX, как и многие его предшественники на папском престоле, любил великосветскую жизнь, балы, гулянья, карнавалы. Отсюда крылатое выражение — «вита ди папа» («папская жизнь», то есть «сладкая жизнь»). По праздникам после молебна Пий IX устраивал на крыше собора святого Петра пиршества, в которых участвовала римская «черная» знать — кардиналы и прочие знаменитости. 150 официантов подавали гостям изысканные блюда и тончайшие вина.

Мастай-Феретти был заядлым игроком в биллиард. Во всех его дворцах имелись биллиардные залы, кардиналы и другие ватиканские вельможи знали, что лучший способ заручиться доброжелательством «святого отца» — это проиграть ему партию в биллиард.

Папа знал, что его правительство состоит из продажных и разложившихся чиновников. Говорят, что однажды его врач сказал ему:

— Святой отец, хотел бы просить у вас одолжения: у меня сын — бездельник, неуч, пропойца...

— Понял,— ответил Пий IX.— Вы считаете, что он созрел для работы в нашем правительстве.

Да, Мастай-Феретти знал, чего оно, его правительство, стоит, но никаких мер не принимал.

Пий IX возглавлял борьбу реакционных сил против объединения Италии, которое угрожало ликвидировать средневековые привилегии «святого престола» и его влияние на Апеннинском полуострове. Папство было главным застрельщиком феодальной контрреволюции в Италии, которая нашла свое выражение в создании банд религиозных фанатиков-санфедистов (от слов «санта феде» — «святая вера»), организованных иезуитами по указанию Пия IX. Санфедисты сеяли террор в южных областях Италии, грабя и убивая итальянских патриотов во имя «святого отца и господа бога». С этими головорезами итальянским властям пришлось бороться еще долго после объединения страны.

Папа отлучил от церкви Мадзини, Гарибальди и всех тех, кто боролся за объединение Италии.

Идеологическим кредо Пия IX был «Силлабус», или «Список современных заблуждений», провозглашенный им в 1864 году. В «Силлабусе» он предал проклятию не только коммунизм, социализм, но и всю современную цивилизацию в целом. В частности, всех тех, кто утверждал, что «церковь в своей деятельности не должна пользоваться насилием и обладать прерогативами светской власти» (заблуждение XXIV), что «церковь не имеет естественного и законного права приобретать земные блага и владеть ими» (заблуждение XXVI), что «папа должен примириться и прийти в согласие с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией» (заблуждение XXX), и т. д. В «Силлабусе» Пий IX называет свободу совести «безумием», свободу слова — «смердящим заблуждением».

В надежде укрепить свои позиции Пий IX созвал в 1869 году Вселенский собор, вошедший в историю под именем I Ватиканского. Он был одним из самых коротких — продолжался всего около 10 месяцев. После бурных дискуссий Пию IX и его сторонникам удалось навязать собору догмат о непогрешимости папы, что, однако, не спасло того от утраты светской власти. Один из участников собора — хорватский епископ Иосиф Штроссмаер, не пожелавший голосовать за этот догмат, заявил, что всей воды в реке Тибр не хватило бы, чтобы смыть грязь даже с самой маленькой странички постыдной истории папства. Эти слова могут служить достойной эпитафией тысячелетней истории Папской области, бесславно завершившей свои дни в 1870 году.

«УЗНИК» ВАТИКАНА

Потуги Пия IX задержать развитие истории оказались тщетными. Существование самостоятельной Папской области с ее архаичными феодальными порядками, инквизицией, полицейскими в рясах было последним препятствием к объединению Италии. 19 июля 1870 года Наполеон III, вступивший во вскоре проигранную им войну с Пруссией, был вынужден отозвать свои войска из Рима. Это позволило итальянскому народу наконец ликвидировать светскую власть папы. Папская область стала частью объединенной Италии. 20 сентября 1870 года нескольких артиллерийских залпов по «Священным воротам», охранявшим подступы к Риму, оказалось достаточно, чтобы папское государство прекратило свое многовековое существование. В состоявшемся в феврале 1871 года плебисците в Риме только 46 человек голосовало против присоединения к Италии, а в бывшей Папской области всего 1 507.

В течение последующих восьми лет своего понтификата Пий IX продолжал настаивать на возвращении ему светской власти. В изданной им 1 ноября 1870 года энциклике он объявил себя узником Ватикана и предал анафеме всех тех, кто принимал какое-либо участие во взятии Рима. В марте следующего года Ватикан объявил католикам, что им «не дозволяется» участвовать в парламентских выборах. В энциклике «Уби нос» («О нас», 15 мая 1871 г.) папа осудил «Закон о гарантиях и прерогативах папы и святого престола и о взаимоотношениях государства и церкви», изданный итальянским правительством 13 мая того же года и предоставлявший католической церкви широкую свободу действий. Он также отказался от годовой субсидии в 3 225 000 лир, которая предоставлялась ему этим законом в качестве компенсации за потерю светской власти и соответствовала сумме расходов папского двора в последние годы существования Папской области. Прими он ее, это означало бы признание итальянского государства. Папа же был убежден, что оно вскоре развалится.

Утрата светской власти, крушение империи его покровителя и кумира Наполеона III ничему не научили Пия IX. Не без злорадства встретил папа Парижскую Коммуну. Католическая печать приветствовала «всеобщее столпотворение» в надежде, что буржуазия поймет, насколько ей нужна и полезна могущественная церковь. «Интернационал, вооруженный факелами и керосином,— это инструмент божеского гнева. Выбирайте: с папой или Интернационалом!» — вопил орган иезуитов в Италии «Чивильта каттолика» в начале 70-х годов прошлого века, обращаясь к правящим кругам Франции.

Между тем Пий IX продолжал предавать анафеме коммунизм и социализм с таким же усердием, как и прежде. Комментируя одно из таких выступлений папы, Маркс писал:

«Его святейшество папа Пий IX излил свой гнев в обращении к депутации швейцарских католиков:

«Ваше республиканское правительство», — сказал он, — «считает себя обязанным принести тяжелую жертву тому, что называют свободой. Оно предоставляет право убежища большому числу людей самого низкого пошиба. Оно терпит у себя секту, называемую Интернационалом, которая хотела бы поступить со всей Европой так, как она поступила с Парижем. Этих господ из Интернационала, которые, кстати, отнюдь не господа, следует опасаться, ибо они действуют в интересах вечного врага бога и рода людского. Зачем защищать их? За них нужно молиться».

Сначала повесьте их, а потом уже молитесь за них!»[5].

«РИМСКИЙ ВОПРОС»

Добиваясь ликвидации светской власти пап, итальянская буржуазия тем не менее не выступала против католической церкви как таковой. По словам итальянского историка Фабио Кузина, экономическая действительность породила воинственный антиклерикализм итальянской буржуазии. Этот же фактор его и ограничивал. Правда, итальянская буржуазия с таким же энтузиазмом скупала секуляризированные церковные земли, как в свое время это делала французская. Но она и не помышляла посягать на авторитет католической церкви. Свободомыслие было ей чуждо.

«Облегчив» папу от тягот светской власти и от части поместий и латифундий, итальянские буржуа мечтали заключить союз капитала и креста, видя в религии, церкви и папе «полезные для общества» элементы. Эту идею выразил еще в 1850 году многолетний премьер-министр Сардино-Пьемонтского королевства Кавур, сыгравший в объединении Италии ту же роль, что и прусский канцлер Бисмарк в воссоединении Германии. «Для прогресса современного общества,— заявил он, выступая в пьемонтском парламенте,— необходимо участие двух моральных сил, могущих воздействовать на

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 129.

общество: религии и свободы», подразумевая под последней власть буржуазии. Вот почему, согласно «закону и гарантиях», итальянское государство не только обеспечивало свободу действий папе и римской курии и неприкосновенность Ватикана и других занимаемых папой дворцов и зданий, но и устанавливало ему ежегодную субсидию, от которой он, как уже было сказано, демонстративно отказался.

Либерализм был проявлен и в отношении церковных имуществ. Итальянское правительство изъяло из владения церкви 940 тысяч гектаров земли. Но это были главным образом пустоши, приносившие незначительный доход. После завершения распродажи церковных земель (1906 г.) в руках духовенства осталось еще свыше 400 тысяч гектаров лучшей земли, в том числе богатейшие латифундии в Лорето, Ассизи и Падуе. Иначе говоря, и после «ограбления» церкви итальянской буржуазией Ватикан продолжал оставаться крупнейшим помещиком Италии.

В области политической, пишет тот же Кузин, «итальянское государство вело себя не менее мягко по отношению к своему клерикальному противнику, продолжавшему нападать на него и натравливать на него католиков во всем мире». Правящие классы были настроены столь консервативно, охарактеризовал эту ситуацию основатель Итальянской Коммунистической партии Антонио Грамши, что почти с удовлетворением смотрели на успехи своих врагов, которые по складу своей души таковыми не являлись. Несмотря на острую полемику и многословные протесты левых либералов и несмотря на то, что проекты антиклерикальных законов периодически вносились на рассмотрение парламента, а после 1874 года частично им принимались, папство и итальянский епископат в действительности благоденствовали, да еще и пытались нажить моральный и политический капитал на своем мнимом «мученичестве». Как отмечал один современник, в Италии «за церковью, презираемой и ненавистной, ухаживали, как за сумасшедшей бабкой». Так на деле выглядел «ужасный» антиклерикализм Кавура и его преемников.

Потеря Рима и Папской области, как ни странно, способствовала укреплению финансов «святого престола». Пий IX сразу избавился почти от всех своих долгов, на покрытие которых уходило до этого около половины его доходов: ведь «узник» не был обязан, да и не мог платить ввиду «обстоятельств, не зависящих от него». Сильно сократились расходы курии, связанные с содержанием явной и тайной полиции, армии, чиновничества и т. п. Итальянское государство сохранило за церковью имущество стоимостью в 1 миллиард лир (приблизительно 500 миллионов нынешних долларов), продолжавшее давать изрядную ренту. К тому же во время распродажи церковных земель часть из них была приобретена доверенными людьми Ватикана, а значит, фактически осталась в его владении.

Многие из церковных предприятий по торговле мукой, солью и т. д. незадолго до присоединения Рима к Италии превратились в «частные» акционерные общества, продолжая свою деятельность под контролем Ватикана. Доход от «гроша святого Петра» (сбор которых с 1865 г. производился во всех странах) постепенно увеличивался после «затворничества» Пия IX. В 1866 году, например, этот «грош» принес Пию IX 1 888 тысяч, а в начале 70-х годов — уже свыше 4 миллионов долларов. Но этим не ограничивались доходы папской казны. Большие суммы поступали в Ватикан через «конгрегацию пропаганды веры». Еще в середине прошлого века они достигали более 3 300 тысяч золотых франков.

К перечисленным источникам следует добавить, по словам американского священника Уильямса, книга которого была издана с благословения церковных властей, доходы папской канцелярии от продажи папских орденов и дворянских титулов, от паломников, ценные подарки и наследства. Сюда следует отнести и дивиденды от ценных бумаг, которые стали накапливаться в Ватикане при Пие IX. Римская курия продолжала промышлять и продажей индульгенций. Папа тем не менее постоянно лицемерил, сетуя на свое «бедственное» положение. Стенания курии, рисовавшие папу чуть ли не в рубище и умирающим с голоду (в католических странах духовенство распространяло среди верующих лубочные картинки, изображавшие папу узником, спящим в темнице на соломе!), преследовали цель, как справедливо отмечает Кузин, заставить раскошелиться верующих и, конечно, не имели ничего общего с действительным положением папской казны. Благодаря всем этим обстоятельствам «бедный» Пий IX совершил поистине «чудо»: он не только не оставил своему преемнику долгов, но даже завещал ему 30 миллионов лир (около 15 миллионов современных долларов) наличными.

И еще. Лишившись светской власти, папство тем самым избавилось от наиболее уродливых и позоривших его в общественном мнении атрибутов: террористического аппарата (полиции, тюрем, военного министерства) и таких проявлений «экономической» политики, как торговля должностями, сдача на откуп целых отраслей хозяйства, налогов.

Таким образом, папа остался только главой церкви, что способствовало поднятию и ее, и его авторитета и возрождению в массах иллюзий в отношении «христианских добродетелей», якобы присущих духовенству.

НА ПУТИ К БУРЖУАЗНОЙ КАНОССЕ

Политические и материальные интересы неуклонно толкали папство, католическую церковь и клерикальные организации в отдельных странах в объятия буржуазии, втягивая их в фарватер капиталистической деятельности. Папство и буржуазию роднила их общая вражда к социалистическому движению. По мере развития рабочего движения и социалистических партий католическая церковь и буржуазия политически сближались, прощая друг другу старые обиды и прегрешения.

В Италии процесс сближения католической церкви с буржуазией совершался медленнее и с бо́льшими трудностями, чем в других странах Западной и Центральной Европы. Но даже в 70-х годах XIX века, когда Пий IX особенно злобствовал против ненавистных ему либералов, буржуазия смотрела с симпатией на стремление клерикалов распространить свое влияние на трудящихся в противовес социалистам. В 1874 году на конгрессе объединения клерикальных организаций Италии «Опера деи конгресси» была принята резолюция, призывавшая создавать католические рабочие союзы, которые должны были действовать исходя из принципов «христианской любви» и «непротивления злу», то бишь капиталистической эксплуатации. Что касается крестьян, то тот же конгресс обязывал светские католические организации ограждать их от «тлетворного влияния антирелигиозных, революционных и социалистических идей», что опять-таки было на руку итальянской буржуазии.

Особенно быстро конфликт между папством и итальянской буржуазией был улажен в сфере экономики. Дивиденды существующего и поныне ватиканского акционерного общества «Сочьета дель Акуа Пия Антика Марча» по эксплуатации римского водопровода, которое было основано в 1846 году, например, в 1871—1875 годах увеличились в 10 раз. Капитал и дивиденды другой ватиканской акционерной компании «Сочьета Англо-Романа пер Иллюминационе а Гас», составившие в 1875 году соответственно 289 683 000 и 3 250 000 лир, в 1890 году достигли 1 928 366 000 и 14 миллионов лир. Из последней компании в 1883 году выделилось другое ватиканское предприятие — «Сочьета Электрика Англо-Романа».

Все это были первые шаги Ватикана на его пути к сближению с капитализмом.

Английский историк Хэйлз называет Пия IX «создателем современного папства». На первый взгляд такое мнение может показаться парадоксальным, необоснованным. Действительно, как можно Пия IX — этого последнего светского правителя католической церкви, поборника феодальных прав папства, автора «Силлабуса» и догмата о папской непогрешимости — считать создателем современного папства? Оказывается, можно. Дело в том, что основные черты политики Пия IX наложили свой отпечаток на всю последующую деятельность Ватикана вплоть до наших дней.

Прежде всего, непримиримая враждебность по отношению к коммунизму, рабочему и национально-освободительному движению. Во-вторых, стремление изменить соотношение политических сил в Италии в пользу крайней реакции. В-третьих, резко отрицательное отношение к отделению церкви от государства. В-четвертых, содействие созданию международных реакционных блоков, направленных на подавление прогрессивных движений. В-пятых, стремление всячески приуменьшить значение научных открытий. В-шестых, политика отлучений и анафем в адрес церковных и католических деятелей, выступающих с критикой реакционных установок Ватикана.

Преемники Пия IX развивали, укрепляли, утверждали эти черты ватиканской политики, но не они были их инициаторами. Родоначальником этого курса был папа Мастай-Ферретти. Поэтому есть все основания считать именно его «создателем современного папства».

ЦЕРКОВЬ И ВЕРА В ДЬЯВОЛА

Ветеран атеистической пропаганды, доктор исторических наук Михаил Маркович Шейнман не увидел своей последней книги: он скончался накануне подписания ее в свет.

Ушел большой труженик. Даже будучи тяжело больным, он продолжал работать: корректура последней его книги вся испещрена поправками, заметками на будущее. Помещая на нее рецензию, мы отдаем дань таланту ее создателя — неутомимого борца за научное мировоззрение.

М. М. Шейнман. ВЕРА В ДЬЯВОЛА В ИСТОРИИ РЕЛИГИИ, М., «Наука», 1977, 100 000 экз., 112 стр., 35 коп.

Автор подробно исследует вопрос, какое место в системе религиозных взглядов занимала в прошлом и занимает в настоящее время вера в дьявола, поклонение ему и «борьба» с ним. При небольшом объеме книга насыщена огромным фактическим материалом. Осмысляя его, автор исходит из задач идеологической борьбы сегодняшнего дня.

Бесы, злые духи, черти, главнокомандующий адовыми легионами Сатана, он же Люцифер, Вельзевул, известный еще и под другими именами, вселение бесов в живых людей, изгнание их при помощи заклинаний и истязаний «одержимых». Все эти понятия, ассоциирующиеся с мрачными временами средневековья, живы до сих пор.

Вера в реальное существование дьявола и огромной рати подчиненных ему злых духов составляет неотъемлемый элемент почти всех исповедуемых ныне религий. Современные церкви упорно отстаивают догмат о существовании дьявола.

II Ватиканский собор католической церкви призвал священнослужителей к возвеличению бога и посрамлению дьявола, подтвердив один из основных религиозных догматов: источником всего зла на земле является то, что человек «попал в рабство к дьяволу». Папа Павел VI категорически подчеркнул необходимость веры в дьявола и решительно ополчился против тех, кто подвергает сомнению истинность этой веры. Специальный документ «Христианская вера и демонология» подробно разъясняет позицию Ватикана в этом вопросе, основываясь на Библии, особенно Новом завете, и на многочисленных сказаниях о том, как дьявол искушал святых.

В книге приведен образец казуистической аргументации ватиканского документа: существование нечистого, мол, подтверждается тем, что оно многими отрицается; ведь само это отрицание — результат козней дьявола. И чем «радикальнее» это отрицание, тем больше оно свидетельствует о «присутствии» дьявола...

Выступая с публичной речью по случаю начала великого поста в прошлом году, Павел VI заявил, что мир находится под владычеством демонов. Непонятным, правда, остается, каким образом и почему произошел переворот, в результате которого бог уступил свое господство Сатане.

На вопрос, почему идеологи религии и церковная иерархия так заинтересованы в признании реального существования нечистой силы, автор дает ясный и убедительный ответ. Если исходить из тезиса о единовластии бога в мире, то именно бог оказывается источником существующего зла. Если бог всеблаг и всемилостив и желает сотворенному им человеку только добра, то закономерен вопрос: откуда же в мире зло? И вот ответственность за стихийные и социальные бедствия, войны, классовую эксплуатацию, нищету и голодовки богословы возлагают на «антибога». Однако при этом остается непонятным очень существенное обстоятельство: почему бог, будучи всемогущим, позволяет своему антиподу бесчинствовать и злодействовать?

Актуальность проблемы о вере в нечистую силу определяется и тем, что на Западе вера в дьявола в последнее время стала своеобразной модой. Нередко психические заболевания считаются следствием «одержимости бесом» и для его изгнания применяются средневековые методы. Существуют даже специальные кадры экзорцистов — священнослужителей, занимающихся такого рода «врачеванием». Выходят в свет кинофильмы, сюжет которых — вселение бесов в людей и процедура их изгнания.

Среди современных богословов есть немало и таких, которые понимают удивительную для нашего времени примитивность религиозного учения о дьяволе. М. М. Шейнман приводит ряд высказываний церковных идеологов, модернизирующих это учение. Небезызвестный катехизис голландских епископов (1966 г.) фактически отвергает традиционную для церкви веру в дьявола как в реальное существо и предлагает рассматривать его как олицетворение зла. Специальная комиссия кардиналов, которая по поручению папы анализировала катехизис, сочла необходимым внести такую формулировку: «Существование ангелов, как и дьявола, является истиной, которая входит в учение католической церкви». Авторы катехизиса не согласились с таким толкованием. Отрицает веру в существование дьявола католический теолог из ФРГ Г. Хааг, выпустивший в 1974 году объемистую книгу на эту тему.

Итоги проведенного в 1971 году опроса верующих ряда европейских стран показали, что большинство из них не верят в реальное существование дьявола. Тем не менее, католическая церковь продолжает считать соответствующее учение истинным и веру в него — обязательной для каждого.

Современная православная церковь стоит в этом вопросе на той же позиции, что и католическая. «Вера в чудеса, дьявола, — пишет автор, — полностью сохраняется. Руководящие деятели церкви, ее идеологи исходят из того, что если из сложившегося веками церковного здания удалить один камень, то это расшатает все здание. А вера в дьявола — одна из тех опор, на которых держится религия».

В книге приводится материал, свидетельствующий о том, что вера в личное существование дьявола является непременным компонентом догматики многих ответвлений христианства, а также иудаизма и ислама.

Специальная глава книги посвящена истокам веры в злых духов в первобытном обществе. В ходе дальнейшего развития общества, эволюции верований возникают и оформляются дуалистические религиозные учения: мир сверхъестественных существ отчетливо делится на две группы по признаку их доброго или злого отношения к людям. Классическим примером такой религиозной системы является зороастризм с добрым богом Ахурамаздой и злым Анхра-Майнью. Именно это учение повлияло в дальнейшем на верования древних иудеев, а потом и христиан, создавших доброго бога Яхве, а затем троицу и злого — Сатану. Автор подробно прослеживает эволюцию дуалистических верований и находит их корни в первобытной и древней демонологии. В небольшой главе рассказано о том, как представления о вере в дьявола отразились в Ветхом завете и иудаизме. Особую ценность для пропагандиста представляет анализ ветхозаветных книг Иова и Захарии. В книге Иова, например, Сатана является не только антиподом бога, но, по существу, его соратником и даже приятелем. Совместно они решают испытать, насколько благочестив человек по имени Иов, и заключают своего рода пари. Бог поручает Сатане произвести над Иовом необходимые эксперименты. В конечном итоге трудно понять, бог или Сатана одержал победу в этом споре. Можно добавить к этому, что и в иудаизме, и в христианстве Сатана и подчиненные ему черти облечены от бога весьма важными полномочиями: они в качестве штатных палачей тащат осужденных грешников в ад и там приводят в исполнение приговоры божьего суда.

В истории христианства вера в дьявола и его козни не только имела доктринальное значение, но и играла весьма важную практическую роль. На протяжении столетий церковные власти имели возможность обвинять в связи с нечистой силой всех, с кем надо было свести счеты; наветами дьявола объяснялись все социальные и идеологические движения против господствующих классов и церкви. Сочинялись трактаты о том, как люди продавали души дьяволу и в обмен получали способность действовать во вред окружающим: наводить болезни, истреблять или портить скот. Церковь обвиняла в связи с дьяволом тех, кого надо было уничтожить. Изуверские пытки вынуждали несчастных «сознаваться» в том, что они находятся в союзе с нечистой силой. Миллионы людей нашли мученическую смерть на кострах инквизиции.

В книге М. М. Шейнмана все эти факты и проблемы освещены с той четкостью, тщательностью и обоснованностью, которая характерна для всего научного и литературного творчества исследователя.

Книга легко читается. С интересом и пользой для себя ее прочтут все, кто изучает прошлое и настоящее религии.

М. ДАНИЛОВА

ПАРТИЙНОСТЬ АТЕИЗМА

Я. Я. Кожурин. ВОПРОСЫ АТЕИЗМА В ТРУДАХ СОРАТНИКОВ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА. Изд-во Ленинградского ун-та, 1977, 191 стр., 5800 экз., 92 коп.

Проблема партийности философии впервые была поставлена классиками марксизма. Под партийностью философии они понимали ее социальную направленность, способность в конечном счете выражать интересы тех или иных классов или социальных групп общества.

В монографии Я. Я. Кожурина, посвященной теоретическому наследию первых выдающихся пропагандистов идей марксизма И. Дицгена, А. Бебеля, Ф. Меринга, П. Лафарга, Г. В. Плеханова, проблема партийности рассматривается применительно к вопросам научного атеизма, которые нашли свое отражение в трудах этих учеников и соратников Маркса и Энгельса. Монография открывает для исследователей-атеистов и широкого круга читателей пласт марксистской мысли, который до сих пор был сравнительно слабо освещен в советской атеистической литературе. Книга написана на основе кропотливого и тщательного анализа первоисточников, в частности архивных документов и работ, еще не переведенных на русский язык. Это позволило автору более полно раскрыть мировоззрение каждого из мыслителей, отметить то новое, что внесли они в разработку марксистского атеизма. Структура книги, глубоко продуманная автором, позволяет не только познакомиться со взглядами соратников Маркса и Энгельса, но и увидеть процесс формирования марксистского атеизма как философской, партийной науки.

Боевой, партийный дух всех произведений сподвижников Маркса и Энгельса обусловлен непосредственной связью и единством их теоретических установок с конкретными задачами рабочего движения, с разработкой стратегии и тактики марксистской партии в борьбе против религии и церкви. Атеистическую теорию ученики и сподвижники Маркса и Энгельса тесно связывали с практическими задачами революционного пролетариата, с борьбой против религиозной идеологии и идеализма — ее теоретического прикрытия.

Талантливые выходцы из рабочей среды, ставшие видными деятелями международного рабочего движения, Иосиф Дицген и Август Бебель остро чувствовали необходимость овладения марксизмом как мощным идейным оружием пролетариата. Оригинальность и самостоятельность мышления Дицгена, пришедшего к диалектическому материализму непосредственно от материализма Л. Фейербаха, отмечали Энгельс и Ленин. В философских работах, докладах и брошюрах, в лекциях на антирелигиозные темы Дицген отстаивал атеизм как неотъемлемую сторону материализма, что и по сей день играет важную роль в идеологической борьбе: буржуазные идеологи, стремясь дискредитировать и «опровергнуть» марксистский атеизм, стараются вначале оторвать его от материализма как философской основы.

Активным пропагандистом атеизма в широких массах трудящихся был Бебель. Автор монографии отмечает, что «для атеистических взглядов Бебеля характерны их резко публицистическая направленность, стремление подчинить борьбу с религией нуждам и интересам классовой борьбы пролетариата» (стр. 52). В работах «Женщина и социализм», «Социализм и христианство» Бебель творчески развил марксистское атеистическое наследие, в частности анализируя социальную природу религии, ее реакционную роль в классовом обществе.

Франц Меринг, один из основателей Коммунистической партии Германии, также уделял большое внимание вопросам религии и атеизма. В работах «История Германии с конца средних веков», «Об историческом материализме» и других он неоднократно высказывал мысль о том, что в приспособлении религии к меняющимся условиям жизни решающую роль играют не религиозные догмы, а социально-классовые интересы и установки. Опираясь на марксистскую методологию, Меринг, так же как Лафарг, Плеханов и другие марксисты, подверг резкой критике предпринимавшиеся уже тогда попытки совместить христианство и социализм, навязать пролетариату религиозное мировоззрение. Эти идеи Меринга не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Воинствующий пролетарский атеизм характерен и для Поля Лафарга, по выражению В. И. Ленина, одного «из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма» *. Критика религии, анализ ее происхождения и сущности сочетались у Лафарга с яркой и образной сатирой на религию как орудие в руках эксплуататорских классов, примером чего может служить его работа «Религия и капитал», где остроумно разоблачаются не только реакционная сущность религии в эксплуататорском обществе, но и всевозможные попытки буржуазии использовать «подчищенный» клерикализм в своих классовых целях.

Особое место в монографии отводится Г. В. Плеханову, в трудах которого многие проблемы научного атеизма получили наиболее полное освещение. Как справедливо отмечает Я. Я. Кожурин, для творчества Плеханова характерно, что «при оценке того или иного общественного явления, той или иной научной теории Плеханов требовал органического сочетания объективности и партийности» (стр. 171). Несомненной заслугой Плеханова является глубокий диалектико-материалистический анализ религии — ее структуры, социальных функций, происхождения и путей ее преодоления в социалистическом обществе.

Говоря о мировоззрении того или иного мыслителя, автор не обходит вниманием и его ошибки, методологические, теоретические и тактические просчеты и неточности, за которые в свое время критиковали Дицгена, Лафарга и Меринга Маркс и Энгельс и которые отмечал у Плеханова Ленин.

Книга Я. Я. Кожурина во многих отношениях может быть ценным пособием не только для специалистов, но и для пропагандистов атеизма, партийных работников и всех, кто интересуется проблемами теории научного атеизма и ее связи с практикой международного рабочего движения.

В. МИТИНА

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 387.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

М. А. Заборов. ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ. М., «Высшая школа», 1977, 272 стр., 20 000 экз., 64 коп.

Исследование истории «священных войн» западного христианства всегда было связано с идейно - политической борьбой своего времени. В наши дни их изучение связано с борьбой, которую сторонники материалистического понимания истории ведут против попыток ее идеалистического, религиозно - апологетического толкования, согласно которому эти войны рассматриваются как «средневековое решение ближневосточного конфликта». Нередко интерес к крестовым походам используется реакционной пропагандой для политических спекуляций, а церковными деятелями — для апологетической фальсификации истории.

Вот почему историки-марксисты стремятся представить события той далекой эпохи в их истинном свете. В последние десятилетия в СССР и в братских социалистических странах опубликован ряд работ по этой тематике. Среди них — книга известного специалиста по истории крестовых походов М. А. Заборова. Это, по сути, первая в нашей литературе столь пространная и систематизированная работа, в которой освещаются основные документы крестовых походов. При этом большинство переводов латинских текстов, отрывков из сочинений арабских писателей, а также из «Хронографии» армянского историка Матфея Эдесского опубликованы на русском языке впервые. Для массового читателя здесь особенно полезны комментарии, поясняющие смысл и сущность тех или иных религиозных обрядов, церемоний, эпизодов евангельской истории и т. п., упоминания о которых часто встречается в латинских хрониках того времени.

Удачен подбор материалов, показывающих различные эпизоды первого крестового похода, черты социально-политического строя и повседневной жизни Латино-Иерусалимского королевства, «которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка» *. Большой интерес представляют документы по четвертому крестовому походу, завершившему разгром рыцарями христианского Константинополя, произведенный по наущению Венеции — торгового конкурента этого города. К тому же крестоносцы рассматривали эту акцию как благочестивое дело: ведь для Рима Константинополь был «мятежным и ненавистным городом».

Перед каждым исследователем письменных памятников средневековья возникает проблема: как выделить элементы объективности в произведениях повествователей и дать достоверную картину событий, отделить историческую правду от вольных или невольных ее искажений, допускавшихся в угоду религиозным догмам авторами того времени, которые сквозь призму религиозных установок воспринимали и

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 356.

трактовали реальную действительность, мистифицировали происходящие события, искали скрытый «высший» смысл в любом факте. Мистифицированное изложение событий в этих произведениях до сих пор способствует созданию буржуазными историками современных мифов о крестовых походах.

Тема крестовых походов, тесно связанная с историей как католической Европы, так и православной Византии и мусульманского Востока, предоставляет возможность взглянуть на многие события с нескольких различных точек зрения. Свидетельства восточных авторов дополняют латинские хроники, позволяют воссоздать более верную картину событий.

Восточные историки, отмечает М. А. Заборов, нередко точнее западных объясняли непосредственные причины, цели и характер крестовых походов, судили о них прежде всего по делам крестоносцев, а не по их высокопарным заявлениям. Они более правдиво описывали поведение западных захватчиков, гораздо детальнее освещали многие события, больше внимания уделяли их социальным и экономическим последствиям, жизни местного населения. Однако они часто весьма сгущали краски, следуя предвзятым религиозным симпатиям и антипатиям. Анализируя оценку крестовых походов в древнерусских письменных памятниках, автор высказывает справедливую мысль о том, что, хотя русские авторы подчас были недостаточно осведомлены о подлинных событиях, они излагали их «эпически объективнее», беспристрастнее, чем другие. В своей совокупности источники, собранные в книге, развенчивают миф о крестовых походах как о воплощении геройского духа рыцарства, культивируемый многими буржуазными историками.

На наш взгляд, книга М. А. Заборова дала бы более полное представление об исследуемом предмете, если бы в ней были освещены второй и третий крестовые походы, ознаменовавшие, как известно, определенную переориентацию крестоносного движения. В частности, интересно было бы показать роль друга папы и советника государей Европы аббата Бернара Клервосского, организовавшего второй крестовый поход, — церковного деятеля, печально известного своими призывами к войне против славян (1147 г.) и подавлением еретических движений.

Однако и в таком виде новая книга — ценное пособие не только для историка, но и для пропагандиста атеизма, который найдет в ней богатый познавательный и разоблачительный материал по истории религии.

О. ЛИСЮТКИН,
ассистент кафедры философии Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Новинки литературы

М. С. Беленький. О МИФОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ БИБЛИИ. М., «Наука», 1977, 167 стр., 115 000 экз., 55 коп.

Л. И. Емелях. ХРИСТИАНСКИЕ ТАИНСТВА. Лениздат, 1977, 159 стр. с илл., 15 000 экз., 25 коп.

«РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ». М., «Мысль», 1977, 364 стр., 21 000 экз., 1 руб. 34 коп.

Н. Н. Розов. КНИГИ ДРЕВНЕЙ РУСИ. XI—XIV вв. М., «Книга», 1977, 167 стр. с илл., 5000 экз., 80 коп.

Р. Сакке. МИФ О «БЕССМЕРТНОЙ ДУШЕ». Алма-Ата, «Казахстан», 1977, 106 стр., 13 800 экз., 15 коп.

В. В. Соколов. СПИНОЗА. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Мысль», 1977, 222 стр., 50 000 экз., 25 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Э. М. Ахмедов. О структуре арабо-мусульманской философии средневековья. «Философские науки», 1977, № 5, стр. 122—131.

А. Будов. Помочь человеку! «Молодой коммунист», 1977, № 1, стр. 74—76.

М. С. Бутинова. Миссионерство в Океании. «Советская этнография», 1977, № 1, стр. 150—159.

И. Григулевич. Несбывшаяся мечта Пия XII. «Новое время», 1977, № 39, стр. 27—30

Д. Данилов, В. Кобецкий. Верующие среди безбожников. «Молодой коммунист», 1977, № 1, стр. 70—73.

В. Добелниеце. Совершенствовать индивидуальную работу с верующими. «Коммунист Советской Латвии». Рига, 1977, № 1, стр. 85—90.

Дм. Еремеев. Ислам как образ жизни. «Азия и Африка сегодня», 1977, № 9, стр. 56—59.

Н. М. Закович, В. А. Зоц. Опыт социологического исследования религиозности населения. «Социологические исследования», 1977, № 3, стр. 91—94.

В. Калистру. Воспитываем атеистов. «Агитатор», 1977, № 17, стр. 47—48.

В. Клочков. Государство и религия. «Агитатор», 1977, № 18, стр. 34—35.

Л. Е. Куббель. Рецензия на кн.: М. А. Коростовцев. Религия Древнего Египта. «Советская этнография», 1977, № 1, стр. 186—189.

М. Кубланов. Социально-психологические аспекты возникновения христианства. «Азия и Африка сегодня», 1977, № 6, стр. 57—60.

В. А. Кувакин. Н. Бердяев — философ религиозно-мистического волюнтаризма. «Философские науки», 1977, № 4, стр. 74—83.

«Марксистско-ленинское воспитание студентов: опыт Львовского и Люблинского университетов». Львов—Люблин, 1976. Из содержания: О. Н. Цыбенко. Формирование атеистической убежденности студентов вузов, стр. 107—113; А. Новицкий. Формы и содержание атеистического воспитания в Люблинском университете им. М. Кюри-Склодовской, стр. 113—121.

Л. Мартынов. Танна-Тоа ждет Арчибальда (о верованиях меланезийцев острова Танна). «Вокруг света», 1977, № 7, стр. 32—35.

«Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения». Кишинев, 1977. Из содержания: Верования и обряды в XIX — начале XX в., стр. 262—295; **В. С. Зеленчук, Л. Д. Лоснутова.** Преодоление религиозных пережитков, стр. 296—300.

В. Наумкин. Последние зороастрийцы Адена. «Азия и Африка сегодня», 1977, № 8, стр 53—54.

А. И. Немировский. Социально-политические и философско-религиозные взгляды Тита Ливия. «Вопросы истории», 1977, № 7, стр. 103—117.

М. М. Пулатова. Из опыта исследования взаимосвязи атеистического и эстетического воспитания младших подростков. «Советская педагогика», 1977, № 7, стр 53—57.

Б. А. Рыбаков. Новые данные о культе небесного оленя. В кн.: «Восточная Европа в эпоху камня и бронзы», М., 1976, стр. 57—63.

А. Турсунов. Мировоззренческие проблемы научной космологии. «Вопросы философии», 1977, № 8, стр. 63—77.

Г. О. Чарыев. Философия воинствующего гуманизма Сейди. «Философские науки», 1977, № 5, стр. 155—158

К. Шулембаев. Вопросы атеистического воспитания. «Партийная жизнь Казахстана». Алма-Ата, 1977, № 1, стр. 92—93.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ЕРШОВ Виктор Петрович — преподаватель Петрозаводского государственного университета имени О. В. Куусинена, кандидат педагогических наук, автор статей об использовании краеведения в атеистическом воспитании. В журнале «Наука и религия» выступает с 1969 года.

ГРАФОВА Лидия Ивановна — специальный корреспондент газеты «Комсомольская правда», автор многих статей по морально-этическим проблемам. В журнале «Наука и религия» выступает впервые.

ПОРУДОМИНСКИЙ Владимир Ильич — писатель, автор книг о деятелях русской культуры: «Гаршин», «Даль», «Николай Ге», «И. Н. Крамской», «Болдинская осень» и других. Много лет занимается изучением жизни и творчества собирателей русского фольклора. В нашем журнале печатается впервые.

БОГУСЛАВСКИЙ Вениамин Моисеевич — доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Института философии АН СССР. Работает в области истории философии. Автор книг «Знание и вера в бога», «У истоков французского атеизма и материализма», «Тезисы Маркса о Фейербахе», «Ламетри» и других. В нашем журнале печатается впервые.

ФИШ Радий Геннадьевич — писатель-востоковед, кандидат филологических наук. Автор книг «Назым Хикмет» (1968), «Джалаладдин Руми» (1972) в серии «Жизнь замечательных людей», «Турецкие дневники» (1977) и других. В нашем журнале выступает впервые.

ХАШИМ Рахим Мамедович — кандидат филологических наук, работает в Институте истории, языка и литературы Академии наук Таджикской ССР. Автор ряда работ по таджикской классической литературе. Многие годы был литературным секретарем Садриддина Айни. В нашем журнале печатается впервые.

ГРИГУЛЕВИЧ Иосиф Ромуальдович — доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, главный редактор журнала «Общественные науки», заведующий сектором зарубежной этнографии Института этнографии АН СССР. Специалист по истории и критике религии и церкви и по проблемам Латинской Америки. Автор книг «Ватикан» (1957), «Мятежная» церковь в Латинской Америке» (1972), «Сальвадор Альенде» (1975), «Инквизиция» (1976), «Крест и меч» (1977) и других, а также многочисленных статей в научных сборниках и центральных журналах, в том числе и в «Науке и религии».

А07429. Сдано в набор 17. X. 77 г. Подписано к печати 1. XII. 77 г.

Тираж 440 000 экз. Зак. 04911. Формат 60×90 1/8. Печатных листов 10.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»,

г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Издавна торжественно, по-праздничному провожали закарпатские гуцулы своих односельчан, уходивших на лето со стадами на горные пастбища — полонины. Теперь этот праздник наполнился новым содержанием, стал красочным гимном свободному труду.

Читайте об этом корреспонденцию А. Левант «Проводы на полонины».

Фото Школьного.

Цена 30 коп.
70602

33-13